

Журнал издается
по благословению
Высокопреосвященного Евгения,
архиепископа Верейского,
ректора МДА и С

Учредители

Московская Духовная
Академия
Международный Фонд
единства православных
народов

Главный редактор

иеромонах Петр (Еремеев)
E-mail: ierom@mail.ru

Заместитель главного редактора

Дмитрий Моисеев

Выпускающие редакторы

диакон Сергей Матюшин
Александр Войтенко

Редакционный совет

иеромонах Нестор (Сиротенко)
Евгений Петровский
Михаил Первушин
Владимир Бурга
Игорь Ходыкин — редактор
приложения «На перепутье»
(для заключенных)

Верстка

диакон Роман Глыбовский
Алексей Долгов

Корректор

Татьяна Харченко
Владислав Алешин

Набор

Наталья Воробьева

Фото

Андрей Лисичкин

Адрес редакции

141300, Московская обл.,
Сергиев Посад, Лавра, МДАиС
Тел.: (09654) 4 12 18

Факс: (095) 973 08 23

Internet: <http://www.mpsda.ru>

E-mail: academy@tsinet.ru

Издание зарегистрировано
Комитетом РФ по печати

Свидетельство о регистрации
№ 017290 от 6 марта 1998 г.

Подписано в печать 06.06.2000 г.
Формат 60x90 1/8. Бумага офс. № 1
Усл. печ. л. 8. Уч.-изд. л. 8,2. Заказ 1313

Журнал отпечатан на средства
Международного Фонда
единства православных народов
Оригинал-макет изготовлен редакцией
журнала «Встреча»

Отпечатано в ГУП ИПК
«Ульяновский Дом печати»

432601, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ВСТРЕЧА 2000 • 2(12)

Ежеквартальный студенческий православный журнал
Московской Духовной Академии и Семинарии
и Международного Фонда единства православных народов

В нашей церковной среде часто можно слышать многочисленные упреки в адрес современной нецерковной молодежи. Порицания эти, хотя и не достигают своего адресата, но, как ни странно, определенно отрицательно влияют на самую внутрицерковную атмосферу. И первое тому подтверждение — заметная перемена в отношении верующих молодых людей к своим сверстникам «из мира».

Печально, но иногда приходится слышать, как некоторые собратья-священники строят целые проповеди на противопоставлении избранности своих прихожан и греховности тех — «других», которые пребывают вне Церкви. Что ж удивляться после этого, если в ином храме тебя же, не зная что ты священник, встречают с недоверием и без всякого дружелюбия.

Проще простого, конечно, сказать, что молодежь сегодня безбожна, что вместо обращения за утешением в скорбях к Церкви она ищет спасения в наркотиках и алкоголе, или что молодежь продажна и мелочна и за «Сникерс» готова ходить на сектантские собрания. Гораздо труднее сделать что-нибудь, а вернее — все, что возможно, — для того, чтобы донести огонь своей веры до каждого юного «безбожника», который может потому и остается без Бога, что еще не встретил верующего человека; гораздо труднее найти в своем сердце место для каждого ищущего понимания и душевной теплоты, со всеми его скорбями и греховными язвами; гораздо труднее с искренней любовью встречать всех тех мальчишек и девчонок, с их глупостями в голове и причудливыми нарядами, которые, к счастью, все еще приходят в храм и, уверен, готовы ответить взаимным добрым чувством...

Мы часто считаем себя уже глубоко церковными людьми и слишком безучастно смотрим на тех, кто еще живет за церковной оградой. Но при этом мы забываем о том, какими непредсказуемыми, неожиданными бывают пути к Богу. И не укор ли нам, что те, кого мы привыкли считать безнадежными грешниками, от которых мы вчера брезгливо отворачивались, сегодня молятся вместе с нами за литургией, приведенные в храм Самим Господом.

Главный редактор
иеромонах Петр (Еремеев)

Почта номера

Уважаемая редакция журнала «Встреча»! Обратиться к вам с письмом меня побудила проблема, не чуждая, в этом я уверена, большей части православной молодежи, живущей, так сказать, «в миру». Ни для кого не секрет, что окружающая нас действительность («мир») чрезвычайно далека от того, к чему стремится душа православного христианина. Суета, бездуховность, праздность — вот далеко не полный перечень соблазнов, окружающих молодого христианина в России.

Но сначала несколько слов о себе. Я балерина, танцую в одном из московских театров. Балет для меня — это не только любимая работа, дело, которому я решила посвятить свою жизнь, это еще и данный мне Богом талант, который, следуя евангельской притче, я не имею права «зарыть в землю».

Примером раскрывшегося в полную силу таланта служит для меня Галина Уланова. Ее творчество несло людям добро, веру в справедливость и гуманизм в то нелегкое, бездуховное время.

Важным для меня остается и то, что всегда молодежь стремилась к вечным, абсолютным ценностям. Поэтому за долгие годы советской власти в нашей стране не заросла дорога к храму, поэтому стало возможным бурное пост-перестроечное возрождение.

Мой отец не раз рассказывал мне, как в 50-е годы они с друзьями посещали храм, как переулками пробирались, минуя милицейские кордоны, и попадали на столь дорогие их душам пасхальные и рождественские службы.

Тем более странным кажется отношение современной молодежи к Православной Церкви. Многие из «новокрещенных» признают существование некоего абстрактного бога, обезличенной высшей силы. Но как бесконечно далека такая вера от истинного Православия! Эти люди не ощущают себя членами Церкви, для них это просто организация, общность людей, партия...

Для меня, воспитанной в православной традиции, Церковь — это корабль, за бортом которого нет спасения одинокой душе. Я постоянно ощущаю присутствие Божие в своем сердце; понятия добродетели и греха для меня не являются абстрактными, а потому размытыми категориями. Может быть, поэтому так трудно складываются мои отношения со сверстниками.

Помогите мне объяснить им все то, чем полна моя душа! Может быть, с вашей помощью я найду среди них взаимопонимание и истинно христианскую любовь.

Екатерина Штанова, г. Москва.

Содержание

- **Легко ли быть молодым в Церкви?**
Интервью с митрополитом
Смоленским и Калининградским Кириллом 4
- **Церковь и молодежь на пороге XXI века**
Архиепископ Костромской и Галичский Александр 7
- **Балканский союз**
Денис Алексеев 11
- **Увидев, не презреть**
Три слова о хиппи 14
- **Нараспашку идти, да в молитве радеть...**
Беседа с Константином Кинчевым 16
- **Где Дух Господень, там свобода**
Беседа с протоиереем Владиславом Свешниковым 20
- **Назад, сквозь закрытые двери**
Исповедь наркомана 24
- **Слово на Пасху**
Святитель Лев Великий 29
- **Знание Бога и знание о Боге**
Протоиерей Сергей Четвериков 32
- **Что мне помогло стать верующим?**
Мысли вслух 36
- **Будьте как пчелы**
Выпускники МДАиС 2000 года делятся воспоминаниями 38
- **История одного отчисления**
Диакон Сергей Матюшин 41
- **Наши попечители**
Девид Афанасьев 48
- **Общество трезвости**
Иван Охлобыстин 50
- **Может ли театр быть союзником Церкви?**
Диакон Андрей Кураев 52
- **Крупинки**
В. Н. Крупин 55
- **Незабываемое Рождество**
Денис Коротких 58
- **Русская Прага**
Владимир Бурега 60
- **Летопись** 62

Константин Кинчев:
«Через языческую гордыню —
к Православию».
Стр. 16

Воспоминания выпускников МДАиС.
Стр. 38

На 1-й стр. обложки: «А там что?». Фото Андрея Лисичкина. На 2-й стр. обложки: Интерьер семинарского храма преподобного Иоанна Лествичника. Фото Андрея Лисичкина. На 3-й стр. обложки: Лаврская башня. Фото Сергея Пантелеева. На 4-й стр. обложки: «Православный наставник». Фото Александра Назаренко.

При использовании материалов ссылка на «Встречу» обязательна. Редакция будет рада любому сотрудничеству, особенно со студентами.

Редакция благодарит администрацию, сотрудников канцелярии и ЦАК МДА за помощь в подготовке этого номера.

ЛЕГКО ЛИ БЫТЬ МОЛОДЫМ В ЦЕРКВИ?

НА ВОПРОСЫ ЖУРНАЛА ОТВЕЧАЕТ МИТРОПОЛИТ СМОЛЕНСКИЙ И КАЛИНИНГРАДСКИЙ КИРИЛЛ

— Ваше Высокопреосвященство! Сегодня многие говорят, что роль Православной Церкви в жизни общества в дальнейшем будет неуклонно снижаться, потому что современная молодежь живет идеалами, далекими не только от церковных канонов, но даже от элементарных нравственных принципов. Неужели перспектива церковной жизни действительно настолько мрачна?

— Думаю, что людям, выступающим с подобными оценками, нужно просто почаще общаться с молодежью. Это не всегда легко — ведь почти каждому человеку «в возрасте» приходится в процессе такого общения преодолевать сложившиеся стереотипы восприятия и мышления. Но если отказаться от предвзятых мнений, если найти в себе способность не только поучать, но и вслушиваться, то окажется, что встречи с молодыми и радуют, и обогащают. Современная молодежь, прежде всего, очень разная. Было бы огромной ошибкой ограничиваться поверхностными суждениями и всех стричь под одну гребенку. А уж коли попытаться сказать что-то о молодежи в целом, то, по-моему, тяга к идеалу, и идеалу высокому, молодым свойственна даже в большей мере, чем людям, скажем, среднего возраста, которые чаще бывают отравлены нравственной усталостью и цинизмом. И еще, — молодежь обычно с особой чувствительностью относится ко всякой фальши и к проявлениям косности.

Кстати, статистические данные показывают, что среди молодежи больше верующих, чем среди людей среднего возраста. Так что, перспективы, на мой взгляд, скорее обнадеживающие.

— Часто можно услышать упрек в том, что наша Церковь обращается к молодежи на непонятном для нее языке. Сторонники этой точки зрения ссылаются, в частности, на опыт западных церквей, которые используют в своих богослужениях многие элементы современной молодежной культуры. Действительно, нельзя не отметить, что разрыв между церковной и молодежной культурой постоянно растет. Как, по Вашему мнению, его можно преодолеть?

— Это очень важная тема. Но я бы отделил вопрос о языке и культурных средствах церковного богослужения от вопроса о стиле миссионерской проповеди. Православная традиция не знает особой литургии для молодежи и литургии для стариков. Мы дорожим тем, что богослужение, сохраняя преемственную связь в вере с поколениями наших отцов, объединяет и самых разных людей из числа современников. Ведь литургия призвана быть свидетельством молитвенного единства христианской общины. Это, конечно, отнюдь не исключает возможности и важности дальнейшего развития литургической культуры нашей Церкви — в том духе, как говорил об этом Святейший Патриарх на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви 1994 года и как это отражено в итоговых документах Собора. Но изменения в церковной службе — дело очень деликатное, требующее сугубой бережности к существующей традиции.

Язык миссии, думаю, может варьироваться с намного большей смелостью. Принципиально говоря, я не вижу никаких препятствий к тому, чтобы вера Церкви выражалась на языке самой что ни на есть современной культу-

ры — неужели христианство осталось в прошлом и может изъясняться лишь с помощью культурных средств, скажем, VIII, XVII или XIX века? Да ничего подобного! Только неверующий человек может думать подобным образом.

Другое дело, если та молодежная культура, о которой вы говорите, принципиально отрицает положительное наследие прошлого, а тем более бросает вызов Богу. Тогда она действительно не может стать носителем веры. И в собственно культурном, творческом плане такая культура, а точнее, антикультура — обречена на вырождение. Без корней и без живительных вод не может расти никакое дерево.

Поэтому полагаю, что преодоление разрыва, который вас, как и меня, беспокоит, должно стать результатом обоюдного стремления к встрече. Встреча церковной традиции и современности невозможна без творческих усилий к воцерковлению нынешней культуры. И в этом деле я возлагаю на новое поколение большие надежды. Видите ли, мы, все же, воспитывались в советские времена. Для наших родителей, да и для нас самих, речь шла прежде всего о том, как сохранить святину веры в откровенно враждебном атеистическом окружении. Мы изо всех сил старались преодолеть навязываемую нам психологию обитателей гетто, но окружающая действительность не могла не воздействовать на наши умы. Может быть поэтому, деятелям Церкви сегодня порой не хватает гибкости, творческой отзывчивости. А вы, хочу надеяться, не отягощены косностью, и дай вам Бог сделать более нашего для того, чтобы *встреча* состоялась, чтобы Церковь смогла достучаться до сердец ваших сверстников и зажечь их теплотой веры!

— *К великому сожалению, движущими силами современной молодежи являются такие разрушительные для личности явления, как разврат, наркомания, стремление к обогащению. Иногда получается так, что в силу сложившихся обстоятельств молодым людям приходится зарабатывать на жизнь, совершая, мягко говоря, не совсем нравственные поступки. Каким образом православному молодому человеку, живущему в миру, строить свою жизнь в этих условиях?*

— По-моему, лучше, чем Псалмопевец, не скажешь: *Как юноше содержать в чистоте путь свой? — Хранением себя по слову Твоему* (Пс, 118, 9). Что это значит — хранить себя? Не поступаться личным достоинством, душевным миром ради денег и дешевых удовольствий — дешевых в том смысле, что их ценность несравнима с ценностью человеческой личности. Распутство, пьянство, наркотики, нечестная нажива — все это разрушает человека духовно и физически. В конце концов человек теряет от такой жизни всякую радость: душа пуста и неспособна к счастью; все, что манило, оказалось иллюзией.

Приходится выбирать. За то, чтобы оставаться самим собой, надо порой платить дорогую цену. Но дело того стоит.

— *Сейчас все чаще и чаще говорят, что наша молодежь, в том числе и церковная, брошена и никому не нужна. Да и среди молодежи до сих пор очень сильна инерция отторжения от любых форм организованной деятельности, а создаваемые для молодежи православные организации та же молодежь часто с иронией называет «православным комсомолом». Как преодолеть эту инерцию? Какая идея, на Ваш взгляд, может помочь сегодня организовать верующую молодежь?*

— Когда церковные молодежные организации создаются по указке сверху и просто потому, что так нужно ради отчетности, — вот тогда, думаю, они вызывают закономерную реакцию отторжения. А если они создаются самой молодежью (разумеется, не без совета и благословения священноначалия), то и дело это оказывается живым. Я знаю примеры и того, и другого.

Какая идея поможет? Самая простая: Церковь — это не «руководящий аппарат» (которым молодежь частенько бывает недовольна — отчасти за дело, а отчасти просто потому, что в нашей стране считается как бы хорошим тоном ругать начальство). Церковь — это все мы, и за то, что с нею завтра будет, именно *мы* в ответе.

— *Часто бывает так, что когда молодой человек переступает порог храма, то проблемы для него не заканчиваются, а только начинаются. Одна из них: его общение с окружающим миром и с прежним кругом друзей — здесь часто случаются перегибы. Как молодому человеку правильно сориентироваться, чтобы найти свое место в Церкви и в обществе?*

— Отсутствие проблем за порогом храма, насколько мне известно, не принадлежит к числу обетований Божиих. Но дать ответ на поставленные вами вопросы в общей форме очень трудно. С одной стороны, круг неверующих или невоцерковленных друзей — самая естественная среда для проповеди, для свидетельства о Христе и Его Церкви. А подобное свидетельство может быть действенным только тогда, когда жизнь этих людей и их судьба тебе не безразличны, когда ты испытываешь к ним живой личный интерес. Фарисейское чувство превосходства: *Этот народ невежда в законе, проклят он* (Ин. 7, 49), — перечеркивает всякую возможность послужить спасению окружающих. Дружеское общение с теми, кто во многом не похож на тебя, может, кроме всего прочего, стать хорошей школой будущего пастырства. Как можно идти по всему миру и проповедовать Евангелие (Мк. 16, 15), если ты не в состоянии сказать нужное слово тем, кого давно знаешь?

С другой стороны, прежний круг общения на каком-то этапе жизни иногда бывает непосильным искушением для человека, еще неутвержденного в своей вере и в своем жизненном выборе. Может оказаться, что не юноша, пришедший к Церкви, помогает близким людям идти вперед, а они тянут его назад. Иногда всякая основа для дружбы утрачивается — например, когда объединяющим началом всего-то и был общий грех. Тогда уж «горе, в Сигор угонзай», как говорится в Великом каноне, тогда *бегите из среды Вавилона и спасайте каждый*

душу свою (Иер. 51, 6). В таких случаях продолжение прежних отношений может стать той самой дружбой с миром, которая, по слову апостольскому, *есть вражда против Бога* (Иак. 4, 4).

Чтобы в этом разобраться, нужна прежде всего чуткость к своей совести, честность перед Богом и самим собой. Тут должен бы помочь опытный духовник. Но и он, если до конца честен, не даст вам готовых ответов на все случаи жизни. Отвечать за свой выбор придется перед Богом.

— Следующий вопрос тесно связан с предыдущим, а именно с осознанием и выбором молодым человеком своего пути служения Богу. Многие молодые люди при решении жизненно важных вопросов иногда испытывают неприкрытое давление со стороны некоторых священников. Как в таких случаях поступать человеку, чтобы и не впасть в своеволие, и не искалечить себе жизнь исполнением неиспрашиваемых благословений?

— То, о чем вы говорите, — большая беда, связанная с достаточно широким распространением недобросовестного и некомпетентного духовничества. Когда пастырь переступает границы своего церковного послушания, он и сам тяжело согрешает, навлекая на себя гнев Божий, и своих пасомых может искалечить духовно. Об этом ясно сказано в Определении Священного Синода о духовничестве, которое было принято в декабре позапрошлого года. Тогда священноначалие Церкви авторитетно напомнило духовникам, что они «призваны помогать своим пасомым советом и любовью, не нарушая при этом богоданную свободу каждого христианина». Не следует переносить на отношения мирянина со священником тот образец беспрекословного послушания, который применим лишь в монастыре, во взаимоотношениях между послушником и его старцем. Синод указал, в частности, что совершенно недопустимо для пастырей «вмешиваться в вопросы, связанные с выбором жениха или невесты кем-либо из их пасомых, за исключением случаев, когда пасомые просят конкретного совета». И, разумеется, столь же недопустимо настаивать на принятии монашества или священного сана «за послушание». Это в будущем может обернуться трагедией. Как поступать, если такое давление все же имеет место? Об этом в том же Определении сказано совершенно недвусмысленно: если духовник «превысил данную ему Богом власть «вязать и решить», надо обращаться к правящему архиерею. И еще Священный Синод напомнил пастве, что «советы духовника не должны противоречить Священному Писанию, Священному Преданию, учению Святых Отцов и каноническим установлениям Православной Церкви; в случае же расхождения таковых советов с указанными установлениями предпочтение должно отдаваться последним».

— Уже давно наболевшей проблемой для России является активная прозелитическая деятельность инославных конфессий, а также тоталитарных сект и всевозможных псевдорелигиозных течений. Как из-

вестно, жертвами этих расхитителей Христова стада становятся чаще всего именно молодые люди. Каким образом православный пастырь может воспрепятствовать этому?

— Прежде всего он должен быть именно пастырем, а не наемником, «которому овцы не свои», который отслужил, что положено, сказал отпуст и убежал либо домой, либо освящать «мерседесы» и коммерческие офисы, а в это время *волк расхищает овец, и разгоняет их* (Ин. 10, 12). Иногда сектанты привлекают людей всего лишь тем, что они, в отличие от нерадивых пастырей, которые *пасли себя самих* (Иер. 34, 2), просто-напросто уделяют людям элементарное внимание, проявляют готовность разговаривать с ними об их проблемах.

Сегодня православный священник должен заботиться не только о тех, кто приходит в храм, но думать и о тех, кто еще не нашел дорогу к храму. Движение навстречу людям есть неперемненное условие успеха нашей православной миссии, которая призвана остановить прозелитизм на нашей канонической территории.

— Еще один вопрос, касающийся уже воцерковленной молодежи: как на приходе лучше всего организовать молодых людей, не противопоставляя их при этом старшим членам прихода? Какие формы внебогослужебной работы с молодежью кажутся Вам наиболее эффективными?

— Знаете, разговор о конкретных формах и методах может оказаться бесконечно долгим. Поэтому я лучше скажу о главном. Нужно всячески избегать безосновательного авторитаризма, не путая его с заслуженным пастырским авторитетом! Важно уметь откликаться на инициативу, важно доверять молодым реальное дело, не сковывать их дарований, не кормить их одними поучениями. Но, конечно, и проверять, как они это дело делают, вовремя давать нужный совет, а иногда и взыскивать — с уважением, с любовью, но строго. Вот тогда у священника будет много помощников, на недостаток которых так часто жалуются пастыри.

Говорю это, исходя из опыта. Слава Богу, у нас и в епархии молодежь активная, и в Отделе внешних церковных сношений, к моей радости, трудится немало молодых людей. Иногда, конечно, они ошибаются, но ведь без них уже вся работа остановилась бы!

— Конечно, круг проблем, связанных с так называемым молодежным фактором в жизни Церкви, безграничен, поэтому мы смогли затронуть лишь часть из них. Что бы Вы еще хотели сказать молодому поколению нашего общества?

— Вам предстоит созидать дело Божие, причем в условиях, кардинально отличающихся от тех, что были во времена нашей молодости. Господь подарил вам огромные возможности. Не упустите их! Берегите свободу Церкви, которая так дорого стоила поколениям ваших отцов. Вам много дано, а от всякого, кому дано много, много и потребует (Лк. 12, 48).

ЦЕРКОВЬ И МОЛОДЕЖЬ НА ПОРОГЕ XXI ВЕКА

Годы насильственного атеизма в нашей стране привели к тому, что в настоящее время русская молодежь представляет собой широкое поле для миссионерской деятельности. В связи с этим было создано Всецерковное Православное молодежное движение, председателем которого является Высокопреосвященный Александр, архиепископ Костромской и Галичский. Предлагаем вниманию читателя сокращенный доклад Его Высокопреосвященства, прочитанный на II Всецерковном съезде епархиальных миссионеров Русской Православной Церкви, проходившем в Москве в ноябре 1999 года.

ЧТО ТАКОЕ МОЛОДОСТЬ?

Вовлечение молодежи в церковную жизнь является частью миссионерской и пастырской деятельности. Свидетельство Церкви о спасении обращено ко всем, без различия пола, возраста и национальности. На всех в равной мере распространяет Церковь и свое духовное попечение.

Встреча человека с Богом всегда происходит на личном уровне. К каждому из нас Господь обращается лично, желает разговаривать с нами «лицом к лицу». Святой Апостол Павел так рассказывает о своем служении: *для Иудеев я был как Иудей, чтобы приобрести Иудеев; для подзаконных был как подзаконный, чтобы приобрести подзаконных; для чуждых закона как чуждый закона, не будучи чужд закона пред Богом, но подзаконен Христу, чтобы приобрести чуждых закона; для немощных был как немощный, чтобы приобрести немощных. Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых* (1 Кор. 9, 20–22). Иными словами, миссионерское и пастырское служение должно найти близкую для всякого человека форму обращения.

Сегодня в особом обращении к себе нуждается молодежь. Что характерно для периода молодости?

Во-первых, это время, когда человек впервые сталкивается со многими явлениями жизни и часто оказывается неготовым к этому столкновению. Это порождает чувство неуверенности, подавленности, потребность в поисках жизненной опоры. Часто молодой человек прибегает к неадекватным попыткам решения своих проблем. В то же время, ища опоры в других, испытывая острую потребность в общении, молодой человек сам становится опорой для своих друзей и близких.

Во-вторых, это время, когда человек часто становится перед необходимостью сделать жизненно важный выбор. Ему приходится выбирать профессию, друзей, спутника жизни и, самое важное, делать нравственный выбор. Не имея надлежащего опыта и истинных духовно-нравственных ориентиров, молодой человек теряется на путях жизни. Он боится принять на себя бремя ответственности за свой выбор. Активный поиск смысла жизни может привести молодого человека как на истинный путь принятия ответственности за свою судьбу, так и в

ложное состояние, когда эта ответственность перелagается на разного рода лжеучителей.

В-третьих, молодость — это время возрастания, становления, развития, обучения человека, его подготовки ко взрослой полноценной жизни. В это время человек стремится все постичь самостоятельно, в нем велика сила жизненной активности, потребности в самоутверждении и саморазвитии. Его взгляды часто отличаются максимализмом. В то же время его сердце открыто для деятельного служения, в котором он может найти условия для полноценного развития своего богатого внутреннего потенциала.

Все вышеперечисленные психологические характеристики молодежи являются в общих чертах неизменными и не зависят от религиозной и культурной среды. Теперь постараемся всмотреться в современную российскую молодежь, такую, какой она стоит на пороге XXI века, чтобы понять ее особенности.

Долгие десятилетия российское общество было отлучено от любых знаний в области религии. За это время в стране выросло несколько поколений людей, не имеющих практически никакого представления о том безбрежном океане, которому можно уподобить духовную жизнь человечества. История наверняка не знает другого народа столь дикого в религиозном отношении, как жители постсоветского пространства. И даже в те годы, когда оковы государственного атеизма спали, в молодежной среде ситуация не выправилась. Если старшие поколения стали постепенно накапливать религиозные знания, то молодежь, не встречая на своем пути опытных духовных учителей, увлеклась чем угодно и разбрелась по «распутиям мира сего».

Мы не вернем молодые души в Церковь до тех пор, пока не подготовим целый класс наставников, умеющих профессионально вести духовную работу в специфической молодежной среде, и не организуем эту работу со всей ответственностью.

Да, уже стали приносить свои первые плоды организованные в начале 90-х воскресные школы. Да, существует и не становится меньше конкурс в духовные учебные заведения. Да, к Православию молодежь стала относиться с уважением и с некоторым почтением, как относятся к пожилым и знатным особам. Все больше школьников носят на груди крестики и называют себя во всевозможных опросах «православными», вред ли

являясь при этом верующими; но одновременно мы вынуждены признать, что процесс обращения молодежи к Церкви, имевший начало в благодатный год 1000-летия крещения Руси, к сожалению, не получил своего развития и, может быть, даже замедлился. От нас с вами зависит, даст ли исторический юбилей 2000-летия христианства новый импульс для вхождения широких слоев молодежи в церковную ограду.

НЕ ЗДОРОВЫЕ ИМЕЮТ НУЖДУ ВО ВРАЧЕ

Итак, какой мы видим нашу молодежь на рубеже тысячелетий? Ее обычаи, ее привычки, ее язык, сленг — все нам чуждо, все нас коробит и пугает. Покажите мне священника или взрослого благочестивого христианина, который бы выдержал более десяти минут общения в так называемой молодежной «тусовке», и не сбежал бы оттуда, негодуя и ругаясь.

Но эта молодежь наша. Давайте примем ее такой, какая она есть. Будем любить ее только за то, что она существует. И тогда все ее грехи и странности вызовут у нас не брезгливое отторжение, а жгучую боль, переживание, желание стать ближе к ней, чтобы принять на себя ее слабости, исцелить их. И тогда молодой человек поймет, что каким бы греховным он ни был, мы боремся не с ним, а помогаем ему победить свой грех. *Не здоровые имеют нужду во враче, но больные, и Сам Господь пришел в этот мир призвать не праведников, но грешников к покаянию* (Мф. 9, 13).

Основатель российской педагогической науки К.Д.Ушинский утверждал: «Для того чтобы стать христианским педагогом, надо снизойти до потребностей ребенка, заглянуть в его душу». Эти слова справедливы и в отношении подростков. Мы страдаем молодым людям в их духовных болезнях, и мы призваны к жертвенному служению во имя будущего нашей молодежи, а значит, и всего общества.

Нужно снисходить и быть терпеливыми. «Нет народа, в котором бы Господь не знал Своих, нет той глубины невежества и омрачения, до которой бы Сын Божий не снисходил, преклонив Небеса, не преклонился», — так замечательно написал в прошлом веке о диких алтайских племенах наш выдающийся миссионер-подвижник архимандрит Макарий (Глухарев). Увы, наши молодые люди, выросшие в благоустроенных квартирах, подчас напоминают самых настоящих первобытных дикарей. Но и к ним в двери стучится Христос Спаситель.

«Прежний воспитатель обращался с воспитанниками, как птица с птенцами, которых она учит летать, новый — как хозяин с цыплятами, которых собирается съесть», — подытожил случившиеся в нынешнем веке изменения в воспитательном процессе христианский писатель Клайв Льюис. Современных воспитателей интересует не сам подросток и его душа, требующая к себе благоговейного отношения, а определенные его качества, которые со временем можно будет эксплуатировать, поставить на службу идеологии, фирме, спортивному клубу и т. д. Советская педагогика действовала в полном соответствии

с известным полушутливым афоризмом: «Дети — цветы жизни. Не давайте им, однако, распуститься».

Жизнь и воспитание молодого человека в прежние века проходили в Церкви, в учебном заведении и в семье. Семья как малая церковь способна была всячески содействовать развитию личности в традициях христианского благочестия. На пороге третьего тысячелетия семья в России переживает глубокий кризис. Духовно-нравственное оскудение привело к ослаблению традиционных семейных связей. Развитие цивилизации освободило членов семьи от необходимости жесткой интеграции для поддержания физического существования. Семейный союз превращается зачастую в поле брани между супругами, родителями и детьми.

Освободившись в семье от обязанностей по хозяйству и не приобретая обязанностей по содержанию собственной семьи, молодые люди получили огромный потенциал свободного времени, не занятого непосредственно учебным процессом. По данным социологических исследований, за последние сто лет этот потенциал возрос в десятки раз.

Молодежи всегда было свойственно два ведущих стремления — к учению и к общению. Если современное общество в той или иной степени способно управлять учебным процессом юных граждан, то свободное время сейчас все больше переходит под контроль асоциальных структур. Шоу-бизнес, выпуск печатной и аудиовизуальной продукции, компьютерные программы, сеть Интернет пропагандируют насилие, цинизм, вседозволенность, превращая молодого человека в раба страстей, похоти, сиюминутных желаний. В таком безумном времяпрепровождении как нигде удается замысел врага обезличить человека, унижить в нем Божественный образ и поработить греху.

ПЛАТА ЗА НЕВНИМАНИЕ

Потребность молодежи в общении активно используют дельцы шоу-бизнеса и наркоиндустрии, говоря молодым людям: «Приходите к нам, вы нам нужны, общайтесь с нами и у нас». Человек чувствует, что к нему проявляется интерес, он нужен, востребован. Он слишком поздно понимает, что проявленное к нему внимание со стороны представителей масс-культуры было далеко не бескорыстным, что такие средства общения, как алкоголь и наркотики, разрушают в нем личность. А те ценности, которые он выбрал, делают его жизнь бессмысленной и пустой. Когда он это осознает, то уже перестает быть молодым человеком. Он оказывается на краю пропасти. Волна суицидов, маргинализация и криминализация современного молодого поколения — это плата общества за невнимание к потребностям молодежи, к ее интересам и сущностным основам ее жизни.

Большинству взрослых людей молодежные компании, так называемые «тусовки», в лучшем случае, кажутся бессмысленными и пустыми, но ни в коем случае нельзя недооценивать духовную опасность, которая заключается в них. Вступая в тесное общение со сверстниками, молодой человек стихийно подпадает под влияние порочных страстей, которые владеют его новыми товарищами. Вот как описывает этот процесс Блаженный Августин: «Мне стыдно было перед сверстниками своей малой порочностью. Я слушал их хвастовство своими преступлениями, чем они были омерзительнее, тем больше они

хвастались собой. Мне и распутничать нравилось не только из любви к распутству, но и из тщеславия. Я, боясь порицания, становился порочнее, и если не было преступления, в котором мог бы я сравняться с другими негодьями, то я сочинял, что мною сделано то, чего я в действительности не делал, лишь бы меня не презирали за мою невинность и не ставили бы ни в грош за мое целомудрие».

И все-таки необходимо понять, что в этих компаниях молодые люди реализуют свою острую потребность быть принятыми другими людьми такими, какие они есть. Здесь они могут быть естественными и искренними, независимыми от взрослых, свободными и равными взрослым.

ИХ БОЛЕЗНИ — НАШИ БОЛЕЗНИ

Одним из самых негативных впечатлений у взрослых от общения в современной молодежной среде является ощущение возросшего подросткового цинизма. В чем причина этого явления? При внимательном анализе выясняется, что подлинными виновниками этого зла зачастую опять-таки являются те же самые взрослые. На самом деле ребенок, в отличие от взрослых, обладает более острым нравственным чувством. Подросток сентиментален, он готов плакать, услышав о чьем-то благородстве или о чьей-то низости. Но взрослым кажется, что ребенок, сильно переживающий такие потрясения, может впечатлиться, оказаться неготовым к реальной действительности. И мы всячески оберегаем своих детей, и, в конечном счете, себя от переживания за чужую боль. Помните, как пролетарский классик взывал: «Человек — это звучит гордо! Надо уважать человека! Не жалеть... не унижать его жалостью». Со временем сам подросток начинает принимать такие переживания за недопустимые проявления слабости и пытается заглушить их циничными шутками, показать сверстникам свою независимость от них. Поэтому даже если мы столкнемся с проявлениями грубости у подростка, то будем понимать, что чаще всего за ней скрывается искреннее чувство.

Другой пугающей тенденцией жизни современной молодежи является жестокость. Она начинается с малого и часто опять-таки бывает поощряема взрослыми. Мальчик дружит с мальчиком из соседнего подъезда, пока мама не начинает разубеждать: «Твой приятель из дурной семьи, он воплощение всех пороков, а вчера я видела, как он злобно смотрел на меня из-за угла». Постепенно дружба сменяется равнодушием, которое со временем переходит в открытую неприязнь.

Известно, что многие спортивные клубы стали базами для создания военизированных организаций, исповедующих жестокую националистическую идеологию. Здесь молодые люди попадают под влияние опытного взрослого инструктора, который прекрасно знает, чего хочет добиться. Думаю, что опасность русского фашизма мы пока еще явно недооцениваем.

Общество, в котором мы живем, жестоко само по себе. Долгое время оно было пропитано идеологией классовой ненависти. Помните, как нас воспитывали на примере «подвига» Павлика Морозова? Поэтому понятно, почему после краха коммунистической идеологии мы столкнулись с массовой криминализацией молодежной среды, с колоссальным ростом детской преступности. На смену идеалам Чапаева и Котовского пришел образ нового русского криминального авторитета.

Желание утвердиться в глазах других, доказать свою ценность, превосходство вполне понятно. Только молодой человек зачастую делает это не совершенствуя самого себя, а стремясь унижить другого. Семена злости прорастают в юношеском сердце постепенно. Первоначально презрение к ближнему проявляется в обидных кличках, или, как говорят дети, «погонялах». Кличка — это отказ называть своего ближнего именем святого угодника Божия, *написанном на небесах* (Лк. 10, 20), отказ видеть в нем образ Божий, воспринимать его как личность. Кличка выставляет в ребенке одно, как правило унижительное, качество.

Вообще говоря, из аскетики хорошо известно, что гнев это дарованное Богом чувство, которое позволяет душе вооружиться против ее слабостей и грехов. Но в падшем человеческом естестве это чувство извратилось и получило ложную направленность. Исцелить эту болезнь, как и многие другие, возможно лишь на путях духовной жизни.

Молодость — это яркое время в жизни человека. Но у нее есть еще одно неотъемлемое свойство: она быстро проходит. *Веселись, юноша, в юности твоей, и ходи по путям сердца твоего и по видению очей твоих; только знай, что за все это Бог приведет тебя на суд* (Еккл. 11, 9).

Когда мы хотим глубоко проникнуть в замысел великого художника, мы обращаемся к его эскизам. И вот перед нами предстает череда рисунков, отражающих рождение шедевра. Эти рисунки часто бывают несовершенно, поражают нас безыскусностью и грубостью. Возможно, все они будут потом выброшены художником, а если останутся, то будут всегда напоминать нам о том, в каких трудах и болезнях рождалось подлинное произведение искусства, из какого сора вырос прекрасный цветок. Взрослые часто склонны забывать свою юность. Они стремятся избавиться от отрицательного опыта и переписать свою биографию начисто. Лишь немногие склонны честно вспомнить свою молодость и, не смущаясь, написать о ней в назидание будущим поколениям (вспомним великую книгу Блаженного Августина «Исповедь»). Может быть, так и нужно. Только давайте и к ближнему своему относиться с точки зрения текущего момента. Не будем смущаться прошлым и настоящим молодого человека. Поможем ему обрести будущее.

ЧТО ДЕЛАТЬ?

В своем слове на открытии V Образовательных Рождественских чтений Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II говорил: «Непросто складывается жизнь современной российской молодежи. Пьянство, наркомания, разврат, безработица, заброшенность, дедовщина в армии. Молодежи нужнее всего живое дело. А в Церкви такое дело всегда есть. Ей нужны помощники, молодые, горячие сердца». Призыв к деятельному служению, обращенный к современной молодежи, способен привести ее в лоно Православной Церкви.

Только в Церкви молодое поколение может обрести истинные ценности, ориентиры, жизненную опору, получить подлинные условия для раскрытия своего внутреннего потенциала. Только в этом служении человек духовно приходит *в меру полного возраста Христова* (Еф. 4, 14). Ибо и Сам Господь Иисус Христос говорит своим ученикам: *Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу свою...* (Мк. 10, 45).

Во Всецерковном Православном молодежном движении уже накоплен некоторый опыт организации молодежного служения. Очень хорошо зарекомендовала себя такая форма деятельности, как создание детского движения в рамках Русской Православной Церкви — Федерации православных следопытов. Во многих городах России созданы отряды при приходах. В прошедшем году проведены свыше тридцати лагерей, в которых приняли участие около трех тысяч человек. Заслуженным уважением пользуется деятельность объединения «Реставрос». Сформированные им группы молодых паломников участвуют в реставрации многих православных монастырей и храмов в различных епархиях. В рамках деятельности нашего движения проводятся семинары, консультации для священнослужителей и активных мирян по вопросам организации работы с молодежью. Готовится к изданию первый выпуск вестника молодежного служения журнала «Пролог».

Мы понимаем, что этой работы недостаточно для того, чтобы хотя бы в малой степени повлиять на духовно-нравственное состояние современной молодежи. Но в процессе нашей деятельности мы приобрели твердое убеждение, что молодежное служение в Русской Православной Церкви должно быть выведено на качественно новый уровень. Такое служение должно стать насущной потребностью каждого священника и мирянина.

Вся молодежная работа в Православной Церкви должна строиться в приходской общине и через приходскую общину. В ней подросток или юноша должны найти ответы на самые сокровенные вопросы, получить опыт общения и в том числе навыки решения практических жизненных вопросов. Церковный приход должен уделить особое внимание организации общения молодых людей, благодаря которому молодежь могла бы, в первую очередь, обрести реальный опыт церковной жизни, выразить себя в диаколическом служении, найти друзей среди единомышленников.

По своей природе молодой человек деятелен, активен. Церковным приходом должен быть востребован этот потенциал. Социальное служение молодых будет иметь, с одной стороны, самое благотворное влияние на их развитие, как ревностных христиан, а с другой способствовать расширению диаконии Церкви в современном обществе. Воцерковленные молодые люди стремятся к общению, обсуждению общих проблем, совместному деланию, совместному служению ближним. Они всегда открыты к диалогу и с теми, кто разделяет их взгляды, и с теми, кого они хотели бы убедить.

Сегодня вне стен учебных заведений молодые люди получают огромный поток словесной и образной информации, который формирует их представления о смысле жизни, жизненных ценностях, об отношении к себе и своим ближним. К сожалению, в этом потоке еще слабо различим голос Русской Православной Церкви, которая действительно хранит образ жизни, заповеданный Господом, как единственный путь ко спасению. Для молодых людей важно личностное обращение к их сердцам. *Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари* (Мк. 16, 15).

В завершение хотелось бы пожелать благословенных успехов всем, кто трудится на поприще миссионерского служения в молодежной среде. Уверен, что их самоотверженный, подвижнический труд на ниве Христовой принесет свои плоды.

Балканский союз

ПРАВОСЛАВНАЯ МОЛОДЕЖНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В СОФИИ

**УЧАСТНИКАМ, ОРГАНИЗАТОРАМ
И ПОПЕЧИТЕЛЯМ БАЛКАНСКОЙ ВСТРЕЧИ
ПРАВОСЛАВНОЙ МОЛОДЕЖИ**
«Православная молодежь в XXI веке»

**Уважаемые участники, организаторы и попечители
Балканской встречи православной молодежи!**

Сердечно приветствую вас по замечательному случаю начала вашей встречи на благословенной земле братской Болгарии, где вы собрались, чтобы, славя Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа в год великого юбилея — 2000-летия от воплощения Бога Слова, определить пути укрепления духовных связей православной молодежи.

Тема вашей встречи, включающей в себя важные вопросы бытия человечества в грядущем XXI веке, требует от вас глубокого их осмысления в русле христоцентричности и любви к Богу, ибо вне этого не может быть спасительного пути в третье тысячелетие.

Отрадно, что в сфере вашего внимания будут не только чисто молодежные проблемы, но и все те, что волнуют сегодня на пороге нового века всю православную полноту. Это и проблемы христианской миссии в современном мире, и вызовы нового времени в области культуры и образования, и вопросы социального служения, и нравственное состояние общества.

Важно, что эта полезная и нужная встреча проводится Международным Фондом единства православных народов и его Болгарским Представительством в контексте дальнейшего упрочения духовных связей между нашими единоверными народами, укрепления молодых людей в вере и благочестивых намерениях во славу Божию. И в этом смысле вы, участники встречи, как посланцы Поместных Православных Церквей призваны действовать в молодежной среде по слову святого апостола Павла: *Утешайте малодушных, поддерживайте слабых, будьте долготерпеливы ко всем* (1 Фес. 5, 16).

Желаю всем вам помощи Божией в ваших многопольных трудах!

ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ

На приеме у Патриарха Болгарского Максима

18–20 марта 2000 года в столице Болгарии Софии состоялась Балканская встреча «Православная молодежь в XXI веке». На встречу, организованную Международным Фондом единства православных народов и его Болгарским Представительством, съехались более тридцати участников из десяти стран Европы, СНГ и Балтии. На этом форуме они представляли политические, религиозные и общественные организации, духовные и светские учебные заведения своих стран. Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II, который возглавляет Попечительский Совет Фонда, и Святейший Патриарх Болгарский Максим благословили проведение Балканской встречи и направили свои приветствия его участникам и организаторам. А тот факт, что это событие привлекло внимание политических деятелей и руководства многих стран удвоил надежды и желания участников более активно и результативно работать на этом форуме. Делегаты получили приветствия от Председателя Государственной Думы РФ Г.Селезнева, Председателя Болгарского парламента И.Соколова и других руководителей государств Восточной Европы.

Работа конференции, изначально планировавшаяся в русле конструктивного диалога, была построена вокруг нескольких направлений современной жизни православного сообщества. Основными темами выступлений стали две насущные проблемы Православия — это, во-первых, перспективы и задачи православной молодежи в новом тысячелетии и, во-вторых, вопросы социальной деятель-

ности представленных на форуме общественно-религиозных организаций. Главным достижением Балканской встречи стал факт непосредственного дружеского общения православной молодежи Европы, активное знакомство с работой общественно-политических и религиозных движений, организаций и советов, делегировавших своих представителей в столицу Болгарии.

На форуме были представлены серьезные содержательные доклады, раскрывающие многие причины кризиса духовности и культуры в молодежной среде. Они показали опасность унификации жизни в условиях борьбы доктрины «нового мирового порядка» с основными мировыми религиями.

Президент Международного Фонда единства православных народов В.Алексеев, открывая встречу, подчеркнул: «Христоцентричность — это живительная ось Вселенной и источник и условие боговдохновенного существования человечества. И весьма обнадеживает, что в современном мире, полном искушений и соблазнов, есть молодые люди, которые все увереннее и смелее обращаются ко Христу, связывая свою дальнейшую жизнь с православной ценностной системой постижения мира, обретая тем самым подлинную свободу в самовыражении, ибо, по слову святого апостола, *где Дух Господень, там свобода* (2 Кор. 3,17)».

Ректор Софийской Духовной Семинарии архимандрит Сионий задал новый импульс работе форума, призывав участников самым серьезным образом отнестись к шквалу наркомании, бродяжничества и бездуховности, которые могут представлять угрозу христианской цивилизации. Он проиллюстрировал это на примере растущих аутсайдерских движений, которые всего неделю назад провели здесь же, в Софии, съезд неформальных и контркультурных молодежных движений Восточной Европы. Это мероприятие было сильно разрекламировано и проходило на фоне рок-концертов в одном из софийских молодежных клубов. Конечно, никаких далеко идущих задач этот съезд не выдвигал, но мусора после себя оставил немало.

Активность проявила и православная молодежь Европы. Однако, в отличие от аутсайдерских молодежных собраний, эта активность была направлена на позитивные действия. Завязывались новые знакомства, разрабатывался перечень основных мероприятий по преодолению главных вызовов православному сообществу, которые нужно решать совместными усилиями. Несмотря на отсутствие сбалансированной государственной социальной политики, молодежь показала свою готовность взяться за решение острейших проблем, порожденных глубоким системным кризисом, как в молодежной среде, так в обществе в целом. В этом она должна опираться не столько на свою мобильность и активность, сколько на богатые духовные традиции и опыт социального служения Церкви.

На следующий день, в воскресенье, в праздник Торжества Православия, участники форума молились за патриаршим богослужением в кафедральном Алексан-

дро-Невском соборе Софии, после чего были приняты в Синоде Болгарской Православной Церкви Святейшим Патриархом Максимом. Его Святейшество проявил большую заинтересованность в работе Балканской встречи и предложил совместно обсудить круг некоторых актуальных проблем современности.

После приема участники вернулись в конференцзал, чтобы еще более интенсивно продолжить работу форума. Открывая новое заседание, преподаватель Московской Духовной Семинарии Е.Петровский выразил уверенность, что несмотря на все политические трения между Восточно-Европейскими государствами, сегодня в Софию приехали не националисты, а патриоты, умеющие не только любить свою родину, но и готовые донести эту любовь и мир до всех народов. Только в духе мира и созидания можно понять и решить общие проблемы, общие задачи. В этом нашим народам должен помочь бесценный тысячелетний опыт святоотеческого учения.

Очень интересным и эмоциональным было выступление В.Глушука из Украины. Привлекая внимание к проблемам канонической Православной Церкви Украины, он задался вопросом: что выберет молодежь завтра — разрекламированный путь западных либеральных ценностей или восточно-христианскую традицию и веру своих отцов? С чем Церковь может придти к сомневающемуся молодому человеку и как она ответит на его справедливый вопрос о том, что он обретает, вступая в ряды православных верующих? На первый план здесь выходит проблема духовного образования. Имея огромную потребность в вере, современный молодой человек на Украине не имеет элементарных представлений о благодати канонической Церкви. Он просто идет в тот храм, который ему ближе территориально. И бывает, что вместо того, чтобы приобщиться к тысячелетним достижениям вселенского Православия, он, столкнувшись с не всегда понятными для него противоречиями между общинами разных юрисдикций, с головой окунается в политику.

Секретарь Кишиневско-Молдавской митрополии, протоиерей Ф. Рошка рассказал о внутренних проблемах молдавского Православия, основными из которых являются раскольническая деятельность прорумынской Бессарабской митрополии и прозелитизм тоталитарных сект. Чтобы бороться с этой опасностью, разлагающей вековые основы общества, необходима не только его консолидация, но и знание цели такого объединения, что невозможно без четкого знания православной и национальной истории. При этом он обратил внимание участников на сам факт прохождения встречи православной молодежи, заметив, что подобные форумы, значение которых сначала как бы мало заметно, вскоре становятся весьма значительным фактором для верующих и для духовенства, испытывающих давление инославных конфессий. В качестве примера он привел прошедшую зимой 1998 года в Кишиневе конференцию Международного Фонда единства православных народов, созданную в рамках де-

Участники молодежной встречи

тельности Европейской Межпарламентской Ассамблеи Православия, где политические и общественные деятели из 16 государств Европы авторитетно заявили о своей поддержке канонических церковных структур Молдовы, что, безусловно, повлияло на благоприятную для Церкви политику Президента и Правительства Молдовы.

Эту же мысль содержало и выступление студента Краковского университета Р. Михалека, который не только поделился с участниками информацией о современном положении Православия в Польше, но и проанализировал причины ослабления традиционного влияния Православной Церкви в молодежной среде. В качестве основной причины он выделил активную, местами даже агрессивную деятельность католицизма и фактор государственного прозападного конформизма, когда молодому поколению история Польши преподносится в искаженной форме, где России и Православию, которых называют вечными антагонистами сильному и самостоятельному польскому государству, отведено самое негативное место.

Об искажении православной традиции в жизни общества говорили на форуме и многие болгарские коллеги. Особенно запомнилось выступление Д. Пулиевой, аспирантки Богословского факультета Софийского Университета, в котором остро ставилась проблема отсутствия внимания государственных органов власти как к Болгарской Православной Церкви, так и к древней культуре страны, которая сохранилась и развивалась исключительно благодаря православным подвижникам. Более того, многие молодые люди уже не знают народных героев освобождения православной Болгарии от турецкого гнета, предпочитают им информацию о западноевропейских деятелях эстрады и кино. Сегодня сложилась такая ситуация, что в стране нет ни одного специализированного издания о Православии, его прошлом и настоящем. И это при том, что предмет «религия» в вузах является обязательным.

Необходимо отметить высокий уровень понимания участниками форума причин системного кризиса, затро-

нувшего политическую, экономическую и духовную основы наших стран. Участники серьезно дискутировали по вопросам идеологической агрессии экспортирования либерального «нового мирового порядка» — «порядка», в котором нет места свободной духовно развитой личности, а только унифицированному множеству, которое занимается добычей денег. В Софии было определенно заявлено, что все это чуждо православной, да и вообще христианской традиции, что мириться с подобным положением, уготованным нам Западом, православная молодежь не намерена.

Но основная дискуссия развернулась не вокруг проблем, а вокруг наших задач по противодействию информационной агрессии. Всю ее можно условно свести к двум альтернативам: либо принять вызов сектантского насилия и активнейшим образом осваивая электронные средства массовой коммуникации, отвечать ударом на удар. О некоторых позитивных результатах такого «контрудара» рассказал участникам референт Белорусского Экзархата А. Меньшиков. Либо, не отвергая достижения современной техники, но и не замыкаясь на них, найти свой метод воздействия на умы сомневающихся. Это метод конкретных дел — от широкой благотворительности, до организации серьезных научных конференций, создания общеевропейской православной службы новостей.

Надо сказать, что болгары, смотрящие передачи первого канала нашего телевидения, задавали нам, российским представителям, немного странные вопросы о влиянии сайентологов в Московском Университете, о строительстве не то бахаистского, не то мунитского «святителя» в Петербурге, да и вообще, они почему-то считали, что молодежь у нас в России принято считать последователей господ Кириенко и Немцова... За подобными разъяснениями прошел не один час времени, но я уверен, что совместными усилиями удалось убедить болгарскую пишущую братию в обратном.

После паломничества в горный Драголевский монастырь, ставший в XIV веке убежищем для православных в оккупированной турками Болгарии, состоялось заключительное заседание форума. Оно было посвящено деятельности молодежных организаций в восточноевропейских государствах. Участники делились опытом своей благотворительной и воспитательной работы в Польше, Белоруссии, Эстонии, Молдове, Болгарии, России. О возрождении интереса к православной миссионерской деятельности говорили гости из Югославии и Македонии.

Вместе с весенним софийским солнцем потеплели и отношения между всеми участниками балканского молодежного форума, которые несмотря на современные политические разногласия между нашими правительствами сумели объединиться и стать друзьями, благодаря инициативе Международного Фонда единства православных народов.

Денис Алексеев

УВИДЕВ, НЕ ПРЕЗРЕТЬ

ТРИ СЛОВА О ХИППИ

Три небольшие рассказа, помещенные ниже, повествуют об опытах пастырского общения с представителями так называемой «неформальной молодежи», бунтарей, в данном случае принадлежащих к движению «людей-цветов», то есть хиппи. Описанные случаи ясно показывают, что подход к ним требуется особый, живой, нестандартный, часто столь же «неформальный», как и они сами. При общении с ними завет апостола Павла для всех быть всем (1 Кор. 9, 22) оказывается актуальным, как никогда.

Бунт этих молодых людей направлен против серой, лишённой Бога обыденности, против равнодушных ко всему родителей-материалистов, довольствующихся призрачным внешним благополучием; против теплохладного общества, обезличивающего своих членов; против тех, кто называет себя верующими, но на деле давно забыли, в чем же истинная суть их веры, и в чьих церквях незаметно для них самих умерла молитва...

В поисках чего-то живого и подлинного эти юные бунтари очень часто попадают в дьявольскую ловушку — в сотканную для них сеть современной массовой антикультуры, видящей свой идеал в хаосе, в бессмысленном бунте ради бунта, круто замешанной на нигилизме (нередко маскирующемся под «любовь» и «терпимость»), сексуальной распущенности, наркотиках, восточной мистике и магии (вплоть до откровенного сатанизма). Эта демоническая виртуальная антиреальность одурманила и убила уже не одну тысячу душ.

Но и на этом поле, усеянном плевелами, можно то здесь, то там увидеть отдельные добрые побеги, тянущиеся к Небу. И надо уметь их замечать. Христианину, а в первую очередь пастырю, следует научиться не пугаться при встрече с «неформалом», не воздвигать между собой и им глухую и холодную стену отчуждения, не отсылать его «подальше», но постараться понять, принять его в свое сердце, суметь увидеть в его протесте против «всех и вся» подспудную, им самим не осознанную тоску по Христу, единому Истинному Богу и единому Истинному Человеку. Надо только суметь помочь ему до конца осознать эту тягу к горнему и направить ее в нужное русло. Для начала бывает достаточно просто подарить таким людям открытый добрый взгляд, ведь большинство из них так изголодалось по обычному человеческому душевному теплу и пониманию...

Иеродиакон Никанор (Лепешев), II курс МДА

МИТРОПОЛИТ СУРОЖСКИЙ АНТОНИЙ (БЛУМ)¹:

Я в 1967 или 1968 году в течение недели проповедовал на улицах в Оксфорде. Просто становился где-нибудь, подбирались несколько человек, я в течение часа проповедовал Евангелие, а в течение полутора часов отвечал на вопросы. В какой-то день ко мне подошел юноша — мохнатый, лохматый, с длинными волосами, одетый в длинную свитку и говорит: «Чего Вы на наши собрания не ходите?» Я спрашиваю: «А какие собрания?» — «У нас целая группа хиппи здесь, а чем Вы не хиппи? Одеты, как никто, вид у Вас совершенно странный, вокруг шеи какая-то цепь с чем-то — такой же хиппи, только из старых...» Я сказал, что если так, то, конечно, приду на собрание: когда следующее? — «Сегодня вечером приходите...»

Вот пришел я на собрание: громадная комната, матрасы по стенам, свечи стоят на голом полу (и для освещения, и для прикуривания), и один из молодых людей стоит, свои стихи читает. Я пробрался в какой-то угол, сел на матрас и стал слушать. Первое, что меня поразило, это — как его слушали. Там было человек пятьдесят, и слушали его благоговейно, как слушают человека, который говорит о себе самое сокровенное и которого слушают с вниманием и уважением к тому, что он свою душу открывает. В какой-то момент он кончил, сказал: «Ну, кажется, все», — и пошел сел на свой матрас; потом еще кто-то выступил, и еще кто-то. Я подумал: если я дикий, почему бы мне не выступить? И на четвереньках выбрался вперед и говорю: «Я хочу сказать нечто; я хочу сказать вам, как и почему я стал верующим». Я им рассказал сначала о ранних годах эмиграции, о том, как жилось, — потому что им не вредно сообразить, что жилось-то хуже, чем им; мы не были такие мохнатые, кудластые, но ели меньше... Потом рассказал, каким образом я стал верующим; когда кончил, была такая минута молчания, началась драматическая пауза; я подумал: «Ух, как благоговейно все это звучит!» Но благоговение кончилось, потому что вдруг открылась дверь, ог-

ромный барбос ворвался в комнату, промчался вокруг прямо ко мне, ткнулся мордой в лицо и удрал. Этим, конечно, кончилась мистическая атмосфера, драматический эффект был уничтожен; после этого мы еще довольно долго сидели, рассуждали, и кто-то из них ко мне подошел и говорит: «Хорошо, что Вы пришли!» — «А почему?» — «А у Вас глаза добрые...» — «А что?» — «Знаете, Вы на нас смотрите и не презираете...» Такая реакция очень интересна была, потому что, конечно, их принимают и в хвост, и в гриву.

Это была первая встреча. Потом стали ко мне в церковь ходить хиппи. Наши старушки, я бы сказал, не в телачьем восторге были — подумайте о своих здешних, — когда они стали появляться: «Отец Антоний, неужели они всю церковь собой заполняют?..» А их только сорок или пятьдесят, и стоят они очень хорошо... В общем, восторга не было. После какого-то богослужения я их словил и пригласил к себе, и потом они год ко мне ходили раз в месяц пить чай и разговаривать; потом стали ходить на лекции, которые у нас устраиваются. А потом в какой-то день они пришли и говорят: «Знаете, мы хотим молиться; не хотите ли Вы провести с нами всенощное бдение и нас учить?..» И мы десять часов промолились. Это совсем неплохо, чтобы группа из человек шестидесяти девчат и молодых людей десять часов сряду молилась, — это показывает, что они действительно молиться хотели. Причем мы, конечно, не совершали богослужение: было бы бессмысленно совершать православную всенощную для группы людей, которые вообще не знают, на чем они стоят. Но мы сделали так: нас было трое, мы разделили время на три периода по три часа, и в интервалах после каждого периода из трех часов были кофе и хлеб (все-таки они пришли с работы или откуда-то, где они уставали). Мы вели так: каждый из нас (было два англичанина) делал вступление на какую-то тему, потом был период с полчаса, а потом такое размышление вслух, то есть эта же тема разбивалась на маленькие предложения, над которыми каждый должен был подумать несколько минут и которые потом собирались в форме короткой молитвы. Так мы десять часов промолились.

Потом они меня пригласили, поставили тему о святости, и мы три дня провели вместе. Мы молились, сидели вместе, я вел беседу с ними, были общие вопросы; потом, кто хотел, приходил ко мне со своими личными вопросами. И сейчас целый ряд из них прибывается к Православной Церкви. Я их спрашивал: почему? Они говорят: «Потому что православные знают, во что они веруют, и потому что у вас в Церкви есть молитва, не приходится (как некоторые говорили) «приносить молитву с собой», можно влиться в существующую молитву».

ИЕРОМОНАХ СЕРАФИМ (РОУЗ)²:

В 1979 году один из пасторов движения евангельских христиан завязал переписку с о. Серафимом, искренне желая глубже разобраться в Православии. В то же время его приходская церковь в Калифорнии служила прибежищем хиппи, туда собирались молодые богоискатели, бывшие бунтари, ниспровергатели старой культуры и традиций, которых они, по сути, не знали, не говоря уже об их невежестве в вопросах Православия и монашества. В 1980 году о. Серафим посетил эту церковь. Один из прихожан, увидев его с улицы, доложил пастору: «Там такой чувак ошивается — отпад!» Пастор поспешил к двери, с тревогой ожидая встречи с хулиганом из модных в ту пору шаек лихих мотоциклистов, но его взору впервые предстал православный монах. Они проговорили почти три часа. На прощанье о. Серафим крепко обнял пастора: «С вами Бог! Держитесь же своего пути!» Конечно, о. Серафим видел, что община эта (в прошлом протестантская) должна еще многое познать в Православии, но он также верил, что если молодые люди и впрямь ищут Царствие Божие, все приложится. Особенно ценил он попытки уберечь молодежь от современной «антикультуры», к которой некогда принадлежал сам.

Сегодня церковь эта в честь святых апостолов Петра и Павла насчитывает более трехсот семей, каждый день там проходят службы и община весьма преуспела на пути к иконному Православию.

СВЯЩЕННИК ДМИТРИЙ ДУДКО³:

Пришли хиппи, двое молодых людей. Тот, кто будет креститься, учится в институте. Какие-то заморыши, больные. Но я подсмотрел, с какой любовью они друг к другу относятся, делятся последним кусочком. А с родителями связь потеряли, второй из них крещен, будет крестным. Впечатление такое, что они брошены на произвол, никому не нужны, смирились с таким

положением и оттого вызывают самую большую жалость. Безродные дети, хотя есть у них отцы и матери, но они безбожники, не понимают их. И если иные не ругают детей за Бога, то и не обращают на них внимания: вы сами по себе, мы сами по себе. Вечная проблема отцов и детей...

¹ Митрополит Антоний Сурожский. О слышании и делании. М., ТСЛ, 1999, С. 379–382.

² Дамаскин (Христенсен), иеромонах. Не от мира сего. М. 1995, С. 951–952.

³ Священник Дмитрий Дудко. От начала до конца и обратно. Калуга, 1997, С.175.

Нараспашку идти, да в молитве радеть...

КОНСТАНТИН КИНЧЕВ*: ЧЕРЕЗ ЯЗЫЧЕСКУЮ ГОРДЫНЮ К ПРАВОСЛАВИЮ

— *Константин Евгеньевич, как Вы пришли к вере?*

— Мой приход к вере не был чем-то обвальным, резким, молниеносным, он скорее был постепенным, как подъем в гору. Все было плавно. Но, конечно, были и метания. В поиске я находился лет с тринадцати, когда бабушка подарила мне Евангелие. Безусловно, на этом пути у меня было все: и отрицание, и язычество, была и дерзость: я говорил, что я Бога люблю, а Он меня нет, что никогда ничьим *рабом* я не буду, даже Божиим, я — «сам-с-усам».

На рубеже 33-х лет я вдруг осознал, что для дальнейшего движения надо бы определиться четко... На мой выбор, несомненно, повлияли и те люди, с кем я работал. В частности, у нас в группе играл клавишник Андрей Королев, который уже был православным во время нашей совместной работы. Сейчас он работает у Белгородского епископа Иоанна. Собирается в будущем при-

*Сколько нас таких нераскаянных,
Гордых, да лихих, неприкаянных.
Заливаем боль, жжем целковые,
Братья во Христе, бестолковые.*
(«Красные горы»)

нять сан. Также и рано погибший гитарист Игорь Чумичкин был верующим. Во многом благодаря им я принял Крещение. Последнюю точку в моих сомнениях и метаниях поставила поездка в Иерусалим.

— *Некогда Вы говорили в интервью, что не можете быть христианином, так как в душе Вы — язычник...*

— Я на этот вопрос отвечал уже много раз. Ничего здесь нет удивительного и экстраординарного. Я прохожу путь моей великой Родины. Как шла моя земля от

*Константин Кинчев (по паспорту Панфилов). Родился в 1958 году. Закончил Московский технологический институт. С 1985 года лидер группы «Алиса». Женат. Имеет двоих детей. Прихожанин московского храма Трех Святителей.

язычества к Православию, к спасению, так шла и моя душа. Я свою душу от своей земли совершенно не отделяю. Поэтому еще лет восемь назад могла прозвучать такая фраза, что я очень хотел бы стать христианином, но, к сожалению, по душе я — язычник. Вот так через языческую гордыню я и пришел к Православию. До полного смирения мне, конечно, — как до Гималаев, но, видит Бог, я как-то стараюсь.

— *Почему Вы выбрали именно Православие?*

— Потому что меня всегда настораживали модные течения и исповедания. Коли я родился на своей земле и интересуюсь ее историей, то другие вероисповедания не могут возникнуть в моей душе. Другое дело, что в мой языческий период появлялась Блаватская и весь этот «блудеж», который отец Андрей Кураев разнес в пух и прах в своей замечательной книге «Сатанизм для интеллигенции». И дай Бог ему здоровья за этот труд. Уж больно соблазнительная идея этого вселенского экуменизма, которым болеет большинство нашей интеллигенции.

— *Не воспринимаете ли Вы христианство лишь как ступень на пути своего духовного развития, то есть возможен ли для Вас переход к другой «более совершенной» религии?*

— Говорить о том, что христианство лишь ступень на пути моего духовного развития я не могу. У меня даже имя — Константин — постоянный. Что же касается различных метаний человека из религии в религию, то, на мой взгляд, немаловажным фактором здесь является склонность к гордыне. Ведь когда у тебя в крови кипит желание быть выше всех, — о! как сложно с этим искушением справляться! Поэтому и начинаешь метаться.

— *Приход человека к вере, как правило, связан с переворотом в его мировоззрении, с отказом от прошлых ценностей и жизненных ориентиров. В какой степени Вы ощущаете перемену в своем творчестве после прихода в Церковь?*

— Будет не очень скромно, если я стану говорить: «Да, я бесспорно изменился». Это судить людям, которые долгие годы слушают меня. Но, судя по отзывам в интернете, я совершенно сошел с ума. А значит, я делаю

все правильно. Эти отзывы присылают те поклонники, которые не приемлют того, что я делаю сейчас. В сетях интернета сидят, как правило, мальчики и девочки из благополучных семей, имеющие с юных лет компьютер и досуг, которые считают себя шибко умными и всезнающими и берутся судить обо всем и обо вся, не сделав в этом мире пока еще ровным счетом ничего. А как раз старые, постоянные, кондовые слушатели более восприимчивы к изменениям. Они быстрее понимают и принимают их. Например, песня «Мы — православные» сейчас воспринимается залом очень хорошо, хотя она была очень и очень необычна для «Алисы».

Не могу сказать, что я поднялся. Как говорят святые отцы: «Если думаешь, что ты стоишь, то уже падаешь». Поэтому говорить о том, что я стою или поднялся, значит упасть. Да и вообще, о каком спасении и духовом росте можно говорить? Надо сначала курить бросить, а я и этого никак не могу сделать. Начиная с этой мелочи, я сам себе противоречу. Я встаю и опять падаю. Поэтому когда я смотрю на себя со стороны, то понимаю, что слишком перебираю, заявляя открыто о своих убеждениях. Особенно, когда немного «поддам» и начинаю: «Мы, православные...». Православный — это высокое

звание, ему надо соответствовать. Другое дело, когда ты дома — выпил, поговорил по душам...

— *А пытаетесь ли Вы приобщить к Православию знакомых, которые не разделяют Ваших убеждений?*

— Я уважаю выбор, свободу выбора каждого. А кто я такой, чтобы заявлять: «Вот я — православный, я выше тебя, к примеру, — мусульманина». Он мне сразу резонно ответит: «Какое ты имеешь право называть себя православным? Ты ведь делаешь то-то и то-то!» И я уже сижу в луже. Поэтому я никогда не дерзну кого-то учить жить.

Для меня совершенно ясно, что единственный путь спасения — это вера правая. Но во мне еще столько вопросов, с которыми надо справляться, а я по лености своей природной оставляю все на завтрашний день. Лучшая проповедь — это моя собственная жизнь. Поэтому надо стараться соответствовать званию православного.

— *Стараетесь ли Вы дать своим детям православное воспитание?*

— Строго православное воспитание я дать им не могу, потому что сам — не строго православный, если смотреть по канонам. На мой взгляд, я не имею права заставлять детей жестко поститься. Просто напоминаю им: «Сейчас пост, сейчас пост!» А там уж как сами решат (*смеется*). Я не заставляю их не смотреть телевизор. Они смотрят его, играют в компьютерные игры... — как все дети. Понимаете, любой запрет, особенно в жесткой форме, формирует «болезнь запретного плода».

— *То есть Вы не нарушаете их свободы?*

— Стараюсь не нарушать... Ну конечно, и ремня даю время от времени, что тоже необходимо, на мой взгляд, когда все аргументы исчерпаны... Кого люблю, того и наказую.

Во всяком случае, мои дети знают, что такое служба, куда ставить свечи за упокой или за здравие, что такое алтарь. Маша (старшая дочь) поет в храме на клиросе. Они не шарахаются от священников (что, кстати, часто бывает в нецерковных семьях), поскольку у меня часто бывают в гостях мои товарищи священнослужители.

— *Чем сегодня является для Вас музыка? В 70–80-е годы рок-музыка была довольно сильным инструментом социального протеста в обществе. В начале 90-х годов музыка становится, в первую очередь, бизнесом. Какие цели Вы ставите перед своим творчеством и какие задачи пытаетесь решить?*

— Никаких целей и задач я, мягко говоря, не ставлю. Могу сказать одно, что протест без веры, как правило, заканчивается наркоманией, то есть смертью, или «хождением из окон», то есть самоубийством. Это обычный протест человека, не чувствующего опоры, не знающего своих корней. Потому что он протестует стихийно против общества, против того, что в этом обществе творит-

ся, но не знает, почему это творится, и как найти выход из этой ситуации, как найти противоядие, как найти спасение, и что есть это спасение. Отсюда такие печальные исходы.

Рождество. Снег.

Чистым январем духом воспрять.

Со всеобщей выйти другим.

Снегом скрипеть до рассвета.

Да любовь нести прямо к весне,

Вместе с нею солнце встречать.

Благодарить песней этой Слово.

(«Рождество»)

А протест с верой — конструктивен. Я об этом могу говорить, потому что я все ступени этого протеста проходил: сначала был просто протест, а сейчас протестуем против мира... Как спел Виктор Цой: «Весь мир идет на меня войной». Именно сейчас я эту песню ощущаю своей, очень родной. Вера дает силу.

Теперь на счет коммерции. Музыка для меня как для профессионала — это то, что я люблю, то, что как бы занимает мое сердце. Я очень люблю играть концерты, я не могу от этого отказаться. Видимо, я так «заточен», что на сцене под рев гитар я очень хорошо себя ощущаю — тут я на месте, как рыба в воде. Когда я выпадаю из этой концертной чреды, я чувствую себя неплохо, но мне чего-то не хватает. Вместе с тем, я еще умудряюсь за это получать деньги. Это позволяет моей семье существовать. Ничем другим я не занимаюсь.

Но здесь есть отличие от попсы. Моя главная задача — поделиться тем, что у меня в сердце, на душе. Поэтому не знаю, коммерческая мы группа или не коммерческая — с какой стороны посмотреть. Если она профессиональная, значит коммерческая, но, с другой стороны, это то, что идет от сердца, что приносит радость, в отличие от попсы, где главное — это слава, деньги, успех... Вот и все.

— Рассматриваете ли Вы свое творчество (музыку, тексты) как миссионерское служение, проповедь, призыв к Богу?

— Я ни в коем случае не рассматриваю свое творчество как миссионерство, поскольку, честно говоря, я на это благословения не получал, потому что не просил. Я просто боюсь у духовника просить благословения на подобные вещи. Я делаю то, что считаю необходимым делать мне по сердцу. Я пою те песни, которые мне хочется петь. В этих песнях выражаю то, что происходит во мне. А талантливо или нет — судить не мне. У нас есть более умные, более глубокие, более продвинутые в плане миссионерства люди. Тот же Кураев, например. Он гораздо больше знает, нежели я, больше читал, имеет

замечательную память и бесспорный дар литератора. Вот он и занимается чисто миссионерской работой.

— Не возникали ли у Вас в душе сомнения о правильности выбранного Вами пути после Вашего прихода в Церковь?

— К несчастью, у нас многие люди находятся не на своем месте и глубоко страдают от неверно выбранного пути, профессии. Слава Богу, я выбрал правильный путь (не зависимо от того, что я закончил экономический факультет Московского технологического института). Со страхом представляю, как бы я занимался тем, что хотел мой отец. Он по своему представлял себе благополучие сына. Царствие ему Небесное. (При этих словах Константин благоговейно перекрестился. — Прим. ред.) Конечно, он желал мне добра...

Я для себя четко определил, что не существует плохих профессий, не угодных Богу. Профессий можно менять тысячи, лишь бы они приносили радость. Каждый должен делать свое дело добросовестно и стараться, чтобы это было угодно Богу. Существуют люди, ответственные за свои поступки, и не очень ответственные. Поэтому мера ответственности недобросовестного хирурга, иерея или учителя гораздо выше. Для меня же это заключается в следующем: наиболее ясно выражать свою позицию поэтическим образом, и чтобы не было никаких кощунств в текстах. Раньше я испытывал раздвоенность несколько лет, а сейчас появился покой в душе по этому поводу. Меня вопрос о профессии сейчас не тревожит, хотя он может опять возникнуть.

— Существует мнение, что рок-музыка своими корнями уходит в африканские шаманские культуры. Что Вы можете сказать по этому поводу? Возможен ли, по Вашему мнению, православный рок?

— Я никогда в роке не чувствовал африканского язычества. Быть может, сейчас я покажусь (не приведи, Господи) расистом, но это абсолютно белая музыка. Блюз или хип-хоп — да! Эта музыка абсолютно черная. В ней в полный рост стоит африканское язычество, а в роке этого нет.

*Ветер ладит тропы до небес,
Через горы, через темный лес,
Труден выбор — узкие врата,
Туда, где бьет живая вода.*

(«Три дороги»)

Что касается музыки, то я вообще считаю, что хард-рок — это абсолютно русское явление. Созвучна русскому духу эта раскачка, эта дремучесть. Поэтому, например, «Black Sabbath» и «Metallica» — абсолютно русские (по звуку) группы. Именно поэтому они пользуются у нас такой бешеной популярностью.

Хотя, не отрицая, мне нравится и блюз, и хип-хоп. Это та музыкальная форма, в которой наиболее доступно и просто выразить свою социальную позицию. Поэтому у меня многие тексты написаны именно в такой форме (например, «Тоталитарный рэп»).

Но, безусловно, если смотреть глубже, у истоков современной музыки стоят африканские ритмы, шаманские культы. И поэтому я считаю невозможным существование «православного рока», именно в этом соединении двух слов. Я бы остерегся подобных эпитетов — «православный рок». Это что-то из сектантства. Православный человек — это да! А любое творчество гораздо ниже Православия, потому что, по сути, — это карикатура на Творца. К этому нужно относиться более сдержанно и с изрядной долей скептицизма.

Православие вообще подразумевает акапелльное пение во славу Господа. И все! Никаких музыкальных инструментов в Церкви. Рассуждая дальше, можно сказать, что все музыкальные инструменты — это... Но к чему мы тогда придем? Так можно дойти до того, что все вокруг — совершенное мракобесие. От чего, кстати, в основном и шарахается неподготовленный обыватель: «Опять эти православные на всех наехали». Очень сложно балансировать на этой грани.

— Да, сегодня Православную Церковь часто упрекают в консерватизме, в непонимании стремлений, проблем, желаний современного общества. Как Вы думаете, каким образом можно преодолеть разрыв между Православием и современной молодежной культурой, как воцерковить ее?

— Это задача из задач! Над ней билось не одно поколение. На мой взгляд, батюшкам прежде всего нужно не забывать, что необходимо безмерно уважать свободу каждого, а жесткими назиданиями, без уважения к свободе, можно только оттолкнуть молодежь. То есть работать с ними нужно очень осторожно. Пришел в храм человек, грубо говоря, еще «неврубающийся», на него «наехали», не допустили до Причастия... Он же больше не придет! Вот это ответственность иерейская! Она огромна — чувствовать каждую душу. Вот пример. У меня одна знакомая пришла в храм, хотела причаститься, но не готовилась как положено, многого не знала. На исповеди рассказала все батюшке, он посокрушался и говорит ей: «Вообще-то, я не должен допускать тебя до Причастия, но если не допущу, то ты больше и не придешь. Поэтому допускаю, но учти...», и ставит определенные условия.

Церковь неизмеримо сильнее, выше всего человеческого, и поэтому ей не требуется такого тотального привлечения к себе, как всем сектам, которые всевозможными сетями увлекают людей. Врата адовы широки, но и туда надо завлекать. А к Господу завлекать никого не надо. Господь Сам приводит к Себе.

*Материал подготовил Михаил Первушин,
4 курс МДС*

«МЫ ПРАВОСЛАВНЫЕ»

*Душа магнитом-замком
Тревожит вольную грудь,
Как по доброму жить,
Да готовиться в путь,
Как с надеждой глядеть
на разрушенный дом,
Как по доброму петь.
Мы православные!*

*Видеть козни врага,
Да по вере прощать.
Посягательства чад
Волей одолевать,
Да гнушаться всех тех,
кто порочит Отца,
Да по силе терпеть.
Мы православные!*

*Гнать кручину-печаль,
Да с похмелья болеть,
Нараспашку идти,
Да в молитве радеть,
Да собором судить,
кому тяжело держать
Во славу нашей земли!
Мы православные!*

*А в небе сила — любви!
Божья воля — закон!
Смертью смерти поправ
Дышит вечность с икон.
Да святится имя Твое
На все просторы Руси!
Мы православные!*

Где Дух Господень, там свобода

ПРОТОИЕРЕИ ВЛАДИСЛАВ СВЕШНИКОВ: ЦЕРКОВЬ И МОЛОДЕЖНАЯ КУЛЬТУРА

— Отец Владислав, возможны ли, на Ваш взгляд, точки соприкосновения между молодежной и церковной культурами в современном обществе?

— Сначала хотелось бы поделиться общими соображениями о взаимосвязи церковного мира и современной культуры в целом, пока не выделяя из нее молодежную. В современном мире нет концептуально выстроенной нравственной культуры, и поэтому было бы естественно выделить два главных направления: с одной стороны, как понимает нерелигиозный мир тех людей, которые объявляют себя открыто людьми религиозного сознания, и наоборот, как относятся люди религиозного, в первую очередь православного, сознания к той культуре, которую несет мир в целом. Если выбрать общую демаркационную линию, то она окажется скорее разделяющей, чем соединяющей эти два способа взгляда на мир и, соответственно, жизненных отношений. Напротив, в XIX веке одновременно происходило их взаимопроникновение и взаимоотталкивание. Можно даже сказать, что процесс взаимопроникновения был гораздо более развит, чем обратный процесс. В то время существовали религиозно-философские общества, которые включали в себя довольно разнородный состав: с одной стороны, митрополит Антоний Храповицкий или священник Павел Флоренский, а с другой, — люди, оставившие в своей жизни лишь душевную декорацию христианской культуры, такие как, например, Зинаида Гиппиус.

Катастрофа начала XX века насильственно разделила эти два типа культуры, хотя, конечно, в простом народе еще в течение двух поколений оставались стремление и склонность к той нарабатанной веками нравственной культуре, которой жили их предки. Демаркационная линия теперь уже была выстроена официально. Более того, если говорить о России, то за Церковью и, соответственно, за церковной культурой, христианским мировоззрением, церковным подходом к жизни официально признавалась лишь роль некоторой резервации. Таким образом то, что относилось к христианской православной культуре, было заключено в рамках церковного богослужения и, отчасти, фольклора, то есть в том, что можно было собирать, исследовать, но не более. Нечто археологическое, занятное, но уже не имеющее ценности в жизни общества. Подобного рода процессы, хотя и не на официальном уровне, по-видимому, проходили во всем мире.

Однако были люди, которые хотя бы по интуиции обладали стремлениями к чистой совести и сохраняли в своей генетической памяти традиции христианского миропонимания, но все таки ушли от них по своим склонностям, по своему пониманию ценностей. Такими людьми иногда делались попытки, отражавшиеся в их жизни и творчестве, к объединению двух культур. Поэтому некоторые писатели (например, Генрих Бёль и другие) считали себя людьми христианской культуры, выражавшими культурные ценности христианского сознания. Но чем дальше шло время, тем более ценности автономной культуры становились преобладающими, а ценности христианской культуры — совершенно далекими и чуждыми. В России ярчайшим примером этого явления можно считать Набокова, в творчестве которого не осталось от христианской культуры ничего, как, собственно, и от жизни. Конечно, оно замечательно как образец литературного мастерства, но совершенно лишено жизненного содержания. И это не случайно, потому что когда литература совсем отрывается от источника жизни, она становится безжизненной. А источник жизни находится не в человеке, а выше человека.

Сегодня мы подошли к такой ситуации, когда очень нестандартно, как реакция на годы советской действительности, по некоторой доле генетической традиции общество во многих своих членах стало сознавать себя принадлежащим к христианской культуре. Однако в жизни это никак не выражается. В лучшем случае — освящают куличи на Пасху, да еще на некотором смутном интуитивном уровне Церкви доверяют больше, чем другим институтам. Не потому, конечно, что так любят и знают Церковь, а потому что все остальные просто себя дискредитировали.

Так, на всех уровнях, на всех материалах культуры выросло и живет некоторое новое общество, «новый ветхий народ», для которого по непосредственному содержанию жизни характерно полное отторжение от христианской культуры. Но, в то же время, оно объявляет свою принадлежность к этой культуре, поскольку все прочие формы жизни и ее содержания себя дискредитировали.

Когда покончили со структурой большевистского сознания — ложной, но все-таки структурой — пришли к хаотическому ощущению мира, поскольку другой структуры не было создано. И теперь, разрушительный хаос обществен-

ной действительности противостоит строгой структуре любви христианского сознания. Демаркационная линия осталась. Она просто может передвигаться, но диффузии, взаимопроникновения осуществляться не может. Возможен только переход. Надо заметить, что в настоящее время переходы со стороны Церкви обратно, в светскую культуру, чрезвычайно редки, хотя и встречаются. Встречаются потому, что люди сравнительно молодого или среднего возраста попробовали по искренней симпатии сделать свои первые шаги в церковной жизни, но честно убедились в том, что этот материал содержания жизни — *не их*, и вернулись обратно.

Две культуры разделены потому, что основание для этого разделения — принципиальная мировоззренческая разница. Совмещения не может быть никакого: либо человек принимает тот тип устройства, который предлагается Христом, Евангелием, Церковью, как основную внутреннюю норму своей духовной жизни, либо он живет своими нормами, даже если он считает эти нормы близкими к христианству. В таком случае речь идет не более, чем об интерпретации. Такого рода интерпретациями занимаются очень многие люди. И потому принципиально возможен только один путь — путь перехода этой демаркационной линии — либо сразу, что очень трудно, либо постепенно, оставляя за спиной те ценности, которыми жил прежде.

— Были ли в Вашей пастырской практике реальные случаи перехода, особенно молодых людей, через эту разделяющую линию?

— Таких случаев были десятки и даже сотни, впрочем как и у всякого служащего священника. Когда я десять лет

назад перешел из Тверской епархии в Московскую, я начал свое служение в одном из деревенских храмов. Но деревенским его назвать трудно, так как рядом с ним находился научный городок. Сначала в храм ходила традиционная публика — старушки. Но после двух-трех месяцев каждое воскресенье стали приходить три — пять новых человек. Причем не таких людей, которые пришли просто поглазеть и уйти, а тех, кто оставался потом навсегда. Были у нас и школьники, но с ними случалась повсеместная беда: учась в школе, они всегда бывали в храме, даже прислуживали в алтаре, но как только поступали в вузы, их жизнь в Церкви прекращалась. Для меня это не просто трагедия. Я полон глубокой печали и, честно говоря, непонимания — ведь у таких ребят была конкретная, предметная связь с Богом (они вкушали Причастие!), как казалось, не только на психологическом, но и на глубоком личном уровне. Либо не было этой связи, либо речь идет о предательстве, о чем и говорить не хочется. Многих я часто вижу, они по-прежнему такие же симпатичные ребята, заходят в храм, но, к сожалению, они вне Церкви.

— Видимо, культура, которая захлестнула их в институте, оказалась просто сильнее?

— Скорее, это не культура, а тип жизни. Время занятости увеличилось, появились новые друзья, новые социальные слои, ну и, конечно, юные страсти. Но я должен сказать, что среди тех, кто пришел в Церковь в возрасте чуть более старшем, например, в 19-тилетнем, я не могу припомнить ни одного случая ухода. Более того, образовалось много супружеских пар, стали рождаться дети, и теперь по воскресеньям причащающихся детей, пожалуй, столько же, сколько и взрослых прихожан.

— Батюшка, возвращаясь к теме уходящих из храма ребят, возникает вопрос: насколько возможно для человека, пришедшего в Церковь, дальнейшее совмещение жизни светской, нецерковной с жизнью в Церкви?

— Не могу указать допустимую глубину проникновения молодежной субкультуры в жизнь молодого христианина, но, вообще говоря, такое совмещение возможно. Где-то три четверти молодых людей ушли, но одна четверть осталась. Хочешь или не хочешь, а связь с жизнью, которой живет мир, у этих ребят сохраняется. Пусть принимаются не все ценности «века сего», но во всяком случае остается то, что относится к работе, общению с нецерковными людьми и тому подобное. Но важна и другая сторона: главное для этих молодых людей — продолжение жизни в Церкви, потому что без этого они уже жить не могут.

— А как Вы можете охарактеризовать современную музыкальную культуру и, в частности, рок-культуру?

— Если говорить о рок-культуре, то сразу признаюсь: я не слишком хорошо ее знаю. А то, что знаю, представляет собой все-таки очевидное снижение, редукцию ценностей прежней мировой культуры как относительно конкретного содержания (литературной стороны), так и относительно возможности это содержание выявить в конкретных культурных формах (музыкальных, поэтических и т.д.). На сло-

весном уровне песенная культура, рок-культура являет процесс обеднения, деградации. Я уже не говорю о... Как это сейчас называется у молодежи?

— *Вы имеете в виду «попсу»?*

— Да, я уже не говорю о «попсе». На словесном уровне она настолько пуста и примитивна, что даже не хочется хоть сколько-то подробно об этом разговаривать. В русской рок-культуре словесно-поэтический материал был несколько более значителен (конечно, речь не идет о сравнении с достижениями русской культуры прежнего времени) хотя бы потому, что было отрицание некоторых ложных, но распространенных общественных идеалов. Отрицание того, что видели в реальности. Причем это отрицание было выражено психологически, если не сказать психиатрически, довольно остро, с большой силой. Значительный элемент в этом творчестве — ирония, что часто наблюдалось и в мировой культуре, хотя и здесь мы тоже видим общее снижение уровня. Но, безусловно, сам стиль иронии куда выше стиля «попсы», где нет никакого содержания, кроме очень дешевой, «зоологической» лирики.

Можно сказать, что рок-культура представляет собой нечто понятно-привлекательное для молодых людей, потому что для них близок ее энергично-истерический стиль (мы говорим здесь о музыке и исполнении, хотя и в словах это тоже выражалось), близок не столько типу сознания, сколько психологическому типу переживания. Что касается музыки, то, конечно, даже «попса» 50–60–70-х годов, несомненно, богаче и мелодически, и словесно, и гармонически, хотя по содержанию она так и остается «попсой» — жалкой лирикой, за которой не стоит никакого действительного богатства чувств (учитывая то, что имеется в виду преимущественно одно чувство — интимное отношение двух полов). Но вспомните романсы XIX века: поется все о том же, но куда как богаче словесные выражения («Я помню чудное мгновенье...»)! Как человек немолодой, я с трудом могу понять, чем новая «попса» может привлекать людей? Разве что придется признать, что она есть выражение умственно-го и эмоционального оскудения, редукции душевной жизни нового поколения по сравнению со старым. Тогда понятно, почему к ней тянутся: потому что для них это свое. Что касается только рок-культуры, то она, конечно, все-таки богаче, правда, исключительно в словах и форме выражения, хотя для человека, привыкшего к мировой культуре, эта форма выражения кажется убогой и животной.

По поводу сосуществования церковной жизни и светской. Опыт некоторых молодых прихожан из моих приходских говорит о том, что такое возможно, по крайней мере, как временный фактор. На исповеди я вижу, что многие из молодых людей видят и понимают свои жизненные ошибки, грехи не хуже, чем взрослые люди. Они понимают, что такого рода увлечения являют собой род зависимости, то есть они находятся в некотором противоречивом состоянии, потому что дух христианства должен вести к освобожденности от всякой зависимости: где Дух Господень — там свобода.

Надо сказать, что на их дальнейшую жизнь в более строгих и чистых христианских началах оказывает влияние время, как фактор, который уничтожает эти зависимости, а

также строй жизни прихода в целом, если они не уходят. Но если строй приходской жизни имеет агрессивно-аскетический характер, чрезмерно монашеский, то там никто не удерживается, такой строй отталкивает. Либо эти люди начинают играть, для них начинается театр аскетике. А актерство вообще — свойство греховного человеческого бытия, чего, к сожалению, в Церкви больше, чем в любой другой действительности. В таком случае продержаться некоторое время можно, иной раз возможен и переход от театра к натуральной аскетической жизни, но это большая редкость. Поэтому для таких людей гораздо лучше было бы оказаться на приходе менее строгом, где нет такой демонстративной аскетике, которая отпугивает не только такого рода молодых людей, но и просто нормальных людей, только что пришедших к вере. Они видят, что люди настроены на внешних аскетических началах, которые они пока не могут нести, и тогда они отходят; хорошо, если не от Церкви вообще, а переходят в то место, где им оказывается проще. Для молодых людей, если они остаются, начинается эпоха театра, которая может продолжаться дальше всю жизнь.

— *Как найти общий язык с людьми, которые занимаются рок-культурой? Как общаться с ними, например, священнику?*

— Я не знаю, как с ними общаться до того, как они сделали первый шаг в Церковь. Потому что, как правило, подавляющее большинство священников живет в своей внутрицерковной имманентной среде и за пределы церковной действительности, если и выходит, то выходит в плане общественной деятельности (понятно, что при этом они встречаются с людьми не всегда строго православными). Может быть, есть некоторые священники, у которых есть старые знакомства, привязанности, и к ним приводят людей иного опыта жизни, и тогда начинается их связь, которая дальше постепенно переходит в воцерковление этих людей. Но большинство, конечно же, живет устоявшейся церковной действительностью. Поэтому вопрос можно поставить так: как быть с теми, кто уже пришел? И тут возникают две взаимопроверочивых задачи: с одной стороны, не оттолкнуть, а с другой стороны, не позволить им ввести в жизнь Церкви и в свою личную жизнь склонности к прежним греховным ценностям, которые будут действовать деструктивно, дай Бог, если только для них одних, а не на окружающий их церковный народ.

Из своей личной практики могу рассказать следующее: так получилось, что недалеко от нашего храма живет один известный рок-певец. Он стал ходить в наш храм, у нас завязалось общение. При этом он продолжал оставаться человеком, которому во многом, кроме своей музыкальной деятельности, приходилось каяться, причем так, что я порой его не допускал до причастия, впрочем, не из-за «музыкальных дел». Если говорить о его главной деятельности, то я поставил для него некоторые задачи, с которыми он согласился (я со всеми людьми строю свою практику общения не на менторско-приказных тонах, а на попытках найти общее понимание и согласие, так чтобы, в конечном итоге, мои аргументы стали их личными аргументами по силе аргументации, а не по авторитету священника). Эти начальные, простые задачи заключали в себе, во-первых, абсолютное

исключение мата, во-вторых, абсолютное исключение допустимости религиозного плюрализма, в-третьих, уменьшить истерику. С третьей задачей он теоретически согласился, но на практике говорит: «Батюшка, вы правы, но я иначе не могу. Я заводжусь, когда я начинаю петь. Я даже не думал, что могу так заводиться». И, очевидно, говорить о воцерковлении его и подобных ему людей можно лишь в том случае, когда они перестанут так «заводиться», потому что сама эта «заводимость» из другого типа жизни, из другого типа переживания и сознания. До тех пор, пока они живут в этой «заводимости», их едва ли можно считать вполне церковными людьми. Их можно лишь по снисходительности допускать, одновременно ставя перед ними задачу изменения своей жизни.

— *Мы говорили об опасности человека привести свои ценности, которыми он увлекался прежде, в общество верующих, общество, которое живет новыми принципами...*

— На нормальном приходе это практически невозможно.

— *Однако, мы имеем пример современных католиков и протестантов: например, в Африке в целях привлечения местных жителей в свою конфессию широко используются за богослужением местные культовые обряды, музыка. Известно также использование эстрадной музыки во время Литургии в таких развитых странах, как Франция. Не грозит ли мы подобная опасность впасть в зависимость от современной культуры?*

— Устойчивая консервативность православных традиций, скорее всего, никогда не допустит привлечения такого рода форм, за которыми, на самом деле, стоит больше, чем компромисс, — отступление от духовной правды, то есть от Предания. Как-то так получается, что новые люди, приходящие в Церковь, не пытаются внедрить свои принципы, типы устройства, они либо адаптируются, либо, что тогда неизбежно, отторгаются.

К сожалению, прошли те 10 лет, когда наблюдался массовый приход в Церковь, сейчас приходят «штучно». Разумеется, не потому, что Церковь тогда была ярче и сильнее, а сейчас мертвее и слабее. Скорее как раз наоборот. Тогда пришли те, кто никак не мог не придти, они были ведомы всем строем своей жизни.

— *Как же преодолеть этот разрыв между Церковью и обществом, как сделать Церковь живой и интересной для молодежи, как привести людей в ограду Церкви?*

— Практических шагов, то есть, как сделать Церковь нужной, живой и интересной для тех, для кого она пока не стала матерью, — я не знаю. С одной стороны, ясно, что от традиции, предания ни в чем нельзя отступать ни на шаг, с другой стороны, невозможно переступить ту демаркационную линию, которая разделяет эти две культуры. Поэтому нужно сделать прыжок. Как сделать так, чтобы этот прыжок был естественен с человеческой стороны, помимо призывания Божественной помощи, я не знаю.

Вполне возможно, что в условиях России необходимы гораздо более острые и болезненные события, чем были весь этот век, для того, чтобы какие-нибудь случившиеся катастрофы привели бы остальную часть. Можно представить себе и какой-нибудь более органичный путь, но почти такой же трудный. Это, наверняка, будет путь Божественного чуда, но чуда, которое подготавливается и совершается людьми. Я хочу сказать, что в России возможно возникновение такого обширного общественного движения, в котором люди христианского самосознания будут занимать главное место, хотя бы потому, что для них более органичен тот тип жизни, который называется служение. То есть они должны стать закваской для тех, кто еще не вошел в христианское понимание и устройство жизни, но согласны с нравственно-душевым содержанием такого типа жизни. Тогда постепенно все общество будет пронизываться этим смыслом жизни ради того, чтобы не погибнуть народу, обществу и государству. Это движение, захватывая все более обширные слои людей и воцерковляя их, может сделать больше, чем все наши предполагаемые попытки. Это дело потребует совершеннейшей самоотверженности, оно потребует очень больших усилий. Напряженная мысль Церкви должна всегда биться с большой энергией, пытаясь осознать, что же делать для того, чтобы, не изменяя своей природы, сделать саму себя действительно привлекательной для жизни общества, для людей иных жизненных ориентиров.

— *В заключение хотелось бы попросить Вас поделиться своими пожеланиями к молодым пастырям.*

— Как-то раз я служил в Николо-Кузнецком храме. Был институтский день, служил Святейший, ну и, конечно, очень много священников — преподаватели Богословского института и учащиеся в сане. К сожалению, невозможно было обратить внимание на страшный возрастной разрыв. Было несколько пожилых священников, ректор, и основная часть совершенно «зеленой» молодежи. Хорошая поросль, хорошие ребята, но промежуточного, очень важного возрастного звена, к сожалению, не было совсем. А ведь это звено как раз и является тем материалом, который преемственно держит предание. Слава Богу, что молодые священники учились в институте, где преданию уделяется большое внимание.

Что можно пожелать? Пожелать — дело и простое, и трудное. Простое потому, что нет ничего проще, чем на словесном уровне высказать простое желание. Но нет ничего более трудного, чем понимать реальные пути осуществления этих желаний. Поэтому общее желание остается на уровне мечты. Хорошо бы, чтобы их жизнедеятельность была связана и со стремлением не отпугнуть своими неверными жизненными подходами (например, младостарчеством) тех, кто уже в ограде Церкви. И, соответственно, сделать все, чтобы пришли новые люди. Если говорить о реальных путях, то, скорее всего, они возможны только благодаря тому общественному движению, о котором мы говорили выше. Потому что тогда молодые священники смогут всей своей жизнью и практикой, цельностью духовного и нравственно-го мира привлекать тех, кто уже социально ориентирован, уже живет болью народа, но почему-то пока был далек от духовного осознания и переживания.

Назад, сквозь закрытые двери

ИСПОВЕДЬ НАРКОМАНА

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Прежде, чем предложить читателям перевод статьи из американского православного журнала «Death to the World», хотелось бы сделать несколько замечаний.

Журнал выпускается молодежным православным движением «The Youth of the Apocalypse Outreach», что можно перевести как «Спасательная бригада апокалиптической молодежи».

Наряду с редакционными материалами журнал печатает письма своих читателей. На одной из страниц журнала красуется рисунок читателя: из ямы, полной мусора (там можно различить шприц, пистолет, сатанинскую символику) пытается выбраться волосатый панк. Православный монах, стоящий на краю ямы, вытягивает бедолагу-панка на свет Божий. В этом рисунке содержится ос-

новная идея движения «апокалиптической молодежи»: выйти навстречу тем, кто увяз в бездне греха, протянуть им руку помощи, перевязать их раны и помочь им впервые встретиться со Христом.

Невольно испытываешь изумление, видя, как Господь прорастивает ростки веры в душах этих людей, отверженных всем миром. Это подлинное чудо: в Америке — стране, которую не назовешь идеальным местом для насаждения православной веры, — успешно ведется проповедь. Она часто принимает весьма непривычные формы.

Вот как выглядит, например, православное ночное кафе. Это — одно из удачных изобретений миссионеров: бесплатный кофе и непринужденная атмосфера привлекают сюда молодежь, которой некуда себя деть. Православные книги здесь доступны всем желающим, а беседы с православными священниками и монахами многим из проходящих сюда открывают глаза на Православие. На рок-концертах бесплатно раздаются приглашения следующего содержания:

«Мистическая тусовка. Хочешь послушать старинные мелодии? А понюхать изысканные греческие ароматы? Хочешь посмотреть на подпольных монахов? Или увидеть настоящего Супермена?» (В углу кафе висит фотография седовласого схимника в полный рост, над которой красуется надпись «The real Superman».)

Нам все это может показаться кошунством, однако, у этой идеи есть важное преимущество: она там работает. Бывшие панки становятся полноценными членами общества, наркоманы забрасывают шприц, никому не нужные, отверженные люди находят свою семью. Думаю, сегодня такая реклама только отпугнула бы русских экстремалов, но, возможно, завтра и нам придется обращаться к ним юридическим языком «массовой культуры» (другого они просто не поймут).

Часто, очень часто, среди несчастных, отчаявшихся в борьбе с собой и миром молодых людей находятся те, кто мечтает умереть, чтобы избавиться от страданий. Но, узнав, что Христос умирает за каждого из нас и дарует нам вечную жизнь, они с радостью решаются умереть вместе с Ним, умереть для мира.

Собственно, эта мысль и послужила названием для журнала, потому что «Death to the World» означает «смерть для мира». Для экстремальной молодежи она особенно близка. Философия протеста против вечно «жрущего» и призывающего земными утешениями буржуазного «рая» находит себе абсолютное выражение... в православном монашестве.

Мне очень импонирует непосредственность, с которой автор статьи «Сквозь закрытые двери» излагает историю своей прежней жизни и обращения ко Христу. Для того, чтобы сохранить самобытность авторской речи, мне пришлось долго подбирать к его жаргонным «перлам» подходящие русские эквиваленты. Быть может, перевод вышел чересчур пестрым, но, надеюсь, он адекватно передает внутренний мир автора.

Денис Коротких, 1 курс МДА

Вот молодые ребята,
Нагруженные дурью.
Вот молодые ребята,
Где же они побывали?

Мы стучались в двери
Самых мрачных чертогов ада,
И они захлопнулись
У нас за спиной...

Ян Кертис

БАНКА ПИВА И СКЕЙТ

В мае 1980 года певец и сочинитель песен Ян Кертис из группы «Joy Division» повесился в своем доме в Манчестере (Англия) за день до своего выезда на первое большое турне по Америке. В тот же день произошло извержение вулкана Святой Елены (штат Вашингтон), а один юноша приготовился к школьному выпуску и к суматохе, в которую эта жизнь должна была скоро превратиться...

На следующий день после выпуска я двинулся в направлении Сан-Хосе (столица Коста-Рики) в поисках «мекки» скейтбординга в Северной Калифорнии. Во время предыдущих путешествий, я уже получил первое знакомство с панк-тусовкой Сан-Франциско. Здесь, в гостинице «Холидей Инн» на бульваре Сан-Карлос, я подстриг свои патлы и стал панком.

Я был молод, чист и наивен. Отказавшись от «напряженного пути», который требовал поступления в колледж и получения работы, я заменил боль отверженности гневом, воспламенявшим юное поколение. Пока мои друзья думали, в какой колледж пойти, я решил «жить быстро и умереть молодым».

Следующие два года я провел в небольшом городке, обмениваясь с окружающими физическими и моральными оскорблениями. Последовало полнейшее отчуждение от общества. Чтобы притупить боль, я навалился на выпивку и наркоту. Теперь никто больше не мог повредить мне...

К осени 1982 года я двинул в Портленд, запасшись 40 банками супа «Кэмпбелл» и 40 долларами. Город оказался для меня откровением: я увидел многих молодых людей, живших каждый как ему вздумается, и впервые почувствовал себя принятым! Если мы и были негативис-

тами — это было лишь отражение окружавшей нас ерунды: рейганомики и гонки вооружений. Мы выбрали лучшее из того, что было у битников 50-х, клешевых хиппарей 60-х и англо-американского панка 70-х, и вернули все это на улицу — ребятишкам. Прыганье с поездов, ныряние в отстойники, кража пива были только романтическими традициями. Втаптывание себя в грязь казалось заманчивым. И у нас не было достаточно долгих перерывов, чтобы задуматься над тем, что нигилизм такого пошиба пагубно влияет на наши тела и души.

В 1982 году я играл «industrial» в одной из местных рок-команд. У нас был дом в районе Юго-Восточного Портленда. Кругом — одни склады. Каждый субботний вечер мы давали подпольные концерты. Лучшие рок-группы из Портленда и Сиэтла приезжали на наши тусовки. Иногда даже навевывались музыканты из Сан-Франциско и Лос-Анджелеса.

Однажды вечером прямо перед домом начался панковский дебош. В это время «Poison Idea» — местная «хардкорная» команда — устанавливала аппаратуру для концерта. Вдруг гараж, в котором я жил, вспыхнул. Это был поджог. Огненный шар поднялся в воздух на 75 футов. Когда огонь перекинулся на дом, мы бросились спасать оборудование группы. Единственное, что мне удалось спасти — банка пива и скейт. В моей жизни это были важные вещи.

В 1983 году я второй раз подряд выиграл северо-западный чемпионат по вертикальному скейтбордингу, достигнув пика, до которого мне больше не суждено было дотянуться. Я катался на скейте, как правило, «под мухой», потому что не мог хорошо кататься трезвым. Меня пригласили в команду скейтбордистов Джека из Сан-Франциско, и я жил там до конца лета. Это был «зеленый» период в жизни тусовки Сан-Франциско, она только образовалась. Панковский рок-журнал «Maximum Rock'n'Roll» только открывался, а журнал скейтбордистов «Thrasher» только начинал расти. Мы были круты — эдакая странствующая банда пиратов. То были мои самые счастливые деньки...

НАЧАЛО КОНЦА

Я вернулся на запад и отправился зависать в Сиэтл. Движение «Глэм» окрепло, темп музыки снижался, и Курт Кобейн уже оформил контуры движения «Грандж». Именно здесь я получил первый опыт жизни в качестве наркомана.

Однажды вечером в квартиру, где я жил, приперся мой друг. Он обчистил местную аптеку и приволок ко мне три здоровенных пакета седативов, барбитуратов и наркотиков. Через несколько секунд, едва ли задумавшись о том, что происходит, я позволил ему воткнуть иглу в мою руку. Теплота разлилась по всему телу, и на мгновение мне показалось, что я на небе. Потом я отключился...

Наутро, когда я очухался, мой друг сказал, что он облажался, и у меня «передоза». Чтобы я не впал в слишком глубокий сон и не умер он дал мне таблеток и потащил меня на автобусную остановку.

Следующая неделя была сплошным мутным пятном — почти короткое замыкание. Все кончилось тем, что я, разбив витрину с целью умыкнуть банку пива, вырубился прямо перед магазином.

Я очнулся в тюремной камере с носом, влажным от соплей. Это была «ломка», с которой мне предстояло познакомиться поближе. Теперь я мог думать только об одном: когда я смогу достать еще наркоты.

В начале 1984 года западное побережье было завалено дешевой кислотой «Беркли» и высокопробным мексиканским героином «Чива». Ежедневное употребление «кислоты» в течение трех месяцев завершило мой период исследования наркотиков. Я стал сползать под откос, кончив ежедневной заправкой героином «Чива». Портлендский полицейский департамент как раз прошел полную реорганизацию из-за коррупции полицейских, и он совершенно не контролировал того, что творилось в городских трущобах. Стало уже привычным делом наблюдать, как «пиплы» с «Коуч-стрит» колуются прямо на тротуаре или на крыше припаркованной машины...

Сотни торговцев наркотиками выстраивались на протяжении трех кварталов, продавая свою отраву портлендской молодежи. Тем летом многие ребята повзрослели слишком быстро. Некоторые не увидели следующего года.

МОЙ ПЕРВЫЙ «БОГ»

В марте 1985, отягощенный привычкой к наркотикам, на которые уходило 100 долларов в день, я впервые обратился за помощью.

Это был центр помощи «старой школы». Его содержала экс-проститутка и наркоманка из Нью-Йорка. Находился он на побережье Оригона. Моим консультантом стал здоровый итальянский детина, которого выгнали из «Hell's Angels» за излишний радикализм. Он ждал смертного приговора за многочисленные убийства, когда вдруг обнаружилось, что у него аневризма, сводившая его с ума. За десять лет примерного поведения и трезвости он был прощен и освобожден. Теперь он помогал другим в этом центре помощи наркоманам. Тут состоялось мое первое знакомство с «благодатью». Я не смог поверить в

«божественный предмет», на котором основана программа «двенадцать ступеней», поэтому он дал мне булыжник со своего стола, сказав мне, что это был его первый «бог». Я должен был носить его с собой и использовать как свою «высшую силу», то есть поклоняться ему как богу.

Покинув центр, я переехал на побережье и взялся за столярное дело и серфинг. Тем не менее, отсутствие «личного» Бога вело к подавляющей пустоте, и уже к концу лета я оказался вновь на игле. В конце следующего года я опять достиг потребления наркотиков на 100 долларов в день, однако же умудрился получить ссуду на открытие магазина инвентаря для скейтбординга в Портленде. Когда-то это была моя мечта, но я сам быстро разрушил ее, часто залезая в кассу магазина. Я предоставил заниматься бизнесом своему партнеру и снова обратился за помощью. Магазин скейтборда имел громадный успех (я тут не причем) и стал главной «стрелкой» в северо-западном Портленде.

Несмотря на то, что я умудрялся не колоться уже восемь месяцев, все же я активно противился этой самой «высшей силе». Я жил в реабилитационном центре между двумя городами и продирился через ежедневные анализы мочи и консультации. Когда я, наконец, скатился обратно, все произошло очень быстро. Игла торчала в моей руке до того, как я понял, что происходит.

ГЕРОИН — МОЯ ЖИЗНЬ

Жизнь моя была клевой, но ее невозможно было отделить от наркоты. Я колотся несколько месяцев, и к этому времени моя «выносливость» стала огромна. Я мог использовать наркотиков на несколько сотен долларов в день и при этом ходить «по струнке», так что никто ничего не замечал. В конце концов, когда здоровье стало отказывать, мой бизнес-партнер меня оставил. Он сказал, что любит меня, но не хочет смотреть, как я себя убиваю. Он был моим лучшим другом, и его уход был сильным потрясением.

Ребята, работавшие в магазине, уважали меня, но понимали, что я всегда буду колоться, и что героин — это моя жизнь...

Через три месяца я стащил 30 000 долларов со счета магазина, и он, в конце концов, обанкротился. Я продал его, покрыв долги, и остался без гроша в кармане. Без денег и на игле я оказался в тяжелой ситуации.

Я начал заправляться кристаллическим метадонном, чтобы побороть привычку к наркотикам, и кончил тем, что заразился стафилококком. Я был похож на прокаженного: весь в язвах и струпьях. Я прятался в доме друга и пытался «завязать». Только «подсевший» на героине знает страшную боль, через которую приходится проходить. Судороги, тошнота и рвота — кошмар, который называется «ломка». В таком состоянии, я смог заснуть лишь на одиннадцатую ночь.

РЫВОК К ФИНИШУ

Три недели спустя я вернулся в мир, и, увидев, что большинство моих друзей отказалось от меня, решил отправиться в маленький город, где я родился.

Моя семья всегда старалась мне помочь, принимая мою наркотическую зависимость как данность. Я прожил в их доме шесть месяцев, пытаюсь просто «лечь на дно». Тем не менее, в этом затертом городишке, в центре восточно-вашигтонской «пустыни», я повстречал несколько фермеров-иммигрантов с мексиканской «чивой» — лучшей из всего, что я до этого пробовал.

В течение нескольких дней я «сорвался» так, что даже украл кредитные карточки матери, чтобы достать больше героина. Я решил вернуться в город и «рвануть к финишу». В Портленде я снова скорешился со старым другом-наркодилером и с одним бывшим «скинхэдом»¹, с которым вместе был на излечении.

Этот «скин» поклонялся дьяволу как богу и был самым шизовым психом из всех, кого я знал. Я продавал на улице наркоту, принадлежавшую торговцу, таская пакетики с героином во рту. Если бы «копы» попытались меня «захомутать», я бы проглотил их, чтобы вернуть наркоту, когда пойду в туалет. Однажды трое «мучачос» подошли из-за угла и приставили к моей шее большой мексиканский нож. Они пригрозили убить меня, если я не выплуну товар. Я не был вполне готов умереть и повиновался. Торговец был так расстроен потерей товара на сотни долларов, что оставил меня без допинга.

Мой дружок-скин «бомбил» квартиры и имел неплохие связи со скупщиками краденых побрякушек. В следующие четыре месяца мы с ним перетряхнули 20–30 домов, переплавляя золото и серебро, чтобы получить вожделенную «наличку». Чувство вины было тяжелым, но оно приглушалось нашими болезненными привычками. Одно время мы заправлялись на 500 долларов в день — лошадь можно убить! Я нарочно вводил все больше и больше, надеясь, что смогу, наконец, избавиться от страданий.

В конце концов, полиция застучала меня с поличным — они гонялись за нами уже несколько месяцев. Пока я ждал суда, меня посадили на метадоновую поддержку и освободили под залог. Я позвонил матери из телефона-автомата, сказав ей, что мне «светит» отправиться в окружную тюрьму, а, может, и в колонию года на два.

Один друг нашей семьи как раз заехал в гости (впервые за последние пять лет). Он утешил мать и рассказал ей о церковной общине на Аляске, которая могла бы мне помочь. Я не хотел ехать, но у меня не было выбора. Судья решил, что жизнь в общине можно квалифицировать как лечение и отпустил меня до суда.

Прикидывая, что нескоро теперь смогу «ширнуться», я начал колоться героином вдобавок к метадону. Это мощная и опасная смесь. Мой дружок-скинхед тоже сидел на метадоне, пытаюсь «завязать» с героином. Когда он узнал, что я опять стал колоться, он заехал мне «по фэйсу», разорвав губу до самого носа. Он сказал, что ему очень жаль, но я не оставил ему никакой надежды.

Он отвез меня в больницу и вернулся немного позже с большой дозой героина, которую мы и вкололи здесь же, в больничной палате.

После того, как мне зашили губу, я покинул больницу и стал паковать вещи. Подозревая, что я могу катапультироваться по дороге, мой отец приехал в Портленд, чтобы лететь со мной на Аляску. Я попросил 20 долларов. Он дал их мне сознательно, не спрашивая, зачем... Расправившись с последним пакетиком героина, я был странно спокоен. Слава Богу, у меня не было больше денег, а то бы я точно окоцурился от «передозы». Я покинул Портленд после того, как сжег все мосты...

«БОЛЬШОЙ ДОМ»

Вечерним рейсом мы прибыли в Анкоридж. Я все еще был «под балдой». Отрубился я в машине, по дороге в православную общину. Мне дали комнату в «Большом доме». Раньше в нем был католический женский монастырь, а теперь он стал центром православной общины.

На следующий день два священника пришли к нам с отцом и предложили позавтракать вместе. Молодой священник был очень приветлив. Он совсем не испытывал отвращения к человеческой развалине, сидевшей перед ним. Старший священник был главой общины — очень необычный человек. Во время разговора за завтраком меня стало мутить. В последний раз я проходил через этот кошмар...

Настоятель задал мне много вопросов: «Почему ты здесь? Хотел ли ехать сюда? Верил ли когда-нибудь в Бога?» В основном участвовал в разговоре мой отец, потому что я был не в состоянии отвечать. В то утро я пошел к себе, думая, что мне действительно понравился тот человек. Он, и правда, не лаптем щи хлебал: всякое слово — в точку. Из всех знакомых мне христиан этот был первым, кто действительно казался живым.

После этого я шесть или семь дней не показывался из своей комнаты, исследуя адские глубины. Один, в незнакомом месте, я не мог утешиться даже звуками уличного шума. Тишина оглушала! Молодая леди спустилась ко мне и дала мне небольшой крест, чтоб помочь преодолеть «это». В конце концов, я уснул...

Когда я проснулся, жар, судороги и лихорадка прошли. Был солнечный осенний день... И я был жив! Я не был уверен, все ли припадки уже позади, или еще остался один, и мысль о самоубийстве мелькнула в моей голове.

ПЕРВАЯ МОЛИТВА

Люди, жившие в «Большом доме», заботились обо мне, кормили меня и составляли мне компанию. Я был поражен, насколько отзывчивы они были, а, между тем, они не пытались говорить со мной о Боге или обращаться ко мне. Было решено, что три месяца, которые я пробуду здесь, я буду работать с владельцем этой земли, так как он был еще и начальником «Большого дома». Это был отзывчивый человек и работал усерднее всех, кого я знал когда-либо. В конце первого рабочего дня я устал, и в моей голове зашевелились планы. Я звякнул своему дилеру

¹ Бритоголовый — Прим. Ред.

в Портленд, и он согласился переслать мне авиапочтой немного наркоты. Это должно было занять два дня...

Следующим вечером все обитатели дома ушли на хоккей. Я был один в гостиной «Большого дома» и разглядывал красоты Аляски. Я был спокоен и безмятежен, и все же «ломка» не оставляла меня в покое. Я поискал выпивки, но ничего не нашел. Все в доме — иконы Христа и Его святых взирали на меня. Я чувствовал себя так, как будто за мной следят...

Вдруг тяжелая волна страха нахлынула на меня. Как будто страх, не пережитый мной за десять лет, вернулся ко мне весь сразу. Я почувствовал себя маленьким, уязвимым и совершенно парализованным. Никого не было рядом, а время шло к полуночи. Я позвонил матери и поднял ее с кровати. Я плакал и говорил ей, что хочу умереть. Она стала меня утешать, уговаривая встать на колени и помолиться вместе с ней. Я бросил трубку, выбежал из дома и пошел в церковь. Я встал на колени и обратился к Богу со словами: «Если Ты здесь, избавь меня от боли и страха». Страх исчез так же внезапно, как и появился. Ощущение мира наполнило меня, и я лежал на церковном полу долгое время.

Потом я вышел из церкви. Я стоял на веранде и смотрел на красоту Дома Христова. С тех пор, как я был сокрушен и повержен, это был единственный момент, когда Бог мог прийти ко мне, и я послушался бы Его. Я начал рыдать, и впервые в жизни поблагодарил Бога за то, что Он так любит меня...

ОГРОМНАЯ ПТИЦА

За несколько месяцев до этого моя мать видела сон, в котором птица с крыльями размахом в сотню футов пролетела над ней и моей сестрой. Они были на поле. Сначала птица угрожала им, а потом склонилась над ними, защищая их своими крыльями. Потом эта птица сказала матери, что со мной все будет хорошо.

Несколько месяцев спустя против меня были выдвинуты дополнительные обвинения в квартирных кражах, и я вернулся в Портленд, чтобы отправиться в окружную тюрьму. Я и раньше бывал на суде неоднократно, но теперь я был христианином, а не бедолагой-наркоманом.

Страх постоянно подстерегал меня, но и Бог был всегда рядом. Меня искушали наркотиками, но я не поддавался. Мои сокамерники высмеивали меня, вырывая страницы из Библии и делая из них «самокрутки». Поддержка извне была потрясающей: ежедневные письма и посещения православных священников. И внутри я все время чувствовал присутствие Спасителя. Новые обвинения означали два пятилетних срока в исправительной колонии.

Войдя в «судейскую», я увидел священников в черных рясах. Их просьба отпустить меня в Церковь на Аляске увенчалась успехом. Мне дали пять лет исправительного срока (условно) и 28 000 реституции (возмещение убытков). Если бы я вновь сорвался, то получил бы все десять лет сполна. Я возблагодарил Бога за Его великие и богатые милости.

СПАСИТЕЛЬНОЕ ПОГРУЖЕНИЕ

Перед Пасхой 1989 года, в канун Великой Субботы, я был принят в Православную Церковь. В таинстве Крещения я был очищен от всех грехов моей прежней жизни. Радость, которую я всегда старался убить, теперь стала совершенной...

За годы, прошедшие с тех пор, я ни разу не прикоснулся к наркотикам.

Это стало возможным не благодаря программе «двенадцать ступеней» и ухищрениям современной психологии, но благодаря погружению (насколько я был способен) в древнюю, неотмирную жизнь Православной Церкви.

«Рай воздвиг меня, когда я осознал его, он обогатил меня, когда я размышлял о нем. Я забыл свои жалкие именины, потому что он напоил меня своим благоуханием. Я как будто перестал быть самим собой, потому что он обогатил меня своей бесконечно разнообразной природой» (преподобный Ефрем Сирин). Только благодатью Господа нашего Иисуса Христа и Его неиссякаемой любовью ко всему роду человеческому я жив и по сей день.

Благодарю святых, чье заступничество ежедневно спасает наши жизни. Я был доставлен на Аляску 26 сентября — в день, когда Церковь вспоминает святого евангелиста Иоанна. В его честь освящена церковь, в которой я обратился к Богу. В православной традиции символом святого Иоанна является орел. Думаю, это и была та огромная птица, которая утешала мою мать. Шестое декабря — день памяти святого апостола Фомы — апостола, который не сразу уверовал в Воскресение Христа. Это день моего обращения, и зовут меня тоже Томас. Я чувствую особенную привязанность к этим святым, молитвы которых угодны Богу: к святому Иоанну, который имеет великую любовь к детям, и к святому Фоме, который сомневался, как и многие из нас. Эти древние святые — часть той преемственности «бунтарей», которая продолжается до сего дня. Это — настоящие «радикалы», жизни которых мы можем подражать, заполняя тот вакуум, который пожирает нас сегодня.

Мы можем последовать пути «иглы и ложки» и кончить как Джон Сандерс, умерший от передозировки на полу отеля в Новом Орлеане. Мы можем пойти тропой отчаяния, приведшей Курта Кобейна, который не смог справиться со славой и счастьем этого мира, к трагическому концу в Сиэтле. Или мы можем последовать путем Креста, освященным кровью мучеников и трудами подвижников...

Святые апостолы Иоанн и Фома, молитесь Бога о нас!

Томас¹

¹ «Through closed doors» // THE ORTHODOX WORD. Vol. 31, No. 4 (183), July-August, 1995, p. 190–199.

Слово на Пасху

ПРОПОВЕДЬ LXXI

Мы продолжаем публиковать русские переводы сочинений святителя Льва Великого папы Римского, на этот раз его первое Слово на Пасху. Два пасхальных слова завершают цикл великопостных поучений Святителя. Основная мысль первого Слова — показать значение нетления воскресшей человеческой плоти Спасителя для нас, которые, став новой тварью во Христе, должны в своей земной жизни положить начало своему нетлению через воздержание от похотей плоти. Слово первое построено по следующему плану. Во вступлении говорится о значении поста для приобщения кресту Христову и о необходимости новой жизни для Бога (1). Основная часть начинается указанием на милосердие Бога, проявившееся не только в Его уничтожении и смерти, но и в скором воскресении (2). Далее приводятся доказательства нераздельности божественной и человеческой природы Господа после воскресения (3) и полноты Его человеческой природы, которая не умалилась и не уничтожилась от того, что стала бесстрастной, бессмертной и нетленной (4). «Возвышение» человеческой природы Господа обязывает нас к решительному отказу от земных благ и следованию к благам вечным. Очень четко сформулировано отношение к плоти, которую нужно питать и греть, но похоти которой не должно исполнять (5). Проповедь завершается призывом покинуть скользкий путь ветхой жизни и встать на путь спасения и указанием на покаяние как основание будущего воскресения нашей плоти (6).

Пасхальные проповеди были переведены и опубликованы В. Задворным (История Римских пап. Т. I. М., 1995. СС. 294–308). К сожалению, этот перевод имеет целый ряд серьезных недостатков и ошибок. Данный перевод с латинского языка сделан в 2000 г. в Греко-Латинском кабинете при Московской Духовной Академии по изданию: Leon le Grand. *Sermons*. Т. 3. Paris, 1961. PP. 123–128 (Sources Chrétiennes 74)¹.

¹ Во французской серии воспроизведен соответствующий текст из латинской патрологии аббата Миня. См.: PL. 54, 385A–390A.

Миниатюра из Евангелистария XI в. Афон

1. Возлюбленные, в последней проповеди, насколько могу судить, я надлежащим образом убедил вас участвовать в кресте Христовом, чтобы сама жизнь верующих имела в себе пасхальное таинство и прославлялось нравами то, что почитается на празднике. А насколько это полезно, вы испытали сами и благодаря своему самопожертвованию узнали, какую пользу доставляют душе и телу продолжительные посты, частые молитвы и щедрые милостыни. В самом деле, нет, пожалуй, никого, кто не получил бы пользу от этого упражнения и не приобрел бы в глубине своей души нечто такое, о чем он по праву мог бы порадоваться. Но это достояние следует хранить с неусыпной строгостью, чтобы из-за ослабления наших

трудов ненависть диавола не похитила то, что даровала божественная благодать, и не привела к праздности.

Итак, поскольку через сорокадневное воздержание мы пожелали достичь того, чтобы хоть в какой-то мере во время страдания Господа ощутить Его крест, мы должны стремиться, чтобы нам оказаться также участниками и воскресения Христова и, еще находясь в этом теле, перейти от смерти к жизни. Ведь для каждого человека, который меняется и становится из одного другим, конец — не быть тем, кем он был, и начало — быть тем, кем он не был¹. Но важно, для кого человек умрет и для кого будет жить, ведь есть смерть, ведущая к жизни, и есть жизнь, ведущая к смерти. И не где-то, а в этом преходящем веке можно обрести и то, и другое; и от того, как мы поступаем во времени, зависит различие вечных воздаяний. Итак, нужно умереть для диавола, а жить для Бога; нужно устраниваться от несправедливости, чтобы встать для правды. Пусть падет ветхое, чтобы появилось новое. И поскольку, как говорит Истина, *никтоже может двема господином работати*², да будет не тот господином, кто подтолкнул стоящих к падению, но Тот, Кто воздвиг повергнутых для славы.

2. Итак, Апостол говорит: *Первый человек от земли земной, второй человек с небесе небесный. Яков земной, таковы и земные; и яков небесный, таковы и небесни. И якоже облекохся во образ земного, да облечемся и во образ небесного*³. И мы должны безгранично радоваться этой перемене: благодаря ей мы переходим от земной незнатности к небесному достоинству по неизреченному милосердию Того, Кто, чтобы даровать нам Свое, нисшел до нашего, восприняв не только сущность, но также состояние⁴ согрешившей природы, когда допустила божественная бесстрастность, чтобы в нее было привнесено то, что горестно испытывает человеческая смертность. По Своему милосердию, чтобы долгая скорбь не терзала смятенные души учеников, Он сократил со столь удивительной быстротой объявленный трехдневный промежуток, что благодаря прибавлению к целому второму дню последней части первого и первой части третьего, Он и уменьшил срок на некоторое время, и число дней не убавилось. Итак, воскресение Спасителя долго не задержало ни душу в аду, ни плоть во гробе; и оживление нетленной плоти произошло столь быстро, что там было скорее подобие сна, нежели смерти, ведь Божество, Которое не отступило от души и тела⁵ воспринятого Им человека, могуществом соединило тем же могуществом разделенное.

3. Для утверждения авторитета веры, которую надлежало проповедать по всей вселенной, последовали многие доказательства: камень был отвален, гробница опустела, пелены отложены, и ангелы, объявив обо всем

происшедшем, красноречиво подтвердили истину воскресения Господа. И Сам Он являлся взору жен и неоднократно открывался очам апостолов — не только говорил с ними, но также жил и вкушал пищу, и позволял почтительно и заботливо прикасаться к Себе тем, кого охватило сомнение⁶. Ведь для того Он входил к ученикам через закрытые двери и Своим дуновением посылал им Святого Духа, и, просветив их разум, открывал для них таинственные смыслы Священного Писания, и показывал еще Свое прободенное ребро, раны от гвоздей, и все знаки недавнего страдания, чтобы все признали, что в Нем особенности божественной и человеческой природы остаются нераздельными, и мы, зная, что Слово не есть то, что плоть, исповедовали бы, что Единый Сын Божий есть и Слово, и плоть⁷.

⁴ Святитель Лев для описания полноты воспринятой Богом Словом человеческой природы использует термин «состояние» (*conditio*), которое в отличие от сущности (*essentia*) стало характерно для «ветхого человека» (ср. Послание 15; PL. 54, 685), и в этом смысле стало принадлежать согрешившей природе. Но при этом в этом «состоянии» не было ничего греховного. Для более точного понимания воззрений святителя Льва приведем отрывок из известного Послания к Флавиану, архиепископу Константинопольскому, о воплощении Бога Слова: «Следовательно, при сохранении особенностей обеих природ и сущностей, соединяющихся в одну Личность, величие принимает на себя смирение, сила — слабость, вечное — смертность: и для уплаты долга нашего состояния (*conditionis postrae*) неуязвимая природа соединилась с природой, подверженной страданиям, чтобы, как и было необходимо для нашего исцеления, один и тот же Посредник между Богом и людьми мог умереть по одной природе и воскреснуть по другой. Итак, в нетронутой и совершенной природе истинного человека родился истинный Бог, в полноте Своих свойств, в полноте наших. А нашим мы называем то, что в нас от начала сотворил (*condidit*) Бог, и то, что Он принял на себя для исправления. Но то, что привнес обманщик и обманутый человек допустил, не имело в Спасителе никакого следа. Ведь из-за Своего снисхождения вплоть до принятия наших немощей Он не стал участником наших грехов...» (См.: Послание 28, 3; PL. 54, 763 АВ. Ср. Слово 21, 2 *На Рождество*, русский перевод которого опубликован в журнале «Встреча» 1 (2000). С. 5).

⁵ В оригинальном тексте: *ab utraque substantia* — от обеих сущностей. Из контекста видно, что речь идет о душе и теле.

⁶ См.: Лк. 24, 39: (Иисус сказал им): *Посмотрите на руки Мои и на ноги Мои; это Я сам; осяжите Меня и рассмотрите...*

⁷ Большая часть третьего раздела дословно воспроизводится в послании к архиепископу Константинопольскому Флавиану (См.: Послание 28, 5; PL. 54, 773 АВ). Полемический характер этого послания, направленного против заблуждений Евтихия, позволяет понять общий контекст Пасхального слова. Известно, что Евтихий учил о том, что после воплощения во Христе присутствует одна природа. По точному замечанию святителя Льва, он «не признавал нашу природу в Единородном Сыне Божием ни в служении смертности, ни в славе воскресения» (PL. 54, 773 В). Поводом к стремлению защитить человечество Христа могли послужить также воззрения манихеев, которые считали человеческое тело злом, и учили о том, что Христос был только духом, но не имел плоти. Ср. у Блаженного Августина аналогичное место, направленное против манихеев: «(Христос) был Словом, был и плотью. Ты (имеется в виду манихей) говоришь: «Только человеческий дух». Я отвечаю: «Слово, дух, тело; Бог и человек»» (Слово 237, 2; PG. 38, 1123).

¹ Святитель Лев использует то же рассуждение, что и Блаженный Августин, который в одном из своих пасхальных слов писал: «(Иисус Христос) был распят, чтобы показать на кресте смерть нашего ветхого человека, и воскрес, чтобы в Своей жизни показать новизну нашей жизни» (Слово 231, 2; PL. 38, 1105).

² Мф. 6, 24.

³ 1 Кор. 15, 47–49.

4. Не отступает, возлюбленные, от этой веры учитель народов апостол Павел, когда говорит: *Аще же и разумехом по плоти Христа, но ныне ктому не разумеем.* Дело в том, что воскресение Господа не упразднило плоть, но изменило, и человеческая сущность не была истреблена увеличением силы. Свойство перешло, природа не умалилась: тело, претерпевшее распятие, стало бесстрастным; претерпевшее смерть стало бессмертным; претерпевшее ранения стало нетленным. И поэтому справедливо Апостол говорит, что он не понимает плоть Христа в том состоянии, в каком она была ранее известна, потому что в ней не осталось ничего страстного, ничего слабого, так что это по сущности та же самая природа, но не та же самая по славе. Что же удивительного, если это высказывает о теле Христа говорящий о всех духовных христианах: *Тем же и мы отныне ни единого ве-мы по плоти?*¹ Отныне, говорит, для нас положено начало воскресения во Христе, когда образ всего нашего упования предуказан в Том, Кто умер за всех. Мы не колеблемся от сомнения, и не остаемся в нерешительности из-за ненадежности ожидания, но, получив начало обетования, уже различаем очами веры то, что относится к будущему; и, радуясь возвышению природы, уже обладаем тем, во что верим.

5. Поэтому пусть не занимает нас призрачность временного, и земное пусть не отвлекает к себе наше зрение от небесного. Пусть принимается за ушедшее то, чего по большей части уже нет; и ум, внимательный к тому, что останется, пусть направляет свое стремление туда, где видимое им является вечным. Ведь хотя мы спасемся надеждой² и носим еще тленную и смертную плоть, однако правильно сказано о нас, что мы не находимся в плоти, если в нас не властвуют плотские страсти; и заслуженно мы перестаем именоваться плотью, если ее пожеланиям мы не следуем. Итак, хотя Апостол говорит: *Плоти угодия не творите в похотях*³, мы понимаем, что нам не запрещено то, что необходимо для нашего здоровья и чего требует человеческая слабость. Но, так как не всем пожеланиям должно служить и не все вожеления плоти надо исполнять, нам следует понять, что Он призвал нас усвоить необходимую меру воздержания, чтобы плоти, находящейся под властью души, мы и не уступали в чрезмерном, и не отказывали в необходимом. Потому тот же

Апостол в другом месте сказал: *Никто же бо когда плоть свою возненавиде, но питает и греет ю*⁴. Без всяких сомнений, не для пороков и роскоши, а для должного служения нужно ее кормить и греть: чтобы обновленная природа сохраняла свой чин, и низшее дурно и постыдно не господствовало над высшим, и высшее не подчинялось бы низшему; и через пороки, побеждающие душу, не установилось бы рабство там, где должно быть господство.

6. Итак, народ Божий должен осознать, что он является *новой тварью*⁵ во Христе, и бодрствуя понять, Кем новая тварь воспринята и Кого она воспримет. Обновившееся да не возвращается к шаткой ветхости; да не оставляет своего дела взявшийся рукою за плуг, но да простирается к сеемому и не взирает на оставленное⁶. Никто да не впадает снова в то, откуда восстал, но хотя бы из-за плотской слабости донныне лежал в некоторых болезнях, пусть проявит твердую решимость исцелиться и подняться. Ведь таков путь спасения, и таково подражание воскресению, совершенному Христом, чтобы, так как на скользком пути этой жизни различные ошибки и падения не прекращаются, следы шествующих перенеслись от зыбкой почвы на твердую, ибо в Писании сказано: *От Господа стопы человеку исправляются, и путь его восхождет. Егда падет праведник, не разбится, яко Господь подкрепляет руку его*⁷.

Это размышление, возлюбленные, нужно иметь в виду не только ради пасхального торжества, но ради освящения всей жизни, и настоящее увещание должно побуждать к тому, чтобы то, что усладило душу верующих опытом краткого воздержания, превратилось в обыкновение, и сохранилось безукоризненным, а если вкрадется что греховное, то пусть будет уничтожено скорым покаанием. И поскольку исцеление старых недугов трудно и медленно, нужно прибегать к лекарствам немедленно после получения раны: чтобы, всегда восставая невредимо от всех согрешений, мы удостоились прийти к предстоящему недоступному тлению славному воскресению плоти во Христе Иисусе Господе нашем, Который живет и царствует с Отцом и Святым Духом во веки веков. Аминь.

⁴ Еф. 5, 29.

⁵ Ср.: 2 Кор. 5, 17: *Кто во Христе, тот новая тварь; древнее прошло, теперь все новое.*

⁶ Ср.: Фил. 3, 13: *Братия, я не почитаю себя достигшим; а только, забывая задняя и простираясь вперед.*

⁷ Пс. 36, 23.

¹ 2 Кор. 5, 16.

² Ср.: Рим. 8, 24: *Ибо мы спасены в надежде.*

³ Рим. 13, 14.

Знание Бога и знание о Боге

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ТРУДНОСТЯХ РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ В ДЕТСТВЕ И ЮНОСТИ

Знание Бога нужно отличать от знания о Боге. Первое есть непосредственное восприятие Бога внутренним чувством, второе есть достояние ума и памяти. О первом говорит Евангелие: *Сия же есть жизнь вечная, да знают Тебя, единого, истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа* (Ин. 17, 3). О том же говорит пророк Исаия: *Вол знает владельца своего, и осел ясли господина своего, а Израиль не знает Меня* (Ис. 1, 3). И самое слово «религия» означает не простое понятие о Боге, а живую связь между живыми существами — человеком и Богом.

Закон Божий, которому учат в школах, не имеет целью дать детям знание Бога (это знание он предполагает уже существующим); он дает детям только знание о Боге. А так как знание о Боге, как и всякое другое знание, усваивается только умом и памятью, то и изучение Закона Божия в школе обычно становится отвлеченным, внешним усвоением религиозных истин, не проникающим в глубину души.

Между тем, независимо от уроков Закона Божия, во мне, в моем раннем детстве, существовала религиозная жизнь. Я, как и всякий другой ребенок, познавал Бога не внешним опытом и не доводами разума, а непосредственно, внутренним восприятием, потому что я создан по образу и подобию Божию. Будучи подобен Богу, человек внутренне и непосредственно воспринимает Бога и познает Его. Это внутреннее восприятие Бога присуще всем людям. Если мы перестанем ощущать Бога в себе, то не потому, что мы к этому не способны, а потому, что чувство Бога заглушается в нас или заблуждениями нашего горделивого ума, или греховностью нашего испорченного сердца. Прийти к познанию Бога не значит найти Бога вне себя, как некоторый внешний предмет, или убедиться в Его существовании какими-то логическими доводами. Это значит каким-то таинственным образом дать возможность нашему внутреннему «я» увидеть Бога внутренним оком.

Отсюда ясно, что никаким умножением богословских знаний нельзя достигнуть познания Бога. Сильные богословской ученостью иудейские книжники не в состоянии

были усмотреть в Иисусе Христе Его Божественную силу, которую видели в Нем простые рыбаки, мытари и блудницы. И в наше время богословское, семинарское и академическое образование не обеспечивает религиозности. Если познание Бога достигается внутренним зрением сердца, то главный труд, главная задача религиозного влияния и воспитания заключается в том, чтобы суметь сохранить или пробудить в руководимом это зрение сердца, или, иначе сказать, произвести в его сердце такое изменение, чтобы открылись очи его к зрению Бога. Конечно, я отнюдь не хочу отрицать значения и важности богословского образования и обучения Закону Божию; я хочу только отметить, что знание Бога надо ясно отличать от знания о Боге и, сообщая детям последнее, не думать, что этим исчерпывается задача религиозного руководства. Знание о Боге, несомненно, необходимо, так как оно дает конкретное содержание нашему знанию Бога: оно уясняет нам наше понятие о Боге, отношение Бога к миру и мира к Богу. Детская душа, тем более возрожденная в Таинстве Крещения, обладает естественной способностью знать Бога. Это, вероятно, и имеет в виду Господь Иисус Христос, когда говорит: *Если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Не-*

бесное (Мф, 18, 3). Это свойство внутреннего, непосредственного зрения Бога некоторые люди сохраняют на всю жизнь. Таковы прежде всего святые. Не из внешнего опыта и не посредством рассуждений и логических заключений пришли они к познанию Бога. Они знали Бога так же непосредственно, как мы непосредственно воспринимаем свет и теплоту солнца. Библия не доказывает бытия Божия, святые не ищут доказательства бытия Божия. Ставить признание бытия Божия в зависимость от соображений нашего разума, постоянно колеблющихся и меняющихся в зависимости от проницательности нашего ума и от запаса наших знаний, — это значило бы обосновать несомненное сомнительным или рассматривать солнце при помощи тусклой свечи. Но не только святые, но и обыкновенные люди иногда в течение своей жизни сохраняют дар непосредственного, живого и несомненного восприятия бытия Божия, и это особенно свойственно людям простым и смиренным, свободным от соблазнов горделивого разума и нечистого сердца.

Почему одни люди до конца дней своих сохраняют в душе своей постоянную, непоколебимую веру, между тем как другие теряют ее, иногда теряют окончательно, а иногда с большим трудом и страданиями возвращаются к ней? В чем заключается причина этого явления? Мне кажется, это зависит от того, какое направление принимает внутренняя жизнь человека в его раннем детстве. Если человек инстинктивно или сознательно сумеет сохранить правильное отношение между собой и Богом, он не отпадет от веры; если собственное «я» займет в его душе неподобающее ему первенствующее и господствующее место, вера в душе его затмится. В раннем детском возрасте собственная личность обычно еще не становится на первом месте, не делается предметом поклонения. Почему и сказано: *Если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное* (Мф, 18, 3). С годами собственная личность все более и более возрастает в нас, становится центром нашего внимания и предметом нашего угождения.

И эта в себе самих сосредоточенная эгоистическая жизнь обычно идет по двум направлениям: по направлению чувственности, служения телу и по направлению гордости, узкому доверию и преклонению перед рассудком вообще, и перед своим собственным в частности... Обыкновенно бывает так, что то и другое направление не совмещаются в одном и том же человеке. У одних преобладают соблазны чувственности, а у других — соблазны рассудочности. Чувственность с возрастом переходит иногда в половую нездоровость, от которой бывают свободны натуры рассудочные и гордые.

Чувственность и гордость, как два вида служения собственной личности — это, как раз, те именно свойства, какие проявились, как мы знаем, в первородном грехе первозданных людей и воздвигли преграду между ними и Богом. То, что случилось с первозданными людьми, происходит и с нами. Нездоровое направление нашей внутренней жизни с детства, приводящее к развитию в нас или чувственности, или гордости, загрязняет чистоту нашего внутреннего, духовного, зрения, лишает нас возможности видеть Бога. Мы отходим от Бога, остаемся од-

ни в своей эгоистической жизни со всеми вытекающими отсюда последствиями. Таков процесс нашего отпадения от Бога. У тех же людей, которым удается сохранить правильное отношение с Богом, процесс развития эгоистических, чувственных и гордых расположений встречает преграду в памяти о Боге; они берегут в себе и чистоту сердца, и смирение ума; и тело, и ум у них вводятся в свои границы их религиозным сознанием и долгом. Они смотрят на все возникающее у них в душе как бы с некоторой высоты своего религиозного сознания, производят надлежащую оценку своим чувствам и стремлениям и не позволяют им овладевать собою бесконтрольно. При всех постигающих их соблазнах они не теряют основное религиозное направление их жизни. Таким образом, задача и трудность религиозного руководства заключаются в том, чтобы помочь ребенку, мальчику, юноше или девушке сохранить правильное соотношение между собой и Богом, не дать развиваться в себе соблазнам чувственности и гордости, которыми засоряется чистота внутреннего зрения.

Вспоминая свою молодость, я должен сознаться, что именно указанным мною внутренним процессом произошла во мне в 13–14-летнем возрасте утрата религиозности. Развивавшиеся во мне влечения чувственности и чрезмерное доверие к уму, гордость рассудочности мертвили мою душу. И не я один, многие из моих товарищей страдали тем же. Если бы около нас нашелся наблюдательный и опытный руководитель и заглянул в нашу душу, то, может быть, он нашел бы в ней что-нибудь хорошее, но, главным образом, он нашел бы в ней лень, лакомство, лживость, скрытность, самонадеянность, чрезмерную уверенность в своих силах и возможностях, критическое и скептическое отношение к чужим мнениям, склонность к поспешным и необдуманным решениям, упрямство и доверчивое отношение ко всяким отрицательным теориям и т. д. Не нашел бы он только в душе нашей память о Боге и рождаемой ею тишины и смирения. Такого руководителя у нас не было.

Говорят научите детей в обстоятельствах их повседневной жизни, домашней и школьной, замечать присутствие Бога, и вы поможете им сохранить веру. Это не совсем так. Верующие дети, несомненно, всегда видят в своей повседневной жизни присутствие Бога, но в том и горе, что это не мешает им в старшем возрасте потерять веру, и то, что в детстве своем они объясняли очевидным воздействием Бога, в юношеском возрасте уже представляется им в другом освещении, и свою детскую веру они начинают считать наивным заблуждением. Соображения, кажущиеся в детстве очень основательными и убедительными, взрослого человека перестают удовлетворять. Когда мне было 11–12 лет, я однажды никак не мог решить заданной нам трудной задачи. Я пробился над ней целый вечер напрасно. Ложась спать, я усердно помолился, чтобы Господь помог мне решить эту задачу. Ночью мне приснилось решение этой задачи, и утром, вскочив с постели, я с радостью записал его, и моя душа полна была глубокого благодарного чувства к Богу, в помощи Которого я не сомневался. Когда же мне исполнилось 17 лет, этот мой детский опыт ничуть не помешал

мне считать себя неверующим, я объяснял случившееся бессознательной работой отдохнувшего ума.

Этот случай показывает, что наши детские заключения об участии Бога в нашей жизни ничуть не обеспечивают нам сохранение веры в юности. Юности вообще свойственно относиться ко всему скептически, а в особенности к тому, что предлагается старшими как неоспоримая и обязательная для молодежи истина, или что было внушаемо им старшими в детстве.

Говорят, читайте детям Библию: Библия научит их знать Бога. Несомненно, конечно, что слово Божие, слышанное в детстве, оставляет свой след в душе и приносит плод в свое время. Однако, и в этом случае имеет значение не убедительность библейских истин для ума, а нечто иное, более глубокое, производимое словом Божиим изменение сердца. Если Библия остается только достоянием ума и памяти, она не поможет сохранению веры. Библейские рассказы, с полным доверием выслушанные и принятые в детстве, в юности, особенно под влиянием отрицательной научной критики и расхожих взглядов, уже вызывают недоверие и отрицание. Нужна глубокая и непоколебимая вера в Библию как в подлинное слово Божие, чтобы не утратить благоговейного отношения к ней, а такой веры, как мы знаем, не имеют иногда профессиональные богословы.

То же самое нужно сказать и о чтении Житий святых. Жития святых, конечно, могут воодушевлять подвигом христианской жизни, но для этого нужно, чтобы мы видели в святых не только героев давно минувших времен и исключительных обстоятельств, а наших вечных спутников, наставников и помощников в христианском подвиге, живых членов Святой Христовой Церкви, с которыми мы можем быть в постоянном общении и к которым мы можем обращаться с молитвами о помощи. Другими словами, память о святых только тогда приносит нам настоящую помощь, когда мы живем полною христианскою жизнью, живем в Церкви в нераздельном единении со святыми и когда святые не являются для нас только далеким историческим воспоминанием.

Все указанные способы религиозного влияния на молодежь страдают тем коренным недостатком, что они скользят по поверхности, обращаются преимущественно к рассудку и не соотносятся с внутренним состоянием детской души, уже начавшей разлагаться под влиянием греха. Чтобы оказать действительную, реальную помощь в религиозной жизни, необходимо вникнуть в этот внутренний, духовный процесс, происходящий в молодой душе и приводящий ее к духовному опустошению. Только ясно представляя себе этот процесс в каждом индивидуальном случае, можно увидеть выход из этого состояния. Главное же в этом процессе развитие греховного, замкнутого в себе расположения. С этим-то и надо бороться, а не обращаться только к уму с рассуждениями общего характера. Как утрата веры, так и возвращение к ней никогда не совершаются путем спокойного, теоретического, исключительно умственного процесса. И утрата веры, и возвращение к ней являются обычно тяжелой внутренней драмой, чрезвычайно мучительной, доводящей иногда до отчаяния, до желания смерти, и эта драма тя-

нется иногда многие годы. Излечить такое внутреннее состояние одними только разговорами и благочестивыми наставлениями или учеными лекциями невозможно. Необходимо болезненному процессу внутреннего разложения противопоставить иной, творческий процесс внутреннего оздоровления через воздействия на душу некоторой здоровой, положительной, творческой силы. Главнейшая забота религиозного воспитания должна заключаться в том, чтобы не в сознании только ребенка, не в памяти его и не в привычках, а в самой глубине духа его сохранилась связь с Богом. Эта внутренняя связь с Богом должна быть той твердыней, о которую должны разбиваться все соблазны чувственности и горделивого самообольщения. Помочь ребенку в этом деле может прежде всего благотворная среда живой религиозной веры и любви к Богу. Как свеча загорается от горящей свечи, так и в детской душе разгорается огонь веры и любви не от наставлений и не от правил, а от окружающего ее духа веры и любви.

Основанием правильного религиозного воспитания является стремление с самых ранних лет вложить в душу ребенка положительное христианское содержание, вложить не как нечто внешнее и временное, а как ответ на собственные глубочайшие запросы его духа. С этим положительным содержанием в душе ребенку легче будет преодолевать возникающие в нем темные, греховные влечения и соблазны. И все же мы должны признать, что лишь немногие счастливые и крепкие духом натуры успевают устоять на положительном христианском основании своего духа, большинство же молодежи переживают тяжелый и мучительный процесс отхода от Бога и последующего к Нему возвращения. В кратких словах я постараюсь изобразить этот процесс.

Возникающие в молодой душе и постепенно развивающиеся влечения чувственности и горделивого самообольщения в конце концов становятся господствующими элементами души. Молодая душа становится их послушным орудием. В этом послушном служении своим желаниям и страстям молодежь полагает даже свою свободу и горячо протестует против всякой попытки ограничения этой мнимой свободы.

Нельзя сказать, чтобы эти воздвигнувшиеся в молодых душах кумиры доставляли им действительное удовлетворение. Они носятся с ними, но покоя себе не находят. Страдают и тоскуют, ищут чего-то лучшего, более правдивого, чистого и прекрасного, откуда и возникает та жажда найти смысл и цель жизни, которая так присуща молодости. Отсюда вытекает страсть к посещению великих людей или к писанию им писем в надежде услышать от них спасающее, руководящее слово или готовый рецепт истинной жизни. Отсюда увлечение всевозможными учениями и теориями, обещающими всеобщее счастье и блаженство. Потеряв под собою религиозную почву своего раннего детства, молодежь употребляет все усилия утвердиться на какой-нибудь другой почве. Однако все эти прекрасные порывы и стремления большей частью не выходят за пределы мечтаний. Не хватает воли к реальному деланию добра, к преодолению чувственности, к отрешению от бесплодных умствований. В конце концов создается тяжелая внутренняя драма, неудовлет-

воренность, тоска, недовольство собою, желание смерти. Охваченные этим настроением, молодые люди погружаются в самих себя, забывают самых близких и родных людей, чувствуют глубокое одиночество. И в этом одиночестве они создают себе самые фантастические, нездоровые планы. Ни усиленная работа, ни шумное веселье не могут разогнать этого тяжелого состояния духа.

В этот период может последовать перелом в религиозной жизни. По прежнему пути идти уже некуда. Собственное внутреннее состояние представляется отвратительным, хотя юноша или девушка, может быть, еще не умеет назвать его греховным. Является желание найти подлинный, высокий, прекрасный и неумирающий смысл жизни, ибо жить, не найдя такого смысла, — значит владеть жалкое, бесцветное, бесцельное, скучное существование изо дня в день. В этот роковой момент перелома молодой жизни в душе вдруг каким-то загадочным и таинственным путем загорается некоторый свет, возникает некоторое свежее и радостное чувство, появляется некоторая надежда — жизнь не бессмыслица. Откуда берется эта уверенность, что жизнь не бессмыслица? Что такое жизнь? До сих пор молодая мысль склонялась к механическому мирозерцанию: жизнь есть совокупность атомов и сил и их непрерывное движение и взаимодействие; жизнь есть причинная цепь явлений, из совокупности которых составляется вся картина мирового, земного и человеческого, существования. И вдруг в этом огром-

ном, безграничном и бездушном механизме молодая душа начинает чувствовать присутствие чего-то живого, великого, разумного и прекрасного — присутствие Бога. Откуда это чувство? Многие обстоятельства могут этому содействовать, главное то, что надломилась вера в свою молодую непогрешимость, глубоко почувствовалась своя внутренняя несостоятельность. Не стало опоры в самом себе. Явилась потребность в иной, более сильной опоре.

Душа стоит на некотором распутье. Она находится в состоянии неустойчивого равновесия. Прежние влияния и влечения потеряли над ней свою власть. Новые силы в ней еще не определились. Каждый, самый незначительный толчок может иметь в этот момент чрезвычайное, решающее значение для всей жизни. Всплывшие из подсознательной области души сладостные религиозные переживания детства, неожиданно услышанный церковный звон, случайно попавшая в руки книга, встреча и разговор с глубоко верующим человеком, посещение монастыря, таинственная и молчаливая красота природы, яркий художественный образ и многое другое может содействовать тому, что подготовленный уже в душе перелом вдруг найдет свой исход. Проснется детская вера, ярко и сладостно, путеводной звездой загоревшись в душе. Жизнь получает вдруг смысл, является желание жить, работать во имя вспыхнувшего в душе идеала. Старое материалистическое мировоззрение оказалось несостоятельным. Новое религиозное мировоззрение согрело душу и осмыслило жизнь.

Таким образом, главной причиной утраты веры является нездоровое, греховное направление жизни, когда собственная личность с ее эгоистическими стремлениями выдвигается на первое место и заслоняет правильное отношение к Богу и людям. Начавшийся процесс греховной жизни и отчуждения от Бога не может быть остановлен никакими рассудочными способами, пока не дойдет до своего предела, пока молодому сознанию путем горького опыта не откроется ясно бессмысленность и невозможность жизни без Бога. Так было и с дохристианским человечеством.

Вспоминая свою собственную молодость, я нахожу в ней подтверждение, что таким именно путем, путем многолетней внутренней драмы происходило во мне возвращение к утраченному религиозному мировоззрению и идеалу. Пробудившееся в душе религиозное чувство сразу же по иному освещает мир и жизнь. Молодая душа начинает видеть красоту и величие мира, появляется вера в высший смысл и значение жизни, открывается сердце к восприятию Евангелия. Начинает тянуть в церковь, к богослужению, к исповеди, к причастию, хотя мысли нередко остаются еще еретическими. И когда в молодой душе после пережитого раньше хаоса начинают говорить эти новые чувства и потребности, тогда смело можно сказать, что эта душа уже спасена. Здесь начинается новый период жизни, когда, утвердившись на камне горьким опытом приобретенной, а не рассудочно усвоенной веры, человек начинает сознательно строить на этом основании свою жизнь.

ЧТО МНЕ ПОМОГЛО СТАТЬ ВЕРУЮЩИМ?

Понимая всю сокровенность данного вопроса, мы все же попытались всмотреться во внешние обстоятельства, приводящие человека к Богу. Каждый жизненный пример показывает, насколько разнообразно призывает Господь Своих чад на путь спасения. Это побуждает вновь и вновь прославлять премудрость и благодать Создателя, у Которого лишь одна забота — привести ко спасению каждого человека.

Несомненно, что и раньше, в силу обстоятельств, одни люди росли и укреплялись в добродетелях, как цветы под солнцем благодати Божией, а другие, отвергали ее, ранили свою душу грехами и страстями, но все равно возвращались к Творцу, очищаясь слезами и подвигами покаяния. Как же происходит духовное становление молодого человека в наши дни? Каким путем он обретает источник веры? Об этом мы попросили рассказать студентов Московских Духовных школ.

СДЕЛАЙ ШАГ К БОГУ, И ОН САМ ПРИДЕТ К ТЕБЕ

В детстве я не получил практически никакого религиозного воспитания, не могу припомнить ни одного случая серьезного разговора со мной взрослых на эту тему. Даже верующая бабушка не давала мне особых наставлений. Но, несмотря на это и на школьную атеистическую пропаганду, я, насколько себя помню, всегда верил в Бога, точнее, ощущал полную зависимость от Высшего Существа и чувствовал свою ответственность перед Ним за совершенные мною дурные поступки. Можно сказать, что чувство страха перед Богом сопровождало меня в

детстве постоянно, трудно даже объяснить почему.

До восемнадцатилетнего возраста я был в храме, наверное, всего один раз — в день крещения, когда мне не исполнилось еще и года. Второй раз меня привел в храм, как ни странно, совершенный мною неблагоприятный поступок. Я не находил себе места от беспокойства, меня буквально тянуло зайти в церковь и именно там попросить прощения у Бога. Таким был первый опыт покаяния. Навсегда запомнилось чувство особенного благоговения, охватившего меня тогда в храме. Я стоял перед Голгофой и мысленно просил прощения. Ощущая свое недостойнство, я осознавал в тот момент, что меня слышат и не отталкивают. Ушел я из храма с чувством мира и спокойствия на душе. Но буквально в тот же день начались искушения: я сошелся с «веселой» компанией, передо мной открылась перспектива окунуться с головой в «море удовольствий». Могло случиться так, что я не скоро бы вновь оказался в храме.

Но Господь судил иначе. Не зря говорят: «Сделай шаг к Богу, и Он Сам придет к тебе». Не прошло и трех недель, как товарищ по учебе, который ничего не знал о посеще-

нии мною храма, предложил мне познакомиться с интересным человеком. От нечего делать я согласился и очутился в воскресной школе. Один единственный разговор перевернул всю мою жизнь. Я вдруг трезво осознал, что мне дается возможность выбора. Особых колебаний во мне не возникало: через две недели я принес исповедь за всю свою жизнь и причастился. Если бы начал затягивать с исповедью, все в моей жизни могло бы сложиться по-другому. Часто приходилось впоследствии видеть как человек, который долго не решался придти на исповедь, вовсе удалялся от церкви.

Иван

ОТКРОЙ МНЕ, КАК К ТЕБЕ ПРИБЛИЗИТЬСЯ!

Какова цель человеческой жизни? Этот вопрос мучил меня с каждым днем все сильнее и сильнее, потому что я видел, что жизнь «мира сего» лишена всякого смысла. Но никто из окружающих меня людей не мог дать на него вразумительного ответа. Может, покончить с собой? Тогда и страдания прекратятся. Стоп! А где гарантия того, что после смерти тела я кану в Лету?

Я начал знакомиться с различными религиями. С пренебрежением отвернувшись от ислама, иудаизма и западного христианства, как направленных на устройство жизни в материальном мире, я обратил взор к «духовным» культам Востока. Обсуждая с друзьями, такими же ищущими, как и я, положения разных концепций, я везде изыскивал внутренние противоречия. Слава Богу, что коммунистический режим научил меня ничему не верить, а то бы меня давно уже охмурили адепты каких-нибудь сект.

Но где же Истина? От безысходности религиозных поисков я рискнул провести «эксперимент»: первый раз обратился с просьбой к Всевышнему: «Открой мне, как к Тебе приблизиться!», — полагая, что подлинное бытие может быть только вблизи Бога. Вскоре мне в руки попало Евангелие, на страницах которого я увидел четкое изложение жизненных принципов, о которых давно уже рассуждал с друзьями, и в соответствии с которыми пытался выстраивать свою жизнь.

После знакомства с православной литературой, начавшей идти ко мне в руки обильным потоком, я встал на распутье, куда идти: в nirvanу или к Богу? А какой смысл в латентном существовании, в бытии на грани небытия? И я выбрал шествие ко Господу, дающему полноту бытия. Долго я изыскивал в Православии внутренние противоречия. Усердно искал. Но тщетно.

Игорь

**КТО СКАЗАЛ,
ЧТО МЫ НЕ МОЖЕМ СТАТЬ ЧИЩЕ?**

К купели крещения меня привела бабушка только перед армией, хотя и собиралась сделать это раньше. Серьезной веры я, пожалуй, тогда не имел. Душевное состояние мое было довольно зыбким — между легким безразличием, любопытством и воспоминанием чего-то далекого. До этого, помню, мое внимание часто привлекали к себе иконы, висевшие в бабушкином деревенском доме, куда мы приезжали на лето.

Родители мои религиозностью не отличались. Ленин, партия и комсомол стороной тогда никого не обходили: «Нас крестили звездой, нас растили в режиме нуля» (Константин Кинчев). Впрочем, фанатичного неприятия веры не было. Мама по завету бабушки, который был очень верующим, «Бога в душе хранила».

Лично меня от всех общественно-политических штампов бессознательно всегда воротило. Даже в детском саду, когда воспитатели делали родителям комплименты вроде: «Ваш сын похож на маленького Володю Ульянова как на октябрятском значке», мне было крайне

досадно, потому что я, даже не зная, кто это такой, ни за что не хотел быть на него похожим. Совсем другие вопросы волновали меня в то время. «Зачем, — думал я об иконах, — они висят высоко в углу? Кто этот таинственный дедушка, оказавшийся впоследствии преподобным Серафимом Саровским?»

Позже многому меня научила русская литература, подтолкнувшая к размышлениям о смысле жизни. И не последнюю роль в моем пути к вере, хотя это может кому-то показаться странным, сыграло творчество Константина Кинчева, Бориса Гребенщикова, Александра Башлачева. «Кто сказал, что мы не можем стать чище?» (Борис Гребенщиков). Помогло именно своей честностью.

Вячеслав

ЕВАНГЕЛИЕ И ДЕД МОРОЗ

Мой путь к Православию — от рождения до второго рождения в крещении — длился чуть более восемнадцати лет. Самым важным рубежом на этом пути стало, несомненно, первое прочтение Евангелия в четырнадцатилетнем возрасте. Ожидая встретить «наивные детские сказочки», как говорили в школе, я был ошеломлен той взрослой серьезностью и простотой, которыми наполнено каждое слово этой книги. Евангелие поставило меня перед ликом Христа, и я ясно осознал, что должен выбрать: или любить Его, или хулить; или следовать за Ним, или отречься. Но не любить Его (по-своему, по-детски) я уже не мог... И хотя предстояли еще долгие годы исканий и заблуждений, охлаждения и излишней ревности, основной выбор был сделан.

Однако, размышляя над происшедшим в моей жизни переворотом, нельзя пренебречь предшествовавшими событиями. Для восприятия Благостия человеку необходимо иметь веру — веру, как способность верить, доверять. Считается, что ее имеет каждый ребенок, так как он постигает мир именно верой. Но по разным причинам она зачастую принимает уродливые формы суеверий, либо вовсе подавляется «лжеименным» разумом, то есть горделивым «всезнайством».

Что касается моего детства, то, несмотря на обычные для того времени нецерковный быт и безбожное образование, у меня всегда было развито чувство неведомого духовного мира, вера в существование иной реальности. И главную роль в этом сыграл... Дед Мороз. С первых лет жизни моя старшая сестра и родители устраивали для меня всякий раз особенные новогодние сюрпризы с таинственным появлением подарков. Я так свято верил в этого невидимого доброго «Дедушку», который помнит обо мне, знает мои желания и при некоторых условиях исполняет их, что даже в десятилетнем возрасте убежденно доказывал другу-реалисту бытие Деда Мороза и истинность его чудес. Кому-то это может показаться наивным, но я убежден, что эта детская вера в значительной степени подготовила почву моей души к принятию семян Слова Божия, что и произошло в свое время.

Александр

Будьте как пчелы

ВЫПУСКНИКИ 2000 ГОДА ДЕЛЯТСЯ ВОСПОМИНАНИЯМИ

— Вы являетесь выпускниками Московских Духовных школ. Окончание учебы — это важный рубеж в жизни любого человека, и он заставляет оглянуться, задуматься, подвести итоги. И прежде всего, позвольте спросить, зачем вы поступали в Духовные школы, оправдались ли ваши ожидания?

Шаповалов Игорь (IV курс Академии): За время обучения я встретил только одного студента, который считал, что Семинария ему нужна только как учебное заведение для расширения кругозора. Большинство, конечно же, готовится к принятию священного сана.

Когда я поступал в Семинарию, то уже имел о ней представление. И не могу сказать, что разочаровался. Конечно, здесь есть свои искушения. Было порой тяжело. И один батюшка, когда я ему жаловался, сказал мне: «Семинария не столько для того, чтобы учиться (по книжкам и так все можно прочитать), сколько для того, чтоб ваши «неровные углы» друг об друга обтесались...»

Диакон Виталий Антонов (4 курс Семинарии): До поступления я не имел вообще никакого представления о Семинарии. И Духовные школы, и их обитателей я видел в розовом цвете, поэтому, столкнувшись с реальной жизнью, с простыми людьми, а не небожителями, на первых порах я испытывал смущение. Но постепенно стал привыкать, все терпелось.

Большую пользу получаешь от общения с людьми, среди которых постоянно находишься. Начинаешь видеть и свои, и чужие недостатки и волей-неволей учишься терпеть другого человека. Например, хочешь отдохнуть, а тебе не дают — терпишь.

Яковлев Алексей (4 курс Семинарии): Со мной было немного иначе. После поступления у меня сложилось впечатление (и оно сохраняется до сих пор), что со всей России собрали самых лучших людей и поместили в одно место. Поступал я сюда после университета, зная, куда и для чего иду. И несколько не разочаровался. Напротив, я благодарен

Семинарии за то, что она научила не только терпеть, но и понимать других людей, что очень важно.

Зинченко Надежда (3 курс Регентской школы): Мы поступаем в Регентскую, прежде всего, для приобретения знаний и навыков церковного пения. Хотя многие из нас уже имеют музыкальное образование (школы, училища, консерватории), но каждый стремится к тому, чтобы его знания соответствовали церковному уровню. В связи с этим,

очень важно, что наша школа находится здесь, в Троице-Сергиевой Лавре.

И еще один момент мне хотелось бы отметить. В студенческой среде бытует мнение, что в Регентскую девушки поступают не для получения образования, а с целью выйти замуж, и ради этого терпят любые лишения. Это совершенно неверное предположение и, признаться, довольно глупое. Очень неприятно, что о нас так думают.

— Считаете ли вы, что полученное здесь образование будет достаточным для вашего дальнейшего служения?

Диакон Виталий Антонов: Насчет объема преподаваемых знаний я ничего сказать не могу. После первой же сессии у меня было немного унылое настроение, потому что, сдав экзамен, я через два дня все забыл. Впрочем, как отмечал отец Андрей Кураев, здесь приобретается важное умение — искать нужную информацию.

Шаповалов Игорь: Только столкнувшись с реальной жизнью, можно будет дать ответ на этот вопрос. Хотелось бы еще добавить слова отца Вячеслава Тулупова: «Почему в светском обществе Семинарию считают заведением, где учат всему и вся? У нас дают начатки знаний, которые вы можете развивать по очень многим отраслям». Поэтому я считаю, что здесь учат не только тому, как искать нужную книжку в библиотеке.

Воробьева Наталья (3 курс Регентской школы): Наши педагоги-профессионалы, имеющие многолетний опыт работы, по мнению многих учащихся, не успевают дать даже и половины того материала, который могли бы. Причина заключается в нехватке времени. Поэтому многие выпускницы собираются продолжить свое образование с репетиторами

или в вузах. Если бы мы учились не три года, а хотя бы на год больше, думаю, такой проблемы не существовало бы.

Яковлев Алексей: Старая русская пословица гласит: «С кем поведешься, от того и наберешься». Это перефраз Соломоновского: «Общающийся с мудрыми будет мудр, а общающийся с глупыми развратится». У нас замечательные преподаватели, которые не только хорошо преподают свой предмет, но будучи прекрасными людьми, незримо передают нам свой духовный опыт, частицу себя. Так происходит образование самого человека, его отношения к своему делу, его становление как личности.

— Как известно, путь учения не легок. С какими трудностями вы столкнулись при обучении в Духовных школах?

Бурега Владимир (4 курс Семинарии): Мы столкнулись здесь (думаю, со мной согласятся многие) с одинаковыми трудностями — частые послушания, жесткий режим дня, ранний подъем на службы... С первого класса нам говорили, что мы не студенты — а воспитанники, нас не учат — а воспитывают, так как наши нравственные качества должны соответствовать тому служению, к которому мы готовимся.

Это очень непривычно, поэтому наиболее тяжело переносится именно комплекс воспитательных мер. В принципе, это есть в любом закрытом учебном заведении, но поступающие в Семинарию часто бывают не готовы к такому подходу. «Розовые мечты» потихоньку рассеиваются, и порой нужен не один месяц или год, чтобы привыкнуть к довольно жестким условиям жизни.

Есть еще специфическая проблема для людей с высоким образованием. Это школьная система обучения, при которой на любом уроке тебя могут спросить. До Семинарии я закончил исторический факультет педагогического института. Оказавшись здесь, я с ужасом обнаружил, что в течении пяти лет обучения в вузе не учил даты, имена, события и даже забыл, что их надо запоминать. А здесь два раза в неделю тебя могут поднять на уроке истории и попросить написать, к примеру, годы правления московских митрополитов какого-либо исторического периода. Так что, приходится возвращаться к давно забытым методам обучения.

Леписк Даниил (IV курс Академии): После многих лет, спокойно проведенных в домашних условиях, было трудно привыкнуть к здешней обстановке: 40 человек в классе, невозможность скрыться и побыть одному. Слава Богу, мне еще не пришлось жить в спальне, в которой 25 человек...

Шановалов Игорь: Ты много потерял!

Даниил: Может, и много, но для меня это было бы уже слишком: в спальне — 25, в классе — 40, в столовой — 250! И так с утра до вечера!

Воробьева Наталья: Когда мы были первокурсницами, один из преподавателей ответил на наши жалобы: «Регентская — это школа жизни. Когда вы приедете на приход, вам все будет ни почем, потому что вы прошли и испытали очень многое. Вы будете готовы ко всему».

Впрочем, большая проблема для Регентской школы — это общежитие. Студентки первого курса согласно правилам практически все живут на квартирах, а когда переходят в общежитие, через полгода начинают заболеть. Вероятно, сказываются наши бытовые условия: помещение очень сырое, отапливается плохо. Многим из-за этого приходится снова снимать квартиры. Но у кого нет такой возможности, остается только терпеть и запастись, в лучшем случае, каплями от насморка.

Княжев Илья (3 курс Иконописной школы): Говоря о наших трудностях, хочется отметить, что духовная жизнь сама по себе очень сложна. И в иконописи, как в любом богоугодном деле, очень много искушений. Каждая икона заставляет прочувствовать все эти трудности, начиная с приготовления доски, рисунка.

Иногда просто не хватает времени, особенно на первых курсах, когда кроме специальных, нужно еще заниматься и богословскими предметами. И хотя эти дисциплины изучаются у нас в сокращенной форме, не как в Семинарии, все-таки хотелось бы больше времени уделять иконописи.

— Что вам больше всего запомнилось за годы учебы, с чем не хочется расставаться?

Шановалов Игорь: С кем трудно расставаться, так это с людьми. Сначала кажется, что все будут также общаться, переписываться, звонить, приезжать, но потом водоворот событий так захватит, что... Жалко, когда понимаешь, что с кем-то расстаешься на всю жизнь.

Княжев Илья: Из жизни иконописной школы мне особенно запомнились случаи, когда все учащиеся школы во главе с заведующим, игуменом Лукой, собирались вместе. Мы много ездили по святым местам, монастырям, музеям, служили молебны святым, которые связаны с иконописью, часто посещали могилку матушки Юлиании (Соколовой). Отец Лука старается объединить всех нас в одну семью.

Матюшенко Игорь (4 курс Семинарии): Это может показаться странным, но мне очень запомнилась работа в столовой. Мои дежурства попадали, как правило, или на праздники, или на воскресные дни, когда трапеза проходит одновременно в трех столовых — рабочей, семинарской и регентской. Всех нужно накормить, да еще чтобы было празднично! И работы было много, и интересных случаев.

На праздник Сретения, например, получилось так, что мне одному нужно было одновременно разливать ви-

но, раздавать апельсины и раскладывать конфеты... Слава Богу, что помощь вовремя прислали!

— *Может быть, вы тоже вспомните какие-нибудь забавные случаи из вашей жизни в Духовных школах?*

Шаповалов Игорь: Смешные ситуации часто случались из-за имен. Например, у многих студентов не раз происходил такой диалог с дежурным помощником Иваном Васильевичем:

- Василий Иванович!
- Как-как?!
- Ой, Иван Васильевич.
- Так-так...

Но со временем я настолько хорошо запомнил имена всей администрации, что однажды был просто ошеломлен, когда Михаил Степанович, подходя к Чаше, назвал свое имя: «Михаил». Я до конца Литургии стоял и думал: «Почему Михаил? Ведь он Михаил Степанович!»

Яковлев Алексей: Когда нашу спальню после отбоя проверял дежурный помощник отец Сергей Жиров, то всегда спрашивал:

- Так, братья, какая спальня?
- Пятая, батюшка.
- Так... А тут кто? — показывая на пустую койку.
- Костя Харитонов.
- Так... Где Костик?
- В Кремле на послушании.

И все это он записывал себе в блокнот. Однажды он пришел, а Костя Харитонов лежит на месте.

- Так... Где Костик?
- Тут Костик.
- Так, Костик... Почему не в Кремле?

Шаповалов Игорь: Вспомнился еще один курьез — на экзамене по Сравнительному богословию. Преподаватель: «Скажите, в чем отличие православного учения о посмертном воздаянии — адских муках и райском наслаждении — от католического учения о чистилище?» Студент: «Ну, православные сразу в рай идут, а у католиков еще чистилище...» Преподаватель: «Видимое преимущество! Остается загадкой, почему только они все в Православие не переходят?!»

— *Какие изменения, происшедшие во время вашей учебы в жизни Духовных школ, вы можете отметить?*

Княжев Илья: Когда я поступал, в Иконописной школе была четырехгодичная система обучения, а сейчас введена новая — три года плюс два. Кроме того, расширилась практика копирования икон в музеях Сергиева Посада, Москвы, Пскова и других городов.

Нас коснулась также новая система платного обучения. Если она и оправдывает себя в материальном отношении, то на учебу положительно повлиять, как мне кажется, вряд ли сможет. Все мы пришли сюда за знаниями, понимая, что мы больше нигде не получим таких навыков, как здесь, и каждый из нас все свои силы и так направлял на учебу.

Шаповалов Игорь: По-моему, наши Духовные школы очень сильно демократизировались. Такой демократии, как сейчас, когда я поступал, не было.

Что касается учебы, то были введены новые предметы, например, риторика.

На заготовке капусты

Яковлев Алексей: В четвертых классах Семинарии был введен новый предмет — педагогика, благодаря которому все семинаристы провели урок в школе. Теперь у каждого выпускника есть некоторый опыт общения со школьной аудиторией, так что после принятия священного сана преподавать будет уже не так страшно.

— *Что бы вы хотели пожелать тем, кто еще продолжает учиться или только собирается поступать сюда?*

Шаповалов Игорь: Храните традиции! Не спешите изменить существующие здесь порядки. Учитесь терпеть. Будьте ответственны друг за друга.

Хотелось бы также пожелать, чтобы Школы не обмирщались. Да, главное — внутреннее содержание, но внешние рамки тоже должны соблюдаться.

Леписк Даниил: Когда я поступал, меня поселили в Северную стену, в комнату, которую называют «трамвай», так как она очень длинная и разделена шкафами на отсеки по четыре койки. Меня поразило тогда, что в соседнем «купе» кто-то слушал «Европу-плюс» и еще какие-то музыкальные радиoproграммы.

Хочется пожелать, чтобы у студентов Духовных школ на первом месте были не развлечения, а другие ценности, из-за которых, собственно, они сюда и поступали.

Яковлев Алексей: Пейте чай по вечерам. Общайтесь.

Воробьева Наталья: Цените труд преподавателей. Берегите друг друга. Пожелание учащимся Регентской школы: с первых дней изучайте нотную библиотеку — такое богатое сокровище вы вряд ли найдете где-то еще.

Матюшенко Игорь: Покидая стены Лавры, стены Духовных школ, где мы неоднократно чувствовали помощь Преподобного Сергия, опеку со стороны инспекции, участие со стороны друзей, хочется пожелать: цените и собирайте все лучшее, что здесь есть. Накапливайте опыт, чтобы со временем применить его в жизни. Вспоминая слова святителя Василия Великого, можно сказать так: «Будьте как пчелы, собирающие все самое лучшее!»

*Материал подготовил Александр Войтенко,
4 курс МДС*

История одного отчисления

СЕМИНАРСКАЯ БЫЛЬ ВРЕМЕН «ХРУЩЕВСКОЙ ОТТЕПЕЛИ»

«Хрущевская оттепель» — так с легкой руки шести-десятников стали называть период отечественной истории, начавшийся после шокирующей критики культа личности на XX съезде КПСС в 1956 году и продлившийся до снятия Н.С.Хрущева на Покров 1964 года со всех руководящих постов. Действительно, в то время ветерок либерализма подул в обществе, что особенно порадовало демократически настроенную интеллигенцию. Повесенному зазвучала бумажная капель журналистов, наперегонки спешивших откреститься от мрачной зимы сталинизма. Открылись ворота тюрем, и вместе с их невинными узниками на свободу вывалились тысячи законченных уголовников.

Хрущева называли «последним революционным романтиком». Несмотря на то, что это был очень расчетливый и прагматичный человек, он искренно верил в возможность скорейшего построения коммунизма в отдельно взятом государстве и обещал своему поколению райскую жизнь в этом утопическом обществе. Никаких альтернатив учению Маркса — Энгельса — Ленина он не собирался терпеть в своей стране. Поэтому дни религии, по его мнению, были сочтены. «В конце 80-х годов я покажу вам фотографию последнего попа», — самоуверенно обещал Никита Сергеевич. Но Бог судил иначе.

СОВЕТСКАЯ АГРОНОМИЯ ДУХОВЕНСТВА

Во все времена, благоприятные и не очень (в последнее, может, даже больше), Господь призывает на Свою ниву делателей. И никто — ни нероны, ни ленины, ни хрущевы — не помешают Ему стучать в горящие жаждой веры сердца, а тем — отверзать двери своей души навстречу Христу. Несмотря на несладкие условия сталинского времени, после возобновления деятельности Московских Духовных Школ в 1944 году, сотни писем ежегодно направлялись туда от желающих приобщиться к сокровищнице духовного образования, посвятить свою жизнь Церкви. Численность учащихся МДАиС непрерывно росла. В 1959 году училось наибольшее количество студентов за все послевоенное время: в МДА — 106 человек, в МДС — 169 человек. В дальнейшем их численность начинает сокращаться. Именно с 1959 года,

когда произошли кадровые перестановки в Совете по делам РПЦ («кэгэбэшника» Г.Г.Карпова сменил парт-аппаратчик В.А.Куроедов), начинается жесткое административное давление на духовные учебные заведения с целью не допустить в них молодежь. Наиболее талантливые, думающие и образованные кадры отсеивались. «С конца 1950-х годов начала осуществляться целенаправленная политика по качественному изменению состава духовенства»¹. Правительство поставило задачу: «селекционировать нового, советского попа» — неразвитого, забитого, во всем послушного властям.

Сформировалась невиданная ранее репрессивная машина, призванная не допустить образованное юношество в духовные школы. Работала она следующим образом. Молодой человек делал запрос в семинарию с целью узнать правила приема в нее. Руководство семинарии было обязано проинформировать своего уполномоченного о таких лицах. Уполномоченный в срочном порядке пересылал списки в центр, в Совет по делам РПЦ. Инспекторский отдел Совета, курировавший деятельность духовных школ, отправлял извещение об этом молодом человеке уполномоченному того региона, откуда поступал абитуриент. В нем говорилось, что такой-то (имярек) подал заявление о приеме в такую-то семинарию, далее следовало: «Информируя о вышеизложенном, прошу Вас принять через местные партийные и советские органы соответствующие меры по предотвращению поступления его в семинарию. Кроме того, сообщите (если располагаете) о наличии компрометирующих материа-

¹ М.В.Шкаровский. РПЦ при Сталине и Хрущеве. М. 1999, стр. 378.

лов, которые могли бы послужить препятствием к зачислению его в это учебное заведение»¹.

На местах комсомольские и партийные организации немедленно начинали травлю такого юноши, советские органы не выдавали паспорт или не выписывали с места жительства, военкоматы не снимали с воинского учета. Работники КГБ вызывали желающего учиться к себе, отговаривали от поступления, угрожали, запугивали. В октябре 1962 года Совет с удовлетворением рапортовал в ЦК КПСС, что из 560 юношей, подавших в 1961–1962 гг. заявления о приеме в семинарии, 490 в результате «индивидуальной работы» их забрали².

Но если, преодолев все преграды, абитуриент все-таки поступал в семинарию, это не означало, что мытарства окончены. Органы могли достать его и здесь. Непоравившегося студента власти могли не прописывать по месту учебы, требовать от ректора семинарии его отчисления, публиковать в прессе клеветнические статьи. В результате всего этого количество духовных школ в СССР и число их учащихся резко сокращалось. Были закрыты Киевская, Саратовская, Ставропольская, Минская и Волынская Духовные Семинарии. Численность студентов дневных отделений всех семинарий и академий страны снизилась с 1280 человек в 1958 году до 652 в 1963 году. В МДАиС численность студентов с 1959 по 1961 год сократилась с 275 до 208 человек³.

Все это, конечно, цифры... Но за каждой из них стоит живая христианская душа, стремящаяся послужить Богу и Церкви. Скольких грамотных, пламенеющих верою пастырей лишилась наша Церковь, виной чему послужила хрущевская машина административных репрессий. «Смерть одного человека это трагедия, а смерть миллионов — это статистика». К сожалению, мы зачастую воспринимаем историю только как статистику, забывая, что за каждым событием стоит человеческая судьба.

Во время работы в Государственном Архиве Российской Федерации (ГАРФ) с документами Совета по делам Русской Православной Церкви среди моря цифр и отчетов нами были обнаружены материалы, которые контрастировали с другими документами Совета. Перед нашими глазами развернулась история одной жизни, похожая на роман. Мы обратились также к фондам архива МДАиС. Так родилась статья о семинаристе, который учился в самые тяжелые годы хрущевских гонений — с 1960 по 1964.

БРЯНСКИЕ ДЕБРИ

Мелетий Платонович Романенко, о котором пойдет рассказ, родился 18 февраля 1928 года в селе Кирилловка Климовского района Брянской области. В семье он был десятым ребенком. Отец, бедный сельский каменщик, схоронил сначала одну свою супругу, затем снова

женился, но и она умерла, оставив ему детей. Мать Мелетия была третьей женой Платона Романенко. Через восемь месяцев после рождения мальчика преставился отец. Положение несчастной женщины оказалось очень тяжелым — одна, без кормильца-супруга, с младенцем на руках, и уже не молодая — ей минуло 48 лет. У нее росли еще дети от первого мужа; именно среди них — братьев «другого рода» — и суждено было воспитываться Мелетию. Все заботы о детях легли на плечи матери.

С ранних лет, несмотря на тяжесть безотцовского детства в многодетной семье, у ребенка появляется тяга к учению. В 6 лет он идет в сельскую школу. Мать была верующая и сумела дать правильное христианское мироощущение своим детям, и мальчик узнал, что такое хорошо, и что такое плохо, не из стихов В. Маяковского. Это было время, когда молодежь страны Советов распевала: «Долой, долой монахов, долой, долой попов...», вождь «воинствующих безбожников» Емелька Ярославский, он же Миней Израилевич Губельман, был в фаворе. Тем не менее это не повлияло на духовное становление юного Романенко, с ранних лет он отличался мужественным характером и не скрывал свою веру. Уже тогда в нем зародилась мечта о духовном образовании.

Семилетнюю школу он закончил в год начала Великой Отечественной Войны. Брянская область и его родное село скоро оказались на оккупированной фашистами территории. Началось партизанское движение. Както раз партизанский отряд нанес ощутимый урон немецкому гарнизону. «Сверхчеловеки» решили выместить зло на мирном населении. Для этого была выбрана Кирилловка. Спустя несколько дней после партизанской акции каратели подожгли село. Беззащитных крестьян стали загонять в колхозную деревянную мельницу, когда здание наполнилось людьми до предела, крупорушку подожгли... Так погибли все родственники Мелетия.

«В тот тяжелый мартовский день 1942 года мы остались только с матерью-старушкой, которой в то время было 62 года, а мне 14 лет. Остались без куска хлеба и кровя над головой. Не описать всех трудностей, пережитых в те дни и годы — нищета и голод. И весь наш народ переносил тяготы и лишения, печаль и утрату дорогих и близких...»⁴

Война и послевоенная разруха не позволили жаждущему знаний юноше продолжить свое образование. Необходимо было просто выжить, прокормить мать, не умереть с голоду. До 1949 года работал в колхозе. Когда пришла пора служить в армии, то не на кого было оставить мать, и Мелетий женился на своей односельчанке. Из армии вернулся в 1953 году, мать дождалась его, но спустя месяц после его демобилизации оставила этот мир.

Мать и сын получали пастырское окормление у священника из соседней, Черниговской области. Батюшка давно приглядывался к толковому юноше и после армии даже предлагал ему подучить службу и принять сан, но тот отказался. «Я решил и мечтал издавна поступить и

¹ ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 312.

² М. В. Шарковский. РПЦ при Сталине и Хрущеве. М. 1999, стр. 376.

³ По документам ГАРФа. Ф. 6991, оп. 2, дд. 310–312.

⁴ Архив МДАиС. Из автобиографии.

*Ректор Московских Духовных школ,
протоиерей Константин Ружицкий*

окончить духовное училище»¹. Мелетий Платонович устраивается на маслозавод, оканчивает курсы сепараторщиков. На этом производстве он проработал до 1956 года, когда снова вернулся в колхоз разнорабочим. В 1954 году у него родился сын, а в 56-ом — дочь, но мечта о духовной школе осталась.

КУДА СТУПАЕШЬ ТЫ, МЕЛЕТИЙ РОМАНЕНКО?

В начале 1960 года наш герой пишет письмо в Московскую Духовную Семинарию с просьбой выслать правила приема. Начиналось оно так:

«С Новым годом. С торжеством Христовых праздников поздравляю весь сан и духовенство Вашей Семинарии!

Ректору Семинарии — духовному отцу...

Пресвятейшии отцы мои Русской Православной Церкви, прошу вас, с получением сего ответить на мое прошение...»

Окончание письма не менее торжественно: «Желаю добрых благ и хорошего здоровья всему обучающему священству и величайшему руководителю вашей Духовной Семинарии».

6 февраля канцелярия МДА высылает в Кирилловку запрошенные правила. Но неожиданно 8 апреля в Московские Духовные Школы приходит новое письмо от М.П. Романенко, в котором он просит вернуть его запрос, что и было исполнено. Причина, указанная в письме, — работа в государственном учреждении. Что же заставило молодого человека так быстро поменять решение?

Вероятно, то, с чем он столкнулся, как только заявил о желании учиться в Семинарии, настолько его шокировало, что толкнуло взрослого и мужественного человека на попятную.

В колхозе с его верой мирились до поры до времени, пока она не проявлялась открыто, не портила району показатели по борьбе с религией. Но желание учиться в Семинарии потерпеть не могли. Романенко вызывают во все инстанции, «ведется индивидуальная работа», сельсовет отказывается давать справку о семейном положении, школа — свидетельство об образовании.

Но не такой это был человек, чтобы отступить перед трудностями. 26 июня Мелетий вновь пишет письмо в канцелярию Семинарии, в котором объясняет, что вынужден был просить свой запрос обратно, но... «Несмотря на все мои переживания и невзгоды, по милости Божией, я продолжаю подготовку для сдачи экзаменов.

Подробности о случившемся описать не могу, кроме личных переговоров...»

Если бы знал Мелетий Платонович, что все его «переживания и невзгоды» только еще начинаются, кто знает, как бы он поступил тогда. Господь, зная нашу немощь, не открывает нам будущего, чтобы мы не впали в уныние и отчаяние.

За перепиской Мелетия с Семинарией внимательно следили. Своим новым письмом незадачливый абитуриент окончательно разозлил местные органы, которые полагали, что уже сломили его стремление к духовной школе.

Районная газета «Колхозный путь» помещает на своих страницах большую статью: «Тружеником быть на земле. Открытое письмо Мелетию Романенко». Писал якобы заслуженный пенсионер Агафон Дмитриевич Чеботарев из села Митьковки, прослышавший о странном желании советского колхозника учиться в Семинарии. «Допустим, ты станешь священником. Что ты оставишь после себя? Ты принесешь людям только вред: молитвами, религиозным дурманом будешь забивать головы людям, отвлекать их от созидательного труда. Неужели тебя прельщает такая роль в обществе? Я уверен, Мелетий, что твои родные и близкие, которых немцы заживо сожгли в крупорушке, не одобрили бы твоего поступка».

¹ Архив МДАиС. Из автобиографии.

24 июля того же года областная газета «Брянский рабочий» опубликовала статью «Куда ступаешь ты, Мелетий Романенко?» Журналисты даже не скрывали, что за перепиской советских граждан ведется наблюдение: «Много писем перебудет за день в почтовом ящике... Но что это? Москва, духовная академия; Минск, духовная семинария. Да, и такие письма бывают. Их ничтожно мало, но все-таки они есть, и пишут их люди, живущие с нами рядом».

Из этого шедевра журналистики мы узнаем, что Романенко, оказывается, собирается поступать в Минскую Духовную Семинарию. Что это — неосведомленность? Нет, просто под рукой в редакции «Брянского рабочего» оказалась статья из «Грозненской правды», «открывающая глаза миру» на ужасы, творящиеся в Жировицком монастыре и Семинарии, которые, по словам газеты, «превратились в сборище уголовников, морально падших людей, отбросов нашего общества». Приводятся «вопиющие факты» с намеками и цифрами. Полагаю, что сегодня, на рубеже веков, редакция «МК» заплатила бы хорошие деньги журналисту, написавшему такой пасквиль. В то время государство вело борьбу за закрытие Минской Семинарии, и в 1964 году оно победило в этой борьбе. А тогда, в 60-м, «Брянский рабочий» охотно перепечатал ходовую статью, а то, что наш герой подавал заявление в другую семинарию... да какая разница. Дойдут и до нее руки в свое время.

Статьи были предназначены для публики, «чтоб другим неповадно было». Самого же молодого человека вновь затаскали по всем инстанциям, требуя отречения.

15 августа он пишет в МДС, сообщая о своем твердом желании поступить в духовную школу: «В эти дни местными и районными властями я был подвергнут, кроме печати, самой строгой...»¹

Но, отвергая все угрозы и наказания, я твердо решил поступать по избранному пути на служение Господу Богу... Поэтому прошу Ваше Величество и Преосвященство выслать мне вызов. Решение мое есть твердое и бесповоротное, разве только буду схвачен и задержан в канун экзаменов».

1 сентября Мелетий Платонович Романенко прибывает в Свято-Троице-Сергиеву Лавру, успешно выдерживает испытательные экзамены, и его зачисляют в 1-й класс Московской Духовной Семинарии.

Казалось, что все невзгоды остались в прошлом, ведь он среди своих — православных христиан.

СТРАШНАЯ МЕСТЬ

Председатель колхоза «Красный Октябрь» товарищ Горелый был в негодовании. Из-за этого «сумасбродного Романенко» в Климовском райкоме партии ему поставили на вид плохую работу с молодежью. Он был оскорблен, унижен, подавлен. «Так я этого не оставляю», — решил он. Благо, у него остались «заложники» — жена и

дети Романенко, именно на них и решил он выместить свой гнев.

Колхозница Ольга Михайловна Романенко, в девичестве Пацунова, после отъезда мужа на учебу в Семинарию по-прежнему работала в колхозе. Но отношение к ней председателя изменилось. На селе председатель чувствовал себя полновластным царьком, денег в колхозе отродясь не выдвали, зарплату получали продуктами, и этот незначительный продуктовый паек он сокращает у несчастной матери. Ей приходится претерпевать бесконечные оскорбления и издевательства от председателя и его прихлебателей. Жизнь Ольги Романенко стала подобна каторге. Но товарищ Горелый не уgomонился, решив окончательно изжить ее из колхоза или уморить голодом.

11 апреля 1961 года решением правления колхоза приусадебный участок О.М.Романенко, который был единственным средством существования, сократили с 32-х до 5-ти соток. Односельчане пытались защитить матушку, но где там. Она сама пошла на поклон к хозяину села. «Убирайся из колхоза, поезжай к своему мужу. Я сгною тебя здесь», — так встретил ее новый барин.

Не выжить в деревне одинокой женщине с двумя малолетними детьми без средств к существованию, имея только 5 соток земли.

В ПОИСКАХ ПРАВДЫ

Подсказали добрые люди обратиться в Москву к верховным властям, рассказать «доброму Царю-батюшке» о том, какие беззакония творятся в глубинке. Ольге муж посоветовал писать жалобы с предосторожностями, чтобы не навлечь на себя гнев всемогущих властей. Так она и сделала, написав одно письмо в Верховную Прокуратуру, а другое в Верховный Совет СССР. Рассказывая о притеснениях со стороны местных властей за мужа-семинариста, она писала: «От затей о поступлении моего мужа в Духовную Семинарию я не могла отговорить, не могли убедить его в этом и другие работники района и парторганизации. Я честно трудилась в колхозе, и на моем воспитании остались дети; разве я могу быть ответчиком за моего мужа...» Мелетий Платонович разрешил супруге представить дело так, будто она безвинно страдает из-за мужа, на самом же деле Ольга Михайловна никогда не отговаривала его от принятого решения.

Когда из Верховной Прокуратуры спустили в Климовск официальное письмо и семье Романенко дали под огород еще 10 соток, казалось, «лед тронулся» — есть правда на свете. Но что такое 15 соток в деревне?

Сам Мелетий не остается безучастным к судьбе своей семьи и пишет жалобу в Совет по делам РПЦ при Совмине СССР на имя председателя товарища В.А.Куредова. Приводим ее полностью как яркий документ той поры:

«Уважаемый Владимир Александрович.

Как Вам известно, в Духовную Семинарию имеется пока свободный доступ со стороны советских граждан, и, по-видимому, она является свободным учебным заве-

¹ М. П. Романенко не осмелился сказать, чему он был подвергнут.

дением, равным со светскими учебными заведениями. А поэтому учащиеся должны пользоваться такими же правами, как и в других вузах. Я — Мелетий Романенко из с. Кирилловки Климовского района Брянской области. Данных о себе, я думаю, описывать не следует, так как у вас, по-видимому, известно все о каждом нашем учащемся. Человек я семейный. Имею на своем иждивении двух малолетних детей 5 и 7 лет. После моего поступления в МДС дети остались на попечении жены, которая работает в колхозе «Красный Октябрь». За то, что я поступил учиться в Духовную Семинарию, местные органы власти обрушили удар на мою семью. В течение года моего отсутствия председатель колхоза жену мою лишил всех прав как члена колхоза, несмотря на то, что она трудилась не хуже других колхозников. Он отобрал приусадебный участок, поносил ее грязными словами, угрожал изгнать из села.

Какое преступление с моей стороны, что я учусь в Духовной Семинарии? Почему женщина должна нести ответственность за своего мужа? Почему у детей отбирают кусок хлеба? Где же права и свободы?

Мелетий Романенко 5.V.61.»¹

Во всех эшелонах власти — от председателя сельсовета до Верховного Совета страны — эти попытки защитить поправленные «права и свободы» вызвали бешеную ярость. За такую выходку следовало строго наказать. «Жаловаться вздумал на Советский строй, и кто — христианин, поп».

Из Совета по делам РПЦ направили копию этого заявления в Брянский облисполком с просьбой проверить указанные факты. Из Брянска пришел ответ от уполномоченного Совета по этой области тов. С.Мелеша. Естественно, после проверки выяснилось, что «факты, изложенные Романенко... не соответствуют действительности».

Мелетия дважды вызывали в Совет «для беседы по существу поданной им жалобы». Несмотря на все попытки убедить Романенко в Совете, что права его семьи «в связи с тем, что он поступил учиться в МДС, никто не ущемлял и не ограничивал», «выяснилось, что он не удовлетворен ответами на его вопросы, не согласен с ними и поэтому оставляет за собой право апеллировать в вышестоящие органы».

ПЛЕТЬЮ ОБУХА НЕ ПЕРЕШИБЕШЬ

Мелетий Платонович еще не знал, с какими монстрами он связался.

19 мая 1961 года газета «Известия» вышла с громкой статьей «Я отрекаюсь от него». Это была реакция Верховного Совета на жалобу Ольги Михайловны Романенко. Как известно, газета «Известия» являлась печатным органом Верховного Совета, который и заказал этот компромат своим журналистам. Те ловко переработали жалобу на председателя колхоза в антирелигиозное письмо в газету.

«Церковь отняла у меня мужа, у детей — отца... Я хотела и не могла его удержать от поступления в Семинарию, но кто-то ведь выдал ему нужные документы. Я отрекаюсь от такого мужа, который променял на поповские бредни своих детей.

Ольга Романенко».

От себя редакция «Известий» добавила: «Как же так могло получиться, товарищи партийные и советские руководители Климовского района? Ведь упустили человека, не сумели отстоять его, вырвать из цепких рук церковников. Плохо, значит, боролись за него. Успокоились на том, что опубликовали не очень убедительную статью в газете? Рано успокоились».

До какой степени цинизма нужно дойти, чтобы обратиться мольбу о помощи в оружие против просящего ее.

Через две недели, 5 июня, «Известия» выпускают новую утку под названием «Он был моим другом». Некто И.Романенко, якобы односельчанин Мелетия, причитает: «Мелетий! Почему забыл друзей и семью? Почему молчит теперь твоя совесть? Разве тебе место в Семинарии? Да разве в наше время задурманивают себе головы поповскими бреднями? Я надеюсь, ты еще одумаешься и вернешься в родное село, к жене и детям. Хочется думать, что и местные общественные организации извлекут из этого случая для себя урок».

Мелетий Романенко знал, что это подлог. Будучи человеком горячим, он не мог равнодушно снести такого оскорбления, сел за перо и написал роковое для себя письмо в редакцию «Известий». Среди прочего он писал: «Семью я свою не оставил беспризорной. Но местные органы власти поступают несправедливо, вот жена и написала жалобу, но почему эта жалоба извращена в виде статьи — мне неясно?.. Вот я, из далекой глухой деревни попал в это культурное, примерное для всех общество. Буду я попом или не буду — это дело моей совести, дело предстоящего времени, грядущего в коммунизм. Смогу ли я заслужить такую честь — это для меня еще неизвестно...

Но я нисколько не унижаюсь тем, что вы прославили мое имя по всей стране, а даже с гордостью смотрю в глаза совести...

Нужда заставила мою жену писать в высшие органы Советской власти. Не духовные отцы разоряют семейную жизнь, а тупоголовые руководители в далеких деревнях, глушащие свободу темных колхозников...

С теми будьте здоровы.

С приветом воспитанник МДС М.Романенко».

Из газеты письмо отправили в Совет по делам РПЦ. Вопросы, связанные с духовными школами, решал старший инспектор Совета тов. М.Овчинников. Именно к нему на стол легло это письмо Мелетия. И он решил: «С Романенко надо кончать».

Товарищ Овчинников был опытный специалист в своей области. Он представил душеизлияния вчерашнего колхозника самому Н.С.Хрущеву и зацепился в них за его слова о том, что Мелетий еще не знает, будет он священником или нет. Этого было достаточно.

¹ ГАРФ. Ф. 6991, оп. 2, д. 310.

Пострижение во чтеца перед диаконской хиротонией

Овчинников пишет ректору МДАиС протоиерею К.Ружицкому: «В заявлении на имя тов. Н.С.Хрущева Романенко писал: "Хочу прямо сказать, что в попы в наше время я не собираюсь"».

Учитывая, что Романенко поступил в МДС из корыстных соображений, а также его нетерпимое поведение, выразившееся в рассылке в партийно-советские инстанции клеветнических измышлений в адрес местных органов власти, считал бы целесообразным рекомендовать ректору МДС о его отчислении из Духовного учебного заведения».

Уже после летних каникул в документах Совета появляется следующая справка «Протоиерей К.Ружицкий обещал семинариста Романенко исключить из Семинарии. 17.VIII.1961. М.Овчинников».

Последняя запись, касающаяся нашего героя, в Государственном Архиве Российской Федерации гласила: «Романенко из Семинарии отчислен. 1.X.61. М.Овчинников.»

А БЫЛ ЛИ МАЛЬЧИК?

«Глубокоуважаемый, дорогой отец Ректор! Как все же тяжело и прискорбно я переживаю эти события, скрывая печальную весть от своих товарищей, в связи с Вашим предложением покинуть мне пределы этой духовной обители и курс начатого мною учения в Духовной Семинарии, куда стремился я из года в год, куда с большими трудностями смог поступить только благодаря своей находчивости, за что я претерпел насмешки и унижения, клевету и оскорбления; и вдруг, ни с того, ни с сего, я должен покинуть на добровольных началах свой начатый путь! В жизни я встречал, встречаю и буду встречать всевозможного рода преграды и бездны, буду ломать и перепрыгивать их, буду возноситься к высшему, духовному... Отец Ректор, Вы решили избавиться от меня без основательной на то причины, толкнули меня в бездну, дабы иметь покой душе своей. А куда же мне теперь идти? Ведь для меня теперь путь в мирскую жизнь

отрезан...» Так писал в объяснительной на имя ректора протоиерея К.Ружицкого воспитанник 2-го класса Московской Духовной Семинарии Мелетий Платонович Романенко 13 сентября 1961 года. На следующий день отец Константин подписал распоряжение (на семинарском жаргоне «тропарь»): «Отчислить из состава учащихся 2-го класса МДС Романенко Мелетия согласно поданному прошению».

Как известно, протоиерей Константин Ружицкий, управлявший Московскими Духовными школами в очень непростое для всей Русской Церкви время — с 1951 по 1964 год, — был очень дипломатичный человек. Он умело лавировал в узком фарватере сложных церковно-государственных отношений, и ради этого иногда приходилось идти на жертвы. Но в данном случае нам не стоит упрекать отца ректора в желании отделаться от Романенко ради своего спокойствия. Ружицкий был умный политик, он знал, что следует выждать, пока утихнет эта буря в стакане. Тем временем он устраивает своего бывшего подопечного в качестве рабочего, или послушника, в лаврскую трапезную. Днем Мелетий работал на кухне, а ночами занимался по семинарской программе, не теряя надежды на восстановление. Отец Константин был прав, полагая, что, добившись исключения, Совет по делам РПЦ вскоре забудет о беспокойном студенте. Он и сам не сидел сложа руки. Не прошло и месяца со дня исключения, как Мелетий пишет жалобу на имя Святейшего Патриарха Алексия (Симанского). В ней он описывает, с какими сложностями ему пришлось столкнуться при поступлении в Семинарию, что претерпела его жена, какие скорби он сам понес после злополучной газетной публикации, но жена от него никогда не отрекалась, летом они в мире и дружбе провели его каникулы.

«Но вот по прибытии во 2-ой класс МДС отец Ректор заявил, что было ему указано свыше: на каком основании духовные отцы держат в своей школе семейного человека, который оставил семью, где жена воплем взывает о помощи? А ведь это все подлог и клевета с той целью, чтобы любыми способами вырвать человека из духовной школы.»

И вот 15 сентября сего года отец Ректор предложил мне «временно отступить», то есть уйти из Семинарии на добровольных началах, иначе он вынужден будет со временем искать причину, чтобы по таковой уволить меня навсегда.

И, внимая совету отца Ректора, я написал прошение, но когда я получил расчет, то оказалось, что Учебный Комитет об этом ничего не знал. В настоящее время я несу послушание в Троице-Сергиевой Лавре, не прекращая почерпывать знания, преподающиеся во 2-м классе, через своих товарищей. Я обращаюсь к Вашему Святейшеству и прошу рассмотреть мою жалобу и восстановить меня учащимся семинарии, пока еще органы МВД не потребовали с меня выписки¹.

¹ Архив МДАиС. Письмо М.Романенко Патриарху Алексию (Симанскому)

ШКОЛА ДЛИНОЮ В ЖИЗНЬ

14 октября 1961 года последовала резолюция Его Святейшества: «Я полагаю, что следует удовлетворить просьбу Романенко и восстановить его учеником Духовной Семинарии».

Но эту радостную весть ему сообщили не сразу. Поэтому 29 октября Мелетий вновь пишет подобное прошение в педагогический совет МДАиС. Только в начале ноября пришел ответ, что он восстановлен в Семинарии.

8 марта 1964 года воспитанник 4-го класса Московской Духовной Семинарии Мелетий Платонович Романенко был хиротонисан во диакона, а 14 мая того же года в Московском храме в честь иконы Божией Матери «Нечаянная Радость» в Марьиной Роще — во иерея. Обе хиротонии совершил епископ Таллиннский и Эстонский Алексей, в настоящее время — Патриарх Московский и всея Руси.

После окончания Семинарии отец Мелетий был назначен настоятелем Благовещенской церкви г. Козельска Калужской епархии.

Более 20 лет прослужил он в этом храме — единственном в Козельске. В городе еще оставались насельницы разоренного Шамординского монастыря, которые и составляли костяк общины. О том, как проходило служение отца Мелетия, архивных данных нет, так как архив Калужского епархиального управления погиб во время пожара.

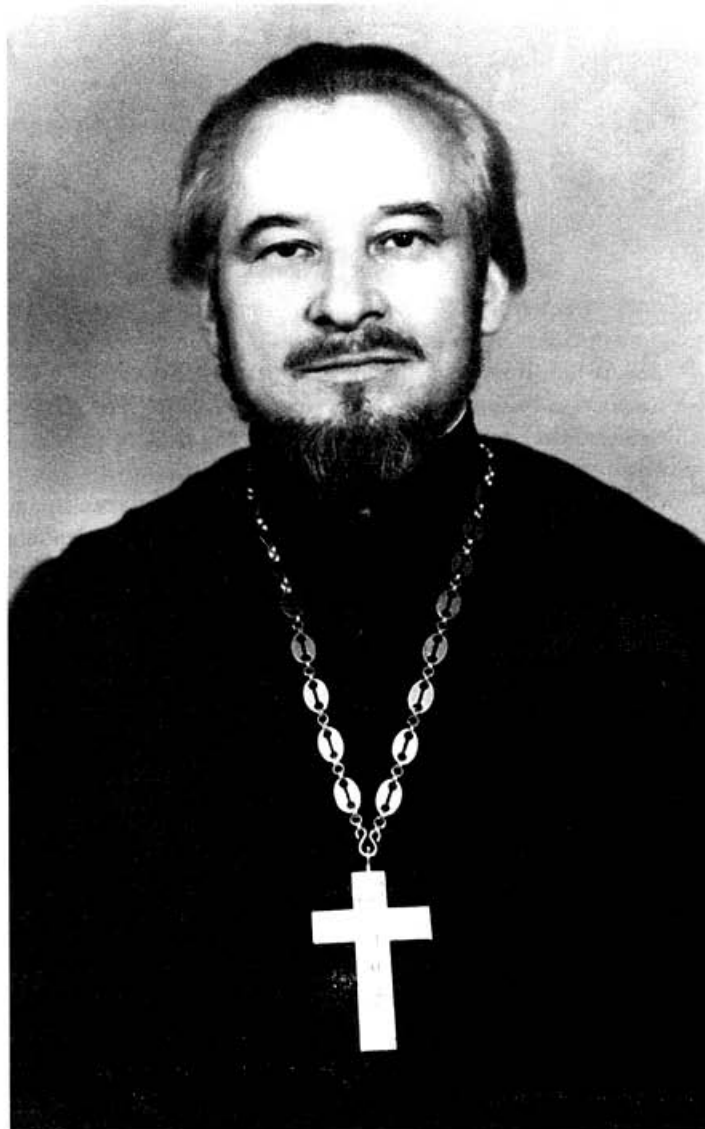
О жизни нашего героя после окончания семинарии нам написала его дочь, Антонина Мелетьевна Романенко. Мы выражаем ей огромную благодарность за помощь в подготовке статьи. «И нам, его детям, — пишет Антонина Мелетьевна, — приходилось испытывать на себе притеснения, оскорбления и насмешки не только от властей, но и от окружающих нас людей. Помню, я всегда была «попадьей», а братья — «попятами».

На протяжении всей жизни отец Мелетий поименно поминал всех своих братьев по Семинарии, со многими переписывался. Гонения не ожесточили его горячее сердце, не погасили в нем любви к людям, к Лавре преподобного Сергия, к Духовным школам. Об этом свидетельствуют его простые стихи о Лавре, которые прислала нам его дочь:

Загорск далекий, любимый город,
Ты сердцу близок, ты сердцу дорог,
Ты дорог мне тем, что за стеною
Хранишь святыню, без меры ценою.

В священной Лавре, за стеной
Другие люди и мир другой.
Там всюду зелень, и средь ветвей
Смотрятся в небо главы церквей.

Там ангелы душу мне очищают,
Там все о Боге напоминает,
Там место веры, души покой,
Там все мне близко и родно.

Последняя фотография протоиерея Мелетия

В конце 80-х годов батюшке пришлось перейти в Орловско-Брянскую епархию. Служил он в поселке Душатино Брянской области, недалеко от своей малой родины — села Климовки. Но проживали они с матушкой Ольгой по-прежнему в Козельске.

Скончался протоиерей Мелетий Романенко 5 октября 1990 года от сердечного приступа, возвращаясь домой после причащения больной. Он был похоронен, согласно завещанию, на кладбище поселка Душатино — там, где проходили последние годы его служения.

Жизнь отца Мелетия являет пример действительного исповедничества в условиях хрущевских гонений. Она показывает то, с чем неизбежно сталкивался в то время каждый христианин, желавший послужить Богу и Церкви. Многих из них уже нет рядом с нами. Вечная им память!

*Диакон Сергей Матюшин,
4 курс МДС*

Международный Фонд единства православных народов в 2000 году

С 13 по 16 февраля 2000 года в Югославии в городе Нови-Сад состоялась международная конференция православных политических, религиозных и общественных деятелей, дипломатов из двенадцати стран Европы, СНГ и Балтии в контексте развития деятельности Европейской Межпарламентской Ассамблеи Православия (ЕМАП). Инициатором и организатором конференции на тему «Христоцентричность как основа мироустройства православного сообщества и спасительный путь в III тысячелетие» выступил Международный Фонд единства православных народов, проводящий уже шестую ежегодную встречу православных парламентариев Европы, посвященную актуальным проблемам политического будущего стран и народов поствизантийского духовного ареала. До этого, начиная с 1995 года, представительные международные конференции под эгидой Фонда и в контексте развития ЕМАП прошли в Астрахани, Минске, Тбилиси, Кишиневе и Одессе.

В адрес участников и гостей конференции в Нови-Саде поступили приветствия от Святейшего Патриарха Сербского Павла VI, Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, Блаженнейшего Митрополита Варшавского и всея Польши Саввы, Председателя Государственной Думы РФ Геннадия Селезнева, Председателя Народного Собрания Болгарии И.Соколова, а также от других светских и церковных должностных лиц из стран — участниц конференции. В работе конференции принял участие председатель Веча граждан Союзной Скупщины СРЮ М.Минич, ее участников принял в Белграде Президент Югославии С.Милошевич.

Местом проведения этого представительного международного собрания в юбилейный год 2000-летия рождения Христова город Нови-Сад был выбран не случайно. В Воеводине веками мирно уживаются представители многих народов — сербы, венгры, словаки, румыны, русины, евреи, турки и другие. И миротворческой основой является Сербская Православная Церковь, позиции которой здесь весьма сильны как среди населения, так и во властных структурах.

Кроме того, проведение в этом пострадавшем от агрессии государств — членов НАТО городе столь представительного форума не только привлекло внимание мирового сообщества к нуждам его жителей, но и выражало поддержку Югославии.

Президент Международного Фонда единства православных народов, доктор философских наук Валерий Алексеев в своем докладе подчеркнул, что «христоцентричность как глобальный и попирающий само время проект мироустройства, в основу которого положен крестный подвиг Сына Божия, является универсальным, наднациональным и всегда актуальным путем спасения всего человечества, ибо, по слову святого апостола, «Иисус Христос вчера и сегодня и во веки Тот же (Евр. 13,8)».

Участники конференции высказали серьезную тревогу, что безоглядная ориентированность руководства восточнохристианских стран на западную модель развития общества не привела к ожидаемым результатам экономического подъема и усугубила культурный и духовный кризис всех слоев общества.

* * *

В целях укрепления православного единства в юбилейный год 2000-летия христианства и в память о павших воинах в канун пятьдесят пятой годовщины Великой Победы над фашистской Германией, прошел Крестный ход по полям бывших боевых сражений. Этот памятный Крестный ход, организованный Международным фондом единства православных народов по благословению Святейшего Патриарха Алексия II — Председателя Попечительского Совета Фонда, начался 2 мая в праздник Иверской иконы Божьей Матери с молебна в Киево-Печерской лавре. Далее первым важным этапом на его пути стала Брянская область, где возле креста, установленного на границе России, Украины и Беларуси, состоялся молебен об укреплении единства всего народа Великой, Малой и Белой Руси. Затем был Минск, пополнивший состав участников Патриаршего Памятного Крестного хода священниками и студентами-семинаристами. И наконец, утром 6 мая, в день

Участники Крестного Хога со Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Алексием II

празднования памяти святого Георгия Победоносца, небесного покровителя Москвы, Крестный ход, пройдя почти две тысячи километров, прибыл в столицу России, где соучаствовал в Патриаршем богослужении в храме святого Георгия Победоносца на Поклонной горе, рядом с мемориальным комплексом в честь Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

По завершении литургии Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II обратился ко всем собравшимся в храме верующим с пасхальным приветствием и благодарностью к участникам Памятного Крестного хода за их самоотверженный подвиг, направленный на укрепление единства русских, украинцев и белорусов, упрочения их братских связей в духе мира и любви по заповедям Спасителя.

С ответным словом благодарности Святейшему Патриарху Алексию II за заботу о Крестном ходе выступил Президент Фонда, доктор философских наук В.А.Алексеев.

* * *

29 марта 2000 года состоялось очередное Годичное собрание Международного Фонда единства православных народов, прошедшее в Москве с участием Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Заслушав отчетный доклад Президента Фонда Валерия Алексеева, Попечительский Совет Правления и члены Фонда рассмотрели и одобрили ряд программ, направленных на укрепление роли православия в России и мире. К их числу следует отнести программу комплексного возрождения ставропигиального мужского Спасо-Преображенского Валаамского монастыря и поземного строительства Фондом благоустроенного жилья на материке для гражданского населения Валаама ютящихся сейчас в непригодных для этого старых помещениях монастыря. Осуществление этого замысла, поддержанного властями Карелии, послужит делу восстановления монастыря и возрождению богатых духовных традиций валаамского монашества. Для реализации этой программы была создана и начала работать специальная комиссия Фонда, в которую вошли Президент Фонда Валерий Алексеев, наместник Спасо-Преображенского Валаамского монастыря архимандрит Панкратий, генерал Александр Котелкин, председатель комитета Государственной Думы РФ по делам Севера Валентина Пивненко и другие религиозные, политические и общественные деятели.

Другим важным решением стало учреждение премии Фонда "За выдающуюся деятельность по укреплению единства православных народов". Она будет присуждаться ежегодно государственным, религиозным, политическим и общественным деятелям за их большой вклад в дело укрепления духовного и культурного единства православных народов, упрочения экономических и политических связей государств, исторически формировавшихся в контексте восточнохристианской традиции; утверждение в жизни православного сообщества высоких норм христианской морали. Присуждаемые денежные премии, дипломы и памятные знаки, имеющие свои порядковые номера будут вручаться в торжественной обстановке Председателем Попечительского Совета Фонда — Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Алексием II.

В Фонде образована Комиссия по премиям, которая принимает предложения по кандидатурам лауреатов.

* * *

*Святейший Патриарх Алексий II
среди участников годичного собрания Фонда*

Большим событием в жизни православных народов Европы в юбилейный год 2000-летия Рождества Христова стала VII Конференция Европейской Межпарламентской Ассамблеи Православия (ЕМАП), прошедшая с 17 по 20 июня в Иерусалиме.

Ассамблея, созданная семь лет назад по инициативе греческого парламента с целью координации усилий православных стран на пути к общеевропейской интеграции, сегодня объединяет представителей парламентов из двадцати государств Европы.

Тема очередного форума ЕМАП, состоявшегося в Иерусалиме при деятельном и традиционном участии Международного Фонда единства православных народов, была избрана в контексте 2000-летнего юбилея Рождества Христова и содержала слова из Евангелия от Матфея "За кого люди почитают Меня" (Мф. 16,13).

В торжественном открытии VII конференции ЕМАП, проходившей в новых залах Иерусалимской Патриархии, принял участие Блаженнейший Патриарх Иерусалимский и всея Палистины Диодор. В адрес участников и гостей этого представительного форума поступили приветствия от Святейшего Патриарха Константинопольского (Вселенского) Варфоломея I, Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, глав Парламентов Белоруссии, Греции, России, Югославии и других стран-участниц движения, а также от Международного Фонда единства православных народов, которое огласил Президент Фонда В.А.Алексеев.

На конференции, наряду с современными политическими проблемами, стоящими перед православным сообществом, были рассмотрены и вопросы богословского содержания межправославного диалога на путях развития отношений между светскими и духовными властями. Участники продемонстрировали единство в понимании угроз культурной интервенции против православного населения в Югославии и на Кипре и призвали мировое сообщество уделить этому вопросу самое пристальное внимание.

Лев ПОРФИРОВ

Общество трезвости

В этом номере мы открываем рубрику «Дискуссия», в которой предоставляем нашим читателям возможность поделиться своими размышлениями, сомнениями по любым волнующим их темам. Мнения, высказываемые в этой рубрике, могут оказаться спорными. Мы надеемся, что поднятые вопросы не станут риторическими, а получат ответы в ваших письмах, дорогие читатели. Таким образом, может родиться плодотворная дискуссия, и тогда рубрика оправдает свое название.

Любезные мои братья и сестры во Христе!

Прежде чем я приступлю к столь рискованному мероприятию, как изложение своих воззрений на окружающий мир в данном уважаемом издании, мне хотелось бы заранее извиниться. Увы, недостаток знаний и врожденный волюнтаризм не позволяют мне быть конструктивным в необходимой для каждого современного православного христианина мере. Но поскольку и бездействие не украшает, я все-таки решусь поделиться своими убогими футурологическими прогнозами, основанными на моем столь же не блистательном миссионерском опыте.

Итак, шесть лет назад параллельно с процессом собственного воцерковления я с присущей каждому неопиту горячностью ринулся нести слово Божие в мир. Вышеупомянутый мною патологический недостаток знаний не только не мешал мне, но даже в какой-то степени и помогал. Делиться душевным теплом всегда веселей, чем знаниями. И может быть, хотелось бы очень надеяться на это, вернется то время, когда я, получив необходимый запас книжной мудрости, смогу наконец вернуться в блаженное состояние абсолютного внутреннего согласия, свойственное каждому неопиту, и опять поведу десятки людей в храмы.

Как это было славно! Я ловил людей за столами в редакционных комнатах издательских холдингов, залах перезаписи киностудий, у стоек баров в ночных клубах, да

и, бывало, просто в пивных. Каждая личность была для меня, по определению, уникальна, и я, соответственно, находил уникальный подход к ней. Одного погружал в собственные, порой надуманные, рефлексии, чтобы потом избавиться от них вместе. Другого ублажал глобальной осведомленностью в сферах мистического, о чем, естественно, имел весьма поверхностное представление.

¹ Иван Охлобыстин родился в 1966 году. Закончил режиссерское отделение института кинематографии (ВГИК). Режиссер-постановщик художественных фильмов, сценарист, драматург (23 приза, из которых 14 международных), телеведущий, публицист, секретарь-референт по связям с общественностью руководителя Всецерковного Православного молодежного движения архиепископа Костромского и Галичского Александра, консультант ОБСЕ по вопросам религии. Женат. Имеет троих дочерей: Анфиса, Евдокия, Варвара. Более пяти лет служит алтарником в храме Софии Премудрости Божией на Софийской набережной.

Третьего пленял определенностью и простотой мировоззрения, приперчивая оное волевым нежеланием разбираться в нюансах насущной жизни и, соответственно, решая таким образом все бытовые проблемы.

Я считал своей основной задачей заинтересовать человека, привести его в храм и передать в руки опытному батюшке. Так оно и было. Я приводил человека, потом около двух недель находился с ним рядом и, когда убеждался, что он уже не стесняется исповедоваться и целовать руку священнику на людях, шел за другим.

Но вот незадача, добрая половина из тех, которых я привел, через какое-то время переставали посещать храм и продолжали числиться христианами только номинально. Часть из них «сломалась» на вопросе контрацепции, часть не приняла установки на послушание, но большинство сослалось на банальную занятость. И ведь батюшки были хорошие и на любой вкус! Тут тебе и сельские доброхоты, осведомленные в вопросах мелиорации, и полковые капелланы, исключаящие из русского языка наречие «тяжело», и ученые проповедники, умело сочетающие прагматику «волновой теории ДНК» с небесной мелодией Апокалипсиса. Были все или практически все. Но люди уходили.

И мне пришлось задуматься. Вскоре я пришел к следующему банальному умозаключению: мир изменился, а методики миссионерской деятельности нет. Как было раньше (идеал): человек посадил морковь, подоил корову, поцеловал жену, уснул, а наутро в воскресенье пошел в церковь. И так каждую неделю. Как было потом (идеал): человек пошел на завод, пришел с завода, поцеловал жену, а на утро в воскресенье пошел в церковь. И так каждые полгода. Что сейчас (реальность): человек проснулся в пять вечера, пошел на работу, пришел с работы в семь утра, поцеловал спящую жену, а на Пасху пошел в церковь. При таком графике занятости потенциальной паствы даже Иоанн Златоуст был бы бессилён.

Конечно, я утрирую, и, конечно, речь идет, в основном, о моей аудитории представителей информационно-управленческой сферы деятельности (журналисты, программисты, финансисты, управленцы). Но именно эта сфера деятельности и определяет сейчас жизнь цивилизованного общества. И дальше будет определять. Вплоть до Страшного Суда. Конечно, можно не обращать на эту категорию граждан внимания, но в таком случае Церковь обречена превратиться в замкнутое и очень немногочисленное сообщество маргиналов.

Мне могут возразить: «Много званных, но мало избранных». Вне всяких сомнений, это так и есть, но все равно больно жалко родную журналистскую братию. Они ведь тоже любят, страдают. У них есть дети, родители. В конце концов, многие из них верят в Бога. Так или этак, но верят. А систематизировать их веру некому. Мало того, они еще и не пустят случайного человека к себе. Их можно понять, ведь этот человек не спал рядом на редакционных диванах во время авральной ночной верстки газеты, не портил зрение у монитора компьютера, не сидел шевелюрой во время очередного финансового кризиса. Что он знает об их печалях и радостях, по их мнению?

И вот, наконец, к чему я пришел: нынешнему времени просто необходим особый класс миссионеров священ-

нослужителей, совмещающих свое храмовое служение со светской, а главное официально штатной работой. Священник — практикующий программист, священник — практикующий редактор, священник — практикующий экономист и так далее. И желательно, чтобы не вообще на всех журналистов России был один батюшка, а в каждом издательстве был свой.

Конечно, сложно представить себе священнослужителя, жадно собирающего с карандашом в руке светские сплетни, но вполне можно представить священника ректора или программиста.

Только таким образом, ежедневно, ежечасно сталкиваясь с людьми в рабочей обстановке, батюшка сможет вести эффективную миссионерскую работу, не пренебрегая лучшим вариантом проповеди — проповеди собственной жизнью. И общество начнет сообщаться с церковью не только по наводке мнительных секретарш, которым «один знакомый батюшка воду и крестик зарядил», а сольется-таки в единой симфонии.

Я бы определил этот класс проповедников казенным термином «погруженцы».

И они уже есть в армии.

Да, возразят, но армия это форс-мажорные обстоятельства!

Но я вас умоляю, отвечу, а где они не форс-мажорные!? Мир в ситуации перманентного форс-мажора.

Если мы не подумаем об этом, это сделают маги и кудесники, впрочем, что давно и происходит, судя по уже устоявшейся, к сожалению, моде на гороскопы.

Тут в издании, где я подрабатываю, на прошлой неделе забыли напечатать гороскоп. Редакцию завалили претензиями от подписчиков. Главный редактор приказал в следующем номере гороскоп обязательно напечатать. Стали звонить явно психически неуравновешенной женщине астрологу.

Я пробовал переубедить: мол, зачем звать эту «икотку»? Давайте я вам интересно православный календарь распишу.

Нет, сказали мне, читатель к православным календарям не привык, а к гороскопам привык.

Не привык и все!

Предвижу появление дотошного богослова, который найдет массу несоответствий в моих домислах с Апостольскими правилами. Ну так по правилам и в иереи до тридцати лет рукополагать нельзя, но ведь рукополагают. На усмотрение правящего архиерея.

Продолжать не буду.

Кажется, Антоний Великий назвал самой главной добродетелью монашествующих трезвость. Вот и мне сдается, что по нынешним временам нам не помешает из круга пусть духовных, но все-таки частно-эгоистических интересов выбраться в мир, как «обществу трезвости» для посильного служения Любви Христовой.

Простите меня, простите болтуна скудоумного и, что не простительно, наглого. Но мне деваться некуда — о своих близких пекуюсь. Помнится, был приказ.

*С любовью о Господе
Иван Охлобыстин.*

Может ли театр быть союзником Церкви?

— Отец Андрей, как Вы относитесь к театру? Вообще, входит ли театр в сферу Ваших интересов?

— Мое отношение к театру оказалось искалеченным моей юностью. В 70–80-е годы театр воспринимался, скорее, в качестве политического оппонента власти, нежели художественного текста (любимовская «Таганка» ценилась за смелость более, нежели за художественность). Там ценилась резкость реплики, жеста, мастерство создания подтекста, а не собственно эстетика. И, к сожалению, тогда не нашлось человека, который отучил бы меня смотреть на театр сквозь призму политики. А когда политическая конъюнктура изменилась, переучиваться было уже поздно. То, что мог дать мне театр, я, кажется, уже научился получать в других местах...

И в Церковь я пришел, по-своему бунтуя против театра. Понимаете, однажды в человеке просыпается жажда подлинности. Ему становится душно в мире культуры, в бесконечных взаимных отражениях образов, аллегорий, взаимных отсылок и цитат, скрытых и явных аллюзий... Был такой замечательный православный проповедник архиепископ Иоанн Сан-Францисский, в миру князь Дмитрий Шаховской. В эмиграции он был одним из друзей Марии Цветаевой, издавал с ней журнал... А затем ушел на Афон. Принял монашество. И спустя годы пояснил в своей биографии, почему он ушел в монахи: «Я затосковал в своих правдах и захотел истины». Однажды такая тоска просыпается в сердце человека, и он понимает, что культура, конечно, вещь замечательная, но нельзя не признать ее условность и вторичность. Наиболее глубокие человеческие состояния, то, что на языке философии называется экзистенциалами человеческого бытия, глубже и выше культуры. И именно это приводит человека в религию.

— Можно понять Ваши слова как утверждение, что человеку воцерковленному искусство, театр в частности, оказывается ненужным?

— Не совсем так. Дело в том, что после ухода людей от мира им надо в него вернуться, принеся с собой хотя бы *послевкусие* от той Чаши, к которой удалось прикоснуться Там. А с людьми надо говорить на языке людей. И потому Церковь, ее проповедники вынуждены обращаться к языку культуры, в том числе и к языку театра, вынуждены пользоваться именами, взятыми с предметов видимых, для изображения невидимого. Но очень важно при этом признать, что Церковь видит в этом не более чем об-

ряд, то есть нечто *обряжающее*, не являющееся сутью. Так складывается парадокс церковно-культурных отношений: Церковь рвется за рамки культуры и в этом самопорыве порождает ее. Фундаментальное убеждение Церкви в том, что мир материи, в том числе и культурной материи, может быть открыт для присутствия Иного.

— В искусстве с помощью изображения, знака пытаются прорваться к невыразимому, через слова — к неизреченному. Вы не могли бы определить сущностное отличие попыток прорыва к тайне, предпринимаемых в сфере культуры и религии?

— В Ваших словах это отличие было выражено тем, что с такой настойчивостью было повторено слово «прорваться». Все же, христианин не прорывается к Богу. Он выступает восприимчиком. Существует радикальное раз-

личие храмовой архитектуры Востока и Запада. Готические храмы действительно «взметнувшиеся ввысь», убегающие с земли. Совсем иное громадный византийский купол, спускающийся на землю, сживающийся с ней. Неслучайно готика возникает после раскола Церкви. Неслучайно Герцен ехидно и, я думаю, небезосновательно заметил: «Западные храмы взметнулись ввысь, и своими шпильями, лишенными крестов, они словно колют небо, как бы мстя ему за пустоту своих алтарей». После раскола с православным Востоком на Западе рождается то, что Шпенглер позднее назовет «фаустовский дух». Дух мятежности и беспокойства. Православие пришлось впору нашему народу, создало ощущение найденности, обретенности. В православной традиции Бог выходит на поиски человека. Зов Бога: «Адам, где ты?» — проходит через всю Библию. Мы — найденышы. Аскетика, человеческое молитвенное делание, пост не есть нечто самодостаточное — это лишь средства для раскрытия себя перед Богом, входящим в нашу жизнь. А Он уже принесет свои дары.

— *А культура делает излишний акцент на усилиях самого человека?*

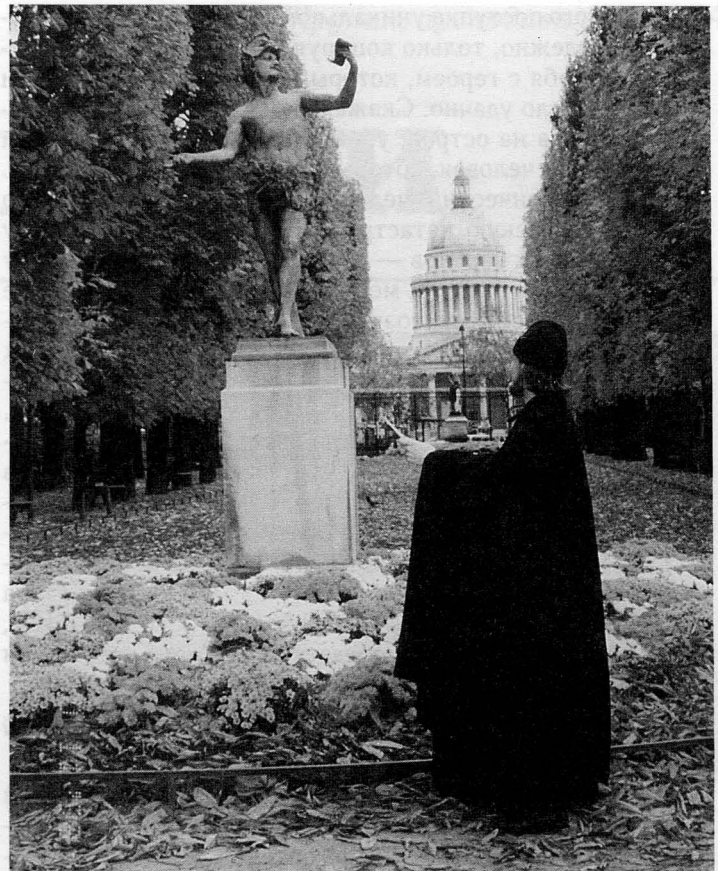
— Да, фаустовская, европейская культура.

— *А как, в таком случае, Вы оцениваете сегодняшние антизападные настроения?*

— Хорошо. Но не следует забывать, что это все-таки семейный спор. Россия принадлежит европейской культуре, и сегодняшний наш спор — это спор двух эпох западной культуры: эпохи суперпостмодерна современного Запада и того, чем Запад когда-то жил, и жил вместе с православной Россией. То, что отстаивает Россия — классическая христианская система ценностей, классическая церковность, классическая семья. Мы — «старобрядцы Европы». Антизападная настроенность есть бунт людей, воспитанных на классической системе западных ценностей. И я очень надеюсь, что наш театр в этом смысле останется консерватором.

— *Сегодня есть повод обсуждать противостояние Церкви и театра?*

— Сегодня невозможно говорить о противостоянии Церкви и театра, так как сам театр очень многолик. Я бы не советовал церковным проповедникам при беседе с современными актерами ограничиваться цитированием суждений древних святых отцов о театре. Это не формулы на все времена. Дело в том, что театр в эпоху поздней античности и средневековья был одним из главных оплотов языческой культуры. Вполне понятен гнев древних проповедников на какую-нибудь женщину, которая причащалась Христовой Крови, а потом шла в театр и изображала там богиню Миневру, падающую на колени перед Зевсом. В ту пору театр был слишком консервативен: он хранил языческую речь, когда уже настала пора христианской новизны... И я бы хотел, чтобы инерционность, консервативность театра, которая когда-то сделала его врагом Церкви, сегодня помогла бы ему стать одним из хранителей христианской культуры. Сейчас, я уверен, нас ждет торжество язычества, и в православии останутся только

люди думающие, умеющие сопротивляться массовой моде. Но мода всего лишь мода. У этого слова есть антоним — традиция, классика. Так вот, поскольку мы живем уже не в пятом веке христианской истории, а в двадцатом, не стоит забывать, что за истекшие полтора тысячелетия возник феномен христианской культуры, у Церкви появились дети, и среди них театр. И в условиях нынешнего примитивизирования массового сознания, всеобщей макдональдизации нашей жизни театр Чехова необходимо сохранить. Сегодня театр может быть союзником Церкви. Как некогда Гомер хранил языческую традицию среди монастырей, так сегодня Шекспир и Гоголь хранят христианское наследие среди постмодернистских монстров.

— *Скажите, а в прошлом можно отыскать аналогию современной массовой культуре?*

— Это очень новый феномен. Мы живем в эпоху массового производства, в том числе идеологии с помощью радио, газет, телевидения... В традиционном обществе мы находим народную культуру, а это, конечно, иное. Известно, что у Церкви были непростые отношения с фольклором, да и скоморошество ее не очень радовало. Это связано с тем, что в те времена Церковь очень хорошо понимала, что даже скоморошество является религией. Утверждение языческого сознания под видом забавы. Например, празднование новогоднего цикла. Восприятие нового года в традиционной культуре совершенно особое. Дело в том, что главная боль, забота древнего человека — забота об уничтожении истории. Человеку архаического мышления тяжело жить в истории как в пространстве

уникального поступка уникальной личности. Он чувствует себя надежно, только копируя чей-то поступок, отождествляя себя с героем, который совершил некий акт, и когда все было удачно. Скажем, полинезийцы, отправляясь с острова на остров, убеждают себя, что это не они плывут, а тот человек, который впервые переплыл океан. Поэтому архаический человек воспринимает историю как экологическую катастрофу. Новогодние ритуалы у всех архаичных народов — попытка возвращения в точку альфа, когда не было ни меня, ни космоса, когда мы еще не грешили и все было возможно. Поэтому скоморошество, выворачивание всего наизнанку, смена социальных ролей, смешение мужского и женского, молодого и старого, было способом возвращения к докосмическому хаосу. Вот этот религиозный подтекст святочных или масленичных праздников и раздражал церковных проповедников в былые века. Скоморошество было альтернативой крещения и исповеди, ибо норовило обновить жизнь без покаяния просто хохмами и переодеваниями... Но сегодня, бесспорно, все иначе, и Церковь не протестует против театра как такового. Для Церкви сегодня главный вопрос в том, какое мировоззрение утверждается с помощью того или иного художественного метода.

— *То есть сам факт актерской игры сегодняшней Церковью не воспринимается как грех?*

— А это уже другой вопрос. Что касается актерской игры, то Церковь обязана предупредить актера, что занятие, им выбранное — духовно опасная вещь. Православие проповедует идеал жизни человека, который выражается немодным сегодня словом «целомудрие». Это не просто образ сексуального поведения. Это цельность мудрости, целостность человека. Лучшее определение целомудрия дал отец Иоанн Крестьянкин из Псково-Печерского монастыря. Однажды он сказал одному из своих духовных чад, петербургскому философу Татьяне Горичевой: «Твоя беда в том, что есть пять разных Татьян; та, которую знаю я; та, которую знаешь ты; та, которую знают на работе; которую знают друзья и которую знает Бог. А должна быть только одна Татьяна».

— *Я не совсем понимаю, как это возможно. Мне кажется, это искусственное усечение человеческой сложности.*

— Это означает, что надо быть самим собой, жить из себя. Не играть социальную роль, а действовать и говорить из той глубины, которая в тебе есть. То, чему учит христианство, это восхождение на тот уровень, где игра исчезает.

— *Мне не доводилось встречать человека не играющего. Сомневаюсь, что такой феномен вообще возможен.*

— Ясное дело, что тот же отец Иоанн Крестьянкин одинаковый со всеми. Или преподобный Серафим Саровский, который каждого встречал словами: «Радость моя, Христос воскрес...». И актеру, пытающемуся жить чужими мыслями и страстями, тем более трудно сохранять целостность. Церковь не запрещает работы актера, а лишь замечает, что его занятие стоит в ряду духовно опасных, таких, как, например, профессии судьи («не судите, да не судимы будете»), учителя («немногие стано-

вятся учителями»), и, кстати, богослова («зачем ты говоришь о Боге, вместо того, чтобы говорить к Богу?»). Например, быть экономом в монастыре дело опасное для души, поскольку он встречается с разными спонсорами, закупает продукты, много времени проводит вне монастыря, а это для монаха довольно губительно. Но, тем не менее, Церковь назначает такое послушание, так как это необходимо для других людей. Необходимо чтобы кто-то, рискуя собственной безопасностью, мог помочь другим. И тем более актер нуждается в помощи Церковных Таинств, в молитве о нем и в молитве своей. Но страшно представить духовные последствия для актера, играющего Христа, пытающегося вжиться в образ Христа, говорить, действовать от Его имени...

— *В процессе православного обряда бывает ряд моментов, когда священник становится Христом. Определите, пожалуйста, в чем принципиальное различие между актером, играющим Христа, и священником, повторяющим во время, например, Таинства Евхаристии жесты и слова Христа.*

— Во-первых, священник это делает не по собственной воле, поскольку богослужение в Церкви для него послушание. Во-вторых, священник себя не ощущает играющим Христа, он очень четко понимает, что он не Христос.

— *Театр, видимо, неспособен забыть о своем происхождении из культа, и сегодня некоторые режиссеры пытаются воссоздать на сцене подобие обряда, стремятся добиться особого актерского бесстрастия, в каком-то смысле схожего с бесстрастием священника во время обрядового действия, освободить актера от личностного начала, создать пространство, в котором актеры, уходя от сюжета, характера, слова, дают шанс проявиться сверхреальной сущности.*

— Мне пока кажется это очень искусственным.

— *То есть в театре принципиально невозможно пробиться к тому, что происходит в Церкви во время обряда?*

— Театр не может выполнить задачи литургии. Он может подвести человека к молитве, даже до некоторой степени дать ему молитву. Но есть все же таинство — то, что дает Бог. Театр не может дать Христово Тело. Но вот когда я жил в Румынии и очень тосковал по России, то ходил в клуб при советском посольстве на русские фильмы. И когда я выходил из зала, то на сердце было такое ощущение, как после хорошей всенощной в монастыре: хотелось молиться дальше.

— *Как Вы оцениваете сегодняшние взаимоотношения интеллигенции и Церкви?*

— На наших глазах проблема русской истории «Церковь и интеллигенция» оказалась исчерпанной. Этой проблемы уже нет. В одной Москве уже около ста священников, окончивших МГУ. Проблема становится более прозаичной: в самой интеллигенции возникает вопрос о взаимоотношениях ее церковной и нецерковной частей.

Беседу вел Артур Соломонов, аспирант ГИТИСа

Крупинки

ДЕЖУРНАЯ

Признаки сегодняшней демократии примитивны, как хрюканье: воровство, вранье, развитие жадности, злобы и... и непрерывный страх быть обворованным и убитым. Мы же, прежние русские, как были, так и остались добрыми и доверчивыми. В подтверждение я расскажу случай, бывший со мною в Великом Устюге.

Великий Устюг — город, увидев который понимаешь, что всю жизнь он будет для тебя мерилком красоты. Стоящий у слияния рек Сухоны и Юга, образующий из этого слияния могучую Северную Двину, Устюг незабываем. В городе много церквей. В одной из них потрясающий воображение своими экспонатами краеведческий музей. В Устюге, как известно, промысел северной серебряной черни, Устюг — родина беспокойных первопроходцев, в городе дары со всех стран света. Нынче вспомнили все-таки, что Дед Мороз ни из какой не из Лапландии, а из Великого Устюга. Так вот, я пришел в музей и понял, что в него надо не прийти, а приходиться. Выбрал время с утра назавтра, вооружился блокнотом и старался побольше запомнить. Иконы, золотые, серебряные оклады, утварь, богатство купеческого и крестьянского быта, расшитые бисером и жемчугами наряды девушек, а уж драгоценностей было любых мастей.

В тишине я услышал, как зазвонил телефон дежурной. О чем ей говорили, я не понял, но то, что она встревожилась, было ясно.

— Ой, — говорила она, — ой, не успею, обед только через час. Ох ведь, ох ведь! — Она положила трубку.

Я стоял у камня, на котором подвизался устюжский юродивый блаженный Прокопий (в Москве придел, освященный во его имя, находится в церкви Малого Вознесения на Никитской, наискосок от консерватории), и увидел, как ко мне подошла дежурная.

— Ой, молодой человек, — сказала она, резко занижая возрастные оценки, — ой, ты долго ли еще будешь смотреть?

— А вы уже закрываете?

— Нет, мы по расписанию, нельзя закрывать. Я знаешь чего тебе скажу? В кооперации дают гречку. Подружка звонила. Но ей не дадут четыре, сама берет, надо со своими заборными книжками. Ой! Знаешь чё, — решила она. — Ты побудешь еще минут двадцать? Побудь. Я же вижу — интересуешься. Я быстро сбегая. Мне уж очень надо гречки: от диабета, и хозяин любит, в армии, говорит, привык. Побудь, а? Если кто придет, пусть билеты оторвут, а школьников так пускай, сэкономят пусть. — И дежурная поспешила к выходу, напоследок крикнув: — Без меня не уходи!

И вот я остался один вместе с этим несметным богатством серебра, золота, жемчугов, бриллиантов, золотого шитья, икон, фарфора, хрусталя...

Конечно, я не был похож на грабителя, но кто на них похож, сейчас как раз грабители и убийцы выглядят очень интеллигентно. Дело в другом. Дело в русском доверии человека к человеку. Скажут: вот сейчас гречка доступна, на всех прилавках. Нет, скажу, как раз она стала недоступна. Эта же дежурная сейчас на нее только смотрит сквозь стекло витрины. Многое еще можно сказать, но не буду. Только помню тишину церкви, мерцание золота в лучах солнца и камень. Камень блаженного Прокопия.

АВТОРУЧКА

Мне подарили красивую авторучку. Очень. Такую красивую, что ею я писать не осмеливался, но с собою возил. Приехав в Троице-Сергиеву Лавру, вначале, как всегда, пошел к преподобному Сергию в Троицкий собор. Взял у монаха листочки чистой бумаги, достал красивую авторучку и ею написал имена родных и близких для поминовения о здравии у раки преподобного. На столе были и другие ручки, и карандаши, но ручки уже были исписанными, а карандаши притупившимися. Это я к тому, что люди подходили и тоже писали свои памятки. У меня попросили ручку, я отдал, а сам пошел в храм, к гробнице.

Там почти всегда очередь, но такая благодатная, такая молитвенная, что очень хорошо, что очередь. Читается акафист преподобному, поется ему величание, а между ними всегда-всегда звучит молитвенный распев: «Господи, помилуй». Поют все. Особенно молитвенно поет монах, которого привозят сюда на коляске.

Приложившись к мощам преподобного, отдав дежурному монаху памятки, я вышел и хотел взять свою авто-ручку. Но к ней уже была очередь. А я торопился и подумал, что зайду за ручкой потом. Но и потом ручка не простаивала, и мне было как-то неловко заявлять, что это моя ручка. Она уже стала не моей, а общей. Я подумал: сколько же ею уже написали имен, сколько же с ее помощью вознесется горячих молитв о здравии болящих, о прозрении заблудших, об утешении страждущих! И разве я что-то могу равное написать этим памяткам? Нет, конечно.

Решив так, я порадовался за ручку: каким же счастливым делом она занята — и пожелал ей долгой жизни.

ДУНАЙСКОЕ ПОХМЕЛЬЕ

Север Болгарии, Силистра, набережная Дуная, осень. Я сижу у стоящего на постаменте танка Т-34 и погибаю с похмелья. Накануне был торжественный вечер, перешедший в еще более торжественную ночь. Здравниц пять или больше я сказал о русско-болгарской дружбе, мне отвечали тем же. Мои сопровождающие переводчики Ваня и Петя курили и хлопали кофе, делать им было нечего: в Болгарии все, по крайней мере тогда (это было лет десять назад), понимали по-русски. Конечно, пели: «Дунай, Дунай, а ну, узнай, где чей подарок», конечно, клялись в любви до гроба. Под утро я упал в своем номере, но вскоре вскочил. Меня подняла мысль: я же еще не умылся из Дуная.

До чего же я любил Болгарию! Все в ней незабываемо, все такое прекрасное, женственное: и юг, и побережье, и горы. В ушах стояло птичье разноголосие Серебряны, в памяти зрения навсегда запечатлелись скальные монастыри, Купрившиц, Сливен, Пловдив, Русе, Жеравна. Теперь вот Силистра, Дунай. Но до Дуная еще надо было пройти метров сто. Я решил посидеть у танка, все-таки свой, уральский, может, он даст сил. Дал. Я немножко заправился из посуды под названием «Каберне», вздохнул и огляделся. Осень. Ну, осень, она везде осень. Листья падают под ноги деревьям, шуршат. Хорошо, тихо.

Ощущение счастья охватило меня. Никого не обидел, никому не должен, ни перед кем не виноват. Все проблемы потом, в России, а пока счастье: дружба, братство, любовь и взаимопонимание. Тем более, до обеда свобода, беспривязное содержание. Искать не будут, я оставил записку Ване и Пете. Да, ведь Ваня и Петя это не мужчины Иван и Петр, а женщины, это имена такие женские в Болгарии — Ваня и Петя. Переводчицы мне достались непьющие, но зато непрерывно курящие. Едем с ними — курят без передышки, я погибаю. Вот остановили машину, вышли. «Ваня, кури, пока стоим, кури, Петя». «На воздухе неинтересно, — отвечают Ваня и Петя, — надо же иногда и подышать». Садимся в машину, они начинают смолить. Да еще обе пьют страшное количество чашек кофе. А так как я кофе совсем не пью, то это для Вани и Пети очень подходит. Они на меня заказывают сразу четыре чашки, а потом эти чашки у меня утаскивают. А заказать чай, по которому тоскую, вроде уже неудобно, поневоле хлещу прекрасные сухие болгарские вина.

Увы, вчера были не только они. Но сегодня, решаю я, только сухое. Только. Хотя бы до обеда. На обеде, а тем более вечером все равно пить. Все равно говорить здравницы о дружбе. Не тосты, именно здравницы. «Тосты» — слово нам навязанное. Тем более болгары, поднимая бокалы, говорят: «На-здрав!»

Ну, наздрав, говорил я себе, все более оживляясь от солнечной виноградной лозы. Наздрав! Наздрав-то наздрав, а одному становилось тоскливо. Да, умыться же из Дуная. Я быстро пришагал к берегу, спустился к воде. Недалеко рыбак возился у лодки.

— Доброе утро, брат! — крикнул я.

— Доброе утро! — откликнулся он.

Вот с кем я выпью. А пока умоюсь. Есть же славянская примета: умыться за год из двенадцати рек — и помолодеешь. А Дунай надо считать за три реки, не меньше: по всему же славянскому миру течет.

— Эй, эй! — услышал я крик. — Не можно, не можно! Химия, химия!

— Что делать, везде экология, — сказал я, подходя к рыбаку. Мы поздоровались. Рука у него была могучая. Но я вроде тоже крепко тиснул:

— Нож у тебя есть? А то я первую открывал, палец чуть не сломал. У него был и нож, и штопор, и стаканы. Правда, не граненые, пластмасса. Звук от чоканья не было, но выпили от души. И допили от души.

— Слушай, — сказал я, — у меня еще одна есть. Но знаешь чего, давай ее выпьем в Румынии. Я везде был, а в Румынии не был. Или пристрелят? А?

— То можно, — сказал рыбак.

Мы столкнули лодку на воду, сели. Мотор взревел, мы понеслись к румынскому берегу.

— Вот тут, — кричал я, — наш Святослав, киевский князь — слышал? — сказал: скорее камни со дна Дуная всплывут, скорее хмель утонет, нежели прервется русско-болгарская дружба! Вот тут, именно тут!

— То так! — кричал и кивал головой рыбак. Обдуваемый ветром, обдаваемый брызгами, я чувствовал себя превосходно. И продолжал просвещать рыбака:

— Отсюда, именно отсюда — понял? — от Суворова ушла депеша, донесение Екатерине, императрице, — слышал? Депеша: «Слава Богу, слава нам, Тутрукан взят, и я там». Турок гнал отсюда. А Святослав печенегов изгнал. Его предали, Святослава.

— Предал кто?

— Кто! Свои, кто! Славяне. А в эту войну наши гнали отсюда фашистов, вот! А теперь мы с тобой тут собрались.

Лодка ощутимо ткнулась в отмель, я даже со скамьи слетел. Вытащили лодку на берег. Не успели изъять пробку, как подошли трое румын. Но не пограничники, тоже, может быть, рыбаки. Они по-русски не говорили, рыбак им объяснил, что я из Москвы. Восторг был превосходительный. Но что такое бутылка сухого на пятерых, это не серьезно.

— Гагарин! — кричали румыны. — Спутник! Дружба! — И все примеряли на меня свои цыганские меховые шапки.

Дружба, оказывается, была не румыно-советская дружба, а нефтепровод «Дружба», спасающий страны Варшавского Договора.

Дружба дружбой, а одними словами ее не укрепишь. Мужики смотрели на меня как на старшего брата в социалистическом содружестве, как на представителя сверхдержавы, защищавшей их от нападков империализма, да и просто как на человека, экономически способного оплатить продолжение радости.

— Выдержит твоя лодка пятерых? — спросил я рыбака. — У меня только болгарские левы.

— Хо! — отвечал рыбак. — Левы они любят. Лишнего не давай. Самый молодой румын умчался и примчался мгновенно. Принес какое-то «Романешти». Оно было хуже болгарского, но крепче. Очень интернационально мы выпили. И еще этот румын сбежал. И еще.

— Парни, — сказал я, — меня эта песня про Дунай заколебала. Давайте споем, а то она из меня не выветрится. Диктую: «Вышла мадьярка на берег Дуная, бросила в воду венки. Утренней Венгрии дар принимая, дальше поплыл поток. Этот цветок увидели словаки...» Я, правда, не понимаю, как мадьярка бросила венки, а дальше поплыл цветок, но неважно. Давайте разом. Три-четыре!

— Мадьяры тьфу! — сказал один румын.

— Тьфу мадьяры, тьфу, — поддержали его два других.

— И словаки тьфу! — сказал румын.

— Хватит «тьфу», — сказал я как старший брат. — Давай еще беги. Вскоре мы дружно ругали и Николае Чаушеску, и Тодора Живкова, и особенно крепко Брежневца. Оказалось, что все мы монархисты. Это сблизило окончательно. Правда, румын время от времени плевался и общал, что и поляки — тьфу, и чехи тем более тьфу, а уж немцы — это очень большое тьфу, такая мать... Румын ругался по-русски.

— И сербы, и албанцы...

— Сербы не, — возразил мой рыбак. — Албанцы-то да, сербы не.

Время летело. Начали обниматься, прощаться, меняться часами и адресами. В знак признательности румыны забежали в воду, провожая нашу лодку. С меня содрали оброк — за то, что уезжаю.

Лодка наша петляла по межгосударственному водному пространству, будто мы сдавали экзамен на фигурное вождение. Румыны нам махали своими шапками.

На берегу... на берегу меня ждали Ваня и Петя. Конечно, меня легко было вычислить: русских тянет к воде. Я закричал им по-болгарски:

— На дружбата на вечната на времената! Ура, товарищи! Каждой по пять чашек кофе, и немедленно! Я был в Румынии, чего и вам желаю. Там я вам нашел по кандидату в мужья. Мне же вас надо отучить от сигарет и кофе и выдать замуж к концу визита. Милко, жаль, ты женат, пошли с нами. Или грузим Ваню и Петю — и в Румынию.

— Румыны — тьфу, — сказали Ваня и Петя.

— Тьфу румыны, — подтвердил мой рыбак.

— Да что вы, японский бог, — сказал я. — Варшавский же Договор. Так на кого же тогда не тьфу? Чур, на Россию не смей. СССР — одно, Россия, Россия... тоже

одно. Вот! — воздел я руки к небу в подтверждение своих слов: по небу пронесся сверхзвуковой самолет-перехватчик «МиГ».

— О, только без самолетов, — сказала Ваня или Петя — я их путал.

— Хорошо. Допустим. А допустить турок, вас истребляющих? А пляски печенегов и питье из черепа славян? А? Было же. Так само и буде, так?

— Вы, русские, сильно всех учите, вот в чем наша претензия, — сказали переводчицы.

— То так, — поддакнул им мой рыбак.

— Теленка, — отвечал я, — тоже ташат насильно к вымени, а не подтащишь, умрет. Да, диктуем, тащим — значит, спасаем. Значит, перестрадали больше всех, испытали больше. Но и у вас учимся. Я ваши скальные монастыри навсегда запомню. Только почему они у вас уже не монастыри, а музеи?

— Вопрос из области диктата.

— Какой диктат — пожелание воскрешения церковной жизни? У меня диктат один: чтоб вы не курили, вы же черные уже внутри. Петя и Ваня молча и оскорбленно пили кофе и курили.

— Хорошо, — нарушил я молчание, — все плохи, одни болгары да русские хороши. Но ведь это тоже гадательно. Мы для вас диктаторы. А мы, между прочим, вас любим, что и доказывали. Вот тут Святослав, древнерусский князь...

— Ой, не повторяй, — сказала Ваня или Петя, — ты вчера это произносил. И про Суворова произносил. И про танк. — Она дернула плечом в сторону Т-34.

— И мне произносил, — настучал на меня пьяный рыбак.

— Тогда немного филологии, — повернул я тему. — Вы — русистики, слушайте. И следите за ходом рассуждения. Вот я, вы же помните, во всех монастырях, церквях, куда мы заезжали и заходили, я же там читал все надписи совершенно свободно. Особенно домонгольские. Да даже и ближе. Так же и в Чехословакии — и у чехов, и у словаков. Но современный болгарский для меня непонятен. То есть? То есть я к тому, что мы раньше были едины и по языку, и по судьбе. А судьба — это, по этимологии, без науки ни шагу, по этимологии — суд Божий. Потом — может быть, со времени Святослава, может, позже или раньше — мы стали отдаляться. То есть своеобразное славянское вавилонское столпотворение, то есть смешение языков. Мы стали расходиться, перестали понимать друг друга. Так?

— То так, — подтвердил пьяный рыбак и стрельнул у Вани сигарету.

— И что же должно произойти, чтобы мы стали вновь сближаться? Что? — спросил я. — Какое потрясение, какой, так сказать, катаклизм? Неужели дойдет до такого сраму, что кого-то будут из славян убивать, а остальные будут на это взирать? А?

Ваня и Петя докурили, утопили окурки в чашках изпод кофе и объявили, что мне пора на званный обед.

Так что пора было идти пить за дружбу. Между славянами.

Незабываемое Рождество

ИЗ ДНЕВНИКА АКАДЕМИСТА-ПАЛОМНИКА

В Иерусалим на Рождественские торжества я попал в составе концертного хора под управлением профессора Московской Духовной Академии архимандрита Матфея (Мормыля). Первые, самые яркие впечатления от палестинского климата мы получили, как только открылся люк аэрофлотовской «Тушки», и в салон ворвался теплый, майский воздух. Яркое солнце, теплый ветер, пальмы... Так нас встретила в середине зимы Святая Земля, где пострадал и воскрес наш Господь.

Погрузившись в удобный автобус, мы познакомились с нашей провожатой — насельницей Горненского монастыря Ириной. Всю дорогу до Иерусалима матушка, привыкшая встречать несведущих в православии туристов, пыталась объяснять нам основы православного вероучения. По сторонам дороги тянулись горы и долины. Местами попадались старые танки, сожженные израильянами еще во время войны с арабами. Когда мы, наконец, въехали в Иерусалим, уже стемнело. За окном автобуса проплывали восточные улочки, где торговцы уже запирали свои лавки на ночь.

Мы остановились у Яффских ворот и отсюда направились в Патриархию, где состоялась встреча Патриарха Московского Алексия с Патриархом Иерусалимским Диодором. Получив благословение Его Блаженства на поклонение святым местам, наша группа направилась в Храм Воскресения Христова — ко Гробу Господню и месту Крестных Страданий Спасителя. Позже мы вновь вернулись сюда для совершения ночной Литургии. Затем мы побывали в Троицком соборе Русской Духовной Миссии, поужинали в Горненском монастыре. Некоторые из нас пошли посмотреть вечерний Иерусалим, а у меня к тому времени уже так гудели ноги, что мне было не до вечерних видов.

В предпразднество Рождества мы снова стояли у Яффских ворот, ожидая прибытия Предстоятелей Православных Церквей. Как только все Патриархи заняли свои места на помосте, начался Крестный ход к Храму Воскресения. Впереди шли арабские скауты. Они громко били в барабаны и играли на волынках. За ними шел хор. В конце процессии шествовали Первоиерархи.

Когда Крестный ход проходил недалеко от Иерусалимской Патриархии, на изломе улицы, на участников шествия вдруг посыпались сверху лепестки роз. Какой-то грек разбрасывал их из окна, стараясь чтобы розовый дождь попал на Патриархов. Это было настоящее торжество Православия. Обычная восточная неразбериха, которую создавали арабские скауты, не мешала чувству единства, возникшему среди участников шествия.

Самым же сильным впечатлением за всю поездку стало для меня посещение монастыря преподобного Георгия Хо-

У монастыря преподобного Георгия Хозевита

зевита. Монастырь находится в пустыне. Все изрезано ущельями. Дороги очень узкие, и ездить здесь довольно опасно. Вокруг — никого, кроме бедуинов, которые кочуют по пустыне, перетаскивая свои пожитки с помощью трактора. Они промышляют здесь продажей национальных арабских головных платков.

Обычно, когда к стоянке подъезжает автобус с туристами, бедуины выходят из засады и «набрасываются» на ошеломленных иностранцев. Но с нашей группой они просчитались. Когда бедуины в рекламных целях нацепили свои платки на некоторых семинаристов, те, по свойственной нашему брату простоте, мило улыбнулись и бодро зашагали к монастырю, поблагодарив «добрых дяденек» за подарки. Такой наглости бедуины не ожидали. Они бросились догонять и объяснять незадачливым жертвам рекламного трюка, что за покупки надо заплатить. Несмотря на это, среди наших братьев все же появились обладатели пестрых сувениров.

Дорога в монастырь идет вдоль ущелья. Отсюда открываются изумительные виды палестинской природы. По дну ущелья некогда струился поток Киссов. Именно в этих местах пророк Илия скрывался от гнева Иезавели. На отвесной скале, под которой приютился монастырь, прилепилась крохотная келья отшельника с маленьким окном. Снизу к ней ведут хлипкие лесенки. Сейчас в этой келье уже никто не живет, и она, словно приглашает ищущих уединения в свои молчаливые стены. Трудно понять, что это за место, не побывав там. Впечатление было такое, что все мы вдруг

попали на страницы Патерика, в гости к пустынножителем V века.

Насельников в монастыре всего пять. Несколько лет назад их игумена завалило камнями во время строительных работ. Братия так любили его, что долгое время не хотели принять нового игумена.

В монастырской церкви священники из числа нашей группы отслужили краткий молебен. Затем мы приложились к мощам преподобного Иоанна Румынского, к мощам мучеников, убитых персами в VII веке и посетили пещеру Или пророка.

Все, что я здесь написал, к сожалению, не может передать тот дух, который обитает в этом святом месте, тот внутренний свет, который озаряет каждого, кто приходит сюда. Кажется, сам преподобный Георгий выходит навстречу и изгоняет из сердца все, что тяготит душу. Каждый камень здесь шепчет: «Забудь о тленных вещах века сего, стань гражданином неба». Ноги отказываются уходить из этой пристани спасения...

Но вот мы снова в автобусе. Впереди нас ждал Иерихон. Здесь мы увидели знаменитое дерево — то самое, на которое забрался Закхей-мытарь, желая увидеть Господа. Там же находится источник пророка Елисея, в котором вода имеет очень необычный вкус. Затем — Мертвое море и Гора искушений. Примерно на середине горы находится греческий монастырь. Здесь находится камень, на котором, по преданию, сидел Господь после искушений. Над камнем установлена плита, служащая святым престолом. Я сразу обратил внимание на прекрасное стеновое письмо. Как мне позже сказал иконописец, ездивший с нашей группой, эти фрески — работа русских иконописцев из Петербурга.

В эту поездку мы побывали в разных местах, многое повидали. Не обошлось и без курьезов. Взять, к примеру, наше купание в Иордане. Нам не удалось погрузиться в священные воды в светлое время суток из-за постоянной спешки, в которой проходила вся наша поездка. Пришлось купаться ночью. Провожатая повела нас к Иордану через лес. Погода была сырая, земля превратилась в месиво. Пока я добирался до реки, на каждом моем ботинке налипло по пуду тяжелой грязи. Наконец, мы добрались до воды. При свете свечей, прилепленных к камням, мы кое-как раз-

Дерево Закхей-мытаря

делись и погрузились в Иордан. Вода была холодной, как в источнике, но весь хор в полном составе омылся в священных струях.

И вот настал праздник Рождества Христова. Это был последний день нашего пребывания в Святой Земле. Утром мы выехали из Горненского монастыря в Вифлеем для участия в совместном богослужении вместе с хорами других Поместных Православных Церквей. Но выяснилось, что нам разрешают спеть только запричастный стих и концерт. В связи с этим настроение у нас было не очень праздничное. Однако, когда подошло время запричастного стиха, мы воспряли духом. В Храме Рождества присутствовало много русских паломников, и мы чувствовали, как они восторженно встрепенулись, услышав родное пение.

К сожалению, дни нашего пребывания в Святой Земле пролетели, как один миг. Столько святых мест за недостатком времени мы не смогли посетить, сколько святынь хотелось бы посетить вновь. Но слава Богу за все. Мы сподобились побывать в колыбели христианства, поклониться месту, где родился Спаситель мира. Своими грешными ногами мы ступали по местам, служившим земным пристанищем Господа и Его Пречистой Матери. Спасибо всем, кто устроил нам эту незабываемую поездку в канун двухтысячелетия Рождества Христова.

Дионисий Коротких, I курс МДА

Под палящим солнцем Иудейской пустыни

Русская Прага

Давно замечено, что душа, попавшая в стесненные обстоятельства, невольно обращается взором к своему Небесному Отечеству, начинает искать Бога. Эта закономерность хорошо известна каждому, кто общался с тяжело больными людьми или людьми, попавшими в места лишения свободы. Нечто подобное можно наблюдать и в среде эмигрантов, то есть людей, покинувших родину. Разные причины вынуждают наших соотечественников покидать Россию. Большинство, конечно, уезжают за кордон в поисках материальных благ. Там легче зарабатывать деньги, легче обустроить свой быт. Но вот оказывается, что материальное благополучие не в силах заменить отсутствие Родины. Золотая клетка все равно остается клеткой. Вот тут и встает перед человеком болезненный, но столь важный вопрос о смысле жизни, о предельных основаниях нашего бытия. И как важно для человека встретить в минуту гнетущей ностальгии другого человека, способного выслушать, понять, поддержать.

Зачем я все это говорю? Дело в том, что начиная с весны 1999 года у нас завязалась дружба с русской православной общиной города Праги. Несмотря на то, что Чехия находится не так уж далеко от пределов нашего Отечества и живет там не столь уж далекий от нас в этническом отношении славянский народ, но чувство чужбины остается и здесь очень острым. Современные чехи, хорошо помня попытки экспорта социализма из СССР, относятся к россиянам без особого почтения. Не зажила еще рана печально известного 1968 года, не забыты еще советские танки, появившиеся тогда на улицах Праги. Нередко нашим соотечественникам приходится здесь переживать минуты горести, тоски, отчаяния. Но многим из них повезло. Они встретили на своем пути настоящего доброго пастыря — архимандрита Тихона (Бондаренко). Благодаря его трудам, многие из русских и украинцев, живущих в Праге, стали регулярно посещать храм, общаться к церковной жизни. Так появилась и стала крепнуть русская православная община. Трудом отца Тихона создан храм воина святого великомученика Георгия Победоносца при Посольстве Российской Федерации в Чешской Республике, освященный 6 мая 1999 года. В Московской Духовной Семинарии находятся на обучении несколько студентов из Чехии, которые готовятся к пастырскому служению в Праге. По приглашению отца Тихона небольшой хор студентов МДС впервые посетил Прагу на Пасху 1999 года. И вот на рождественских канулах 2000 года мы вновь побывали в Чехии.

Прага встретила нас весенней (по нашим меркам) погодой. Зимой здесь практически не бывает снега. Столбик термометра редко опускается ниже нулевой отметки. Однако теплая погода — это не единственное досто-

инство Праги. В русской общине мы почувствовали настоящее душевное тепло, которым нас окружили отец Тихон и его прихожане. Нас любезно согласился принять у себя дома обаятельный староста общины — Александр Витальевич. Он снимает небольшой дом, находящийся в пригороде Праги. Его не менее обаятельная жена Наташа сделала все, чтобы создать для нас настоящий домашний уют. Благодаря им мы посмотрели достопримечательности Праги, съездили в замок Карлштейн, посетили знаменитый пивоваренный завод в поселке Велки Поповицы, отведали блюда национальной чешской кухни.

Ночное Рождественское богослужение было совершено в посольском Георгиевском храме. Его возглавил настоятель храма священник Геннадий, которому сослужили иеромонах Петр (Еремеев) и студент МДС диакон Сергей Попов. Архимандрит Тихон совершил позднюю Божественную литургию в храме, устроенном при Русском доме науки и культуры. После ночного богослужения был устроен фейерверк, который заставил проснуться и вспомнить о великом празднике как мирно отдыхавших сотрудников российского посольства, так и живущих поблизости чехов.

В русской общине есть хорошая традиция — отмечать большие церковные праздники вместе. Обычно в дни окончания постов в Русском доме организовывается разговенье, на которое приглашаются все желающие. Не стало исключением и нынешнее Рождество. После поздней литургии женщины прихожанки сами накрыли стол. Гостям были предложены разные лакомства. Здесь можно было отведать салатов, бутербродов, различных тортов, пирогов и пирожков домашнего приготовления, выпить хорошего вина, чешского пива, натурального сока или компота. Особенно радовались возможности полакомиться дети. Мальчишки-пономари уплетали пирожки за обе щеки, запивая их сладким апельсиновым соком. На таких праздниках люди общаются друг с другом, чувствуют, что они не забыты, что им здесь рады. Эти незатейливые застолья являются маленьким островком России в такой чужой для многих наших земляков Чехии.

8 января в Русском доме был организован детский рождественский концерт. В нем приняли участие как чешские танцевальные и певческие коллективы, так и русские дети, живущие в Праге. Спонсором концерта выступила фирма «Лукойл». Благодаря ее финансовой поддержке каждый ребенок получил детскую Библию и большую коробку с конфетами.

9 января состоялся еще один концерт, теперь уже для взрослых. В нем приняли участие солисты чешской опе-

У Русского Культурного Центра в Праге

ры и артисты театров. Сюрпризом для зрителей стало участие в концерте известной киноактрисы Ирины Муравьевой, которая в рождественские дни находилась в Праге. Принял участие в концертах и наш семинарский хор.

В эти праздничные дни в фойе Русского дома трудами отца Тихона и русской общины были подготовлены выставки православной книги, современной иконы и церковного шитья, а также представлены работы русских художников, живущих ныне в Праге.

После четырех дней непрерывных богослужений и концертных выступлений у нас наконец-то появилось свободное время для того, чтобы погулять по городу.

Много любопытного можно было бы рассказать о современной столице Чехии. Некоторые уличные сцены нас особо поразили. О них и хотелось бы сказать здесь несколько слов.

Прага разделена на две части рекой Влтавой, через которую перекинута множество мостов. Самый знаменитый из них — Карлов мост. Он был построен еще в XIV веке по приказу императора Карла IV. Длина моста 520 метров, ширина — 10 метров. В XVI—XIX веках на Карловом мосту было установлено 30 скульптур и скульптурных групп, изображающих наиболее почитаемых в Чехии святых. Есть здесь и святой Вацлав (Вячеслав) Чешский, и святая Людмила, и равноапостольные Кирилл и Мефодий. Есть и католические святые — Фома Аквинский, Доминик, Франциск. Есть и чешский святой XIV века — Ян Непомуцкий. Мост этот пешеходный. Гуляют по нему, в основном, туристы, поэтому весь мост заставлен лотками с сувенирами. Здесь продают свои работы художники, играет небольшой джаз-банд. И вот среди разношерстной публики Карлова моста наше внимание привлек один человек лет пятидесяти. Он, как нам стало известно, приходит на мост каждое утро и уходит лишь когда стемнеет. Чем он здесь занимается? Придя на мост, он надевает на голову маленькие бутафорские рожки, и его лицо становится похожим на беса, как его обычно изображают на средневековых западных иконах и книжных миниатюрах. Затем этот человек берет в руки зеркало и, глядя на свое отражение, рисует весь день свои портреты в облике злого духа. Тут же на мосту он и продает свои работы. Видимо, это его главный источник до-

хода, так как нам приходилось видеть его на мосту еще весной прошлого года. И теперь он сидел ежедневно на одном и том же месте и занимался все тем же делом. За день мимо него проходят тысячи людей. Кто-то усмехается, кто-то крутит пальцем у виска, кто-то просто не обращает внимания, а кто-то и покупает его жутковатые картины...

Другим наиболее посещаемым местом Праги является Староместская площадь, в центре которой установлен памятник магистру Яну Гусу. Однако вовсе не мемориал чешского реформатора привлекает внимание туристов. Сюда приходят, прежде всего, для того, чтобы увидеть пражские куранты (или Орлой, как их здесь называют), установленные на башне старой ратуши. Часы украшены фигурками, символизирующими человеческие пороки и добродетели. Вот стоит скряга с мешком денег — это сребролюбие, а вот шеголь, любующийся собой в зеркало, — это гордыня. А вот страшный человеческий скелет — это смерть. Каждый час над циферблатом открываются дверцы, и в них одна за одной появляются фигурки двенадцати апостолов. В это время смерть начинает звонить в колокольчик, показывая тем самым, что жить нам осталось еще на один час меньше. Идея Орлая ясна — напомнить прохожему о часе смертном, понудить его отказаться от пороков, возревновать о стяжании добродетелей, возвести ум к Божественному учению, возведенному апостолами. Однако для современных чехов, а тем более для многочисленных туристов все это не более, чем кукольный театр. Каждый час у Орлая собирается множество народа в ожидании забавного представления. Когда дверцы часов закрываются, зрители начинают бурно аплодировать, кричать: «Браво!» — и вообще всячески выражают свой восторг. При этом мало кто задумывается о смысле увиденного.

На наш взгляд, это как нельзя лучше отражает духовное состояние современников. Христианское прошлое Чехии находится ныне практически в полном забвении, хотя следы этого прошлого рассеяны по всей Праге. О нем говорят даже названия улиц: — площадь святого Вячеслава, Кармелитская улица, Лоретанская улица, Вифлеемская площадь, площадь Крестоносцев и т.д. Даже самая старая пражская пивная носит имя святого Фомы (по-чешски Томаша). При этом современные чехи в подавляющем большинстве к религии равнодушны. Практикующие католики и протестанты составляют ничтожный процент населения. В огромных готических и барочных соборах идут концерты классической музыки, поскольку общины верующих не в силах содержать их. Видя все это, начинаешь понимать подвиг веры наших соотечественников, того малого стада, которое старается не поддаваться духу времени.

Покидали мы Прагу с чувством искренней благодарности отцу Тихону и его прихожанам. Они стали нашими настоящими друзьями. И дай Бог, чтобы русская православная община в Праге крепла, возрастала в вере и, главное, не унывала, ведь если с нами Бог, то кто против нас?

Владимир Бурега, 4 курс МДС

7, 8 и 9 января в двухтысячелетний юбилей Рождества Христова более полутора тысяч детей посетили обитель преподобного Сергия и побывали на Рождественских праздничных елках в Московской Духовной Академии.

Перед началом выступления дети и их родители имели возможность посетить музеи Троице-Сергиевой Лавры и Церковно-археологический кабинет Московской Духовной Академии, а также принять участие в разнообразных играх, проводившихся студентами Духовных школ.

Праздники начинались пением тропаря Рождества Христова и приветственным словом ректора Московской Духовной Академии и Семинарии епископа Верейского Евгения.

Дети получили возможность показать свои рождественские представления. Всего в составе различных творческих коллективов на праздник прибыло более ста пятидесяти юных дарований. В исполнении хора православной гимназии Сергиева Посада прозвучало несколько рождественских песнопений. Опекаемые студентами Семинарии воспитанники детского сада «Тополек» показали инсценировку

рождественской сказки. Присутствовали и творческие коллективы из Волгограда — воскресная школа «Афон» и детская художественная школа «Воскресение». Девочки-сироты из приюта «Отрада и утешение» при Свято-Никольском Малоярославском женском монастыре показали спектакль «Рождественская звездочка». Москва была представлена творческим коллективом воскресной школы храма Преображения Господня в Тушино.

С Рождественских елок дети увезли не только яркие воспоминания, но и заботливо приготовленные подарки. Детские праздники, проводимые под кровом преподобного Сергия, становятся доброй традицией Московских Духовных школ.

*Алексей Яковлев,
4 курс МДС*

23—29 января в Москве состоялись VIII-е Рождественские образовательные чтения, посвященные великому юбилею — 2000-летию Рождества Христова. В них приняли участие около пяти тысяч человек — светских и церковных ученых, работников образования, священнослужителей и студентов духовных школ из России, ближнего и дальнего зарубежья.

Перед открытием Рождественских чтений состоялось Патриаршее богослужение в Храме Христа Спасителя. На торжественном заседании в Государственном Кремлевском Дворце присутствовали представители высших органов власти, государственных ведомств, а также иерархи Русской Православной Церкви.

По традиции, Рождественские чтения завершились в Троице-Сергиевой Лавре. В Троицком соборе был отслужен молебен перед ракой с мощами преподобного Сергия Радонежского. Затем в Большом актовом зале Московской Духовной Академии состоялась встреча с преподавателями Духовных школ.

*Сергей Правдолюбов,
2 курс МДС*

15 февраля в Московской Духовной Академии, по благословению ректора Московских Духовных школ епископа Верейского Евгения, проходило празднование Всемирного дня православной молодежи. Здесь, в Духовных школах, этот праздник отмечается впервые и это вызвало особый интерес среди учащихся. Организаторами праздника стали студенческий журнал «Встреча» и штаб-квартира Восточно-Европейского отделения всемирного братства православной молодежи «СИНДЕСМОС».

В приветственном слове к собравшимся владыка Евгений особенно подчеркнул значимость этого праздника. Православное телевидение проявило интерес к столь значимому событию в жизни православной молодежи. На празднике присутствовали съемочные группы телепередачи «Русский Дом» и программы «Ортодокс», а также местное телевидение «Тонус».

Официальная часть торжества была очень насыщенной. В числе приглашенных были: ректор Костромской духовной Семинарии архимандрит Геннадий (Гоголев), представлявший Всецерковное Православное молодежное движение; отец Игорь Бычков, руководитель Коломенского молодежного движения; протоиерей Борис Ничипоров, директор молодежного центра «Новая Корчева», диакон Андрей Кураев и многие другие. На празднике присутствовали и благодетели, заинтересованные в развитии православного молодежного движения в России.

Торжества завершились концертом духовной музыки и праздничным обедом.

День православной молодежи отмечался не только в стенах Московских Духовных школ. В коломенском культурном центре «Лига» также прошел вечер, посвященный этому событию. Организатором выступило Коломенское молодежное движение, которое возглавляет священник Игорь Бычков.

Культурный центр собрал в своих стенах более пятидесяти молодых людей. Усилиями местной мо-

лодежи была организована выставка молодых художников, спектакль городского театра, концерт молодежных хоров и дуэта из Москвы. На этом вечере присутствовали и воспитанники Коломенской Духовной Семинарии, которые имеют давние добрые связи с коломенским молодежным движением и участвуют во многих его мероприятиях.

Завершился вечер дружеским чаепитием.

*Сергей Прокопчук,
Василий Снежко,
3-й курс МДС*

25 февраля в день памяти святителя Алексея митрополита Московского, в Богоявленском Патриаршем соборе была совершена Божественная литургия в честь тезоименитства Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексея. В этот день Его Святейшество удостоил наград некоторых иерархов и клириков Русской Православной Церкви. В числе награжденных был и ректор Московской Духовной Академии и Семинарии епископ Верецкий Евгений, который был возведен в сан архиепископа.

От лица студентов Московских Духовных школ редакция журнала

«Встреча» поздравляет Его Высокопреосвященство с Патриаршей радостью.

29 февраля — 5 марта по благословению ректора Московской Духовной Академии и Семинарии архиепископа Верецкого Евгения и архиепископа Екатеринодарского и Новороссийского Исидора состоялись выступления хора Троице-Сергиевой Лавры и Московской Духовной Академии и Семинарии под управлением архимандрита Матфея (Мормыля) на Кубани. Тысячи кубанцев услышали пение Лаврского хора на концертах в Екатеринодаре, Новороссийске, Майкопе, Анапе, а также в станице Пластуновской родине губернатора Краснодарского края Н.И.Кондратенко, который оказал существенную поддержку при организации этого мероприятия.

В неделю Мясопустную хор пел Всенощное бдение в недавно построенном храме Рождества Христова, а Божественную литургию в кафедральном соборе Екатеринодара в честь святой великомученицы Екатерины.

На прощальном вечере архиепископ Исидор выразил сердечную благодарность регенту архимандриту Матфею, всем участникам и организаторам выступлений хора и отметил высокое значение подобных мероприятий для духовного возрастания народа.

*Александр Войтенко,
4 курс МДС*

5—10 марта в Москве проходил I Конгресс православной прессы, учредителями и попечителями которого выступили Издательский Совет Московского Патриархата, Отдел внешних церковных сношений, Министерство по делам печати, телерадиовещания и средств массовой коммуникации, Союз журналистов, Православное общество «Радонеж» и другие организации. В работе Конгресса приняли участие более 450 участников.

Первое заседание форума открыл митрополит Солнечногорский

Сергий, огласив приветственное слово Святейшего Патриарха Алексея. Затем председатель Издательского отдела Московской Патриархии архиепископ Бронницкий Тихон представил доклад о зарождении и развитии церковной журналистики в России и дал анализ современного состояния православных средств массовой информации.

В рамках Конгресса проходила работа многочисленных секций: «Авторское право, права издателей, распространителей и производителей церковной продукции», «Пресса и интернет», «Актуальные проблемы церковно-государственных отношений», «Проблемы заграничной церковной собственности», «Расколы в Православии» и другие.

В дни работы Конгресса отмечала свой трехлетний юбилей газета «Воскресная школа». Ее главный редактор, монах Киприан (Яценко), совместил празднование этой даты с проведением круглого стола на тему: «Проблемы освещения церковного образования в СМИ».

К сожалению, организаторами Конгресса не была предусмотрена секция молодежной православной прессы, и поэтому представители молодежных изданий могли общаться лишь в кулуарах или в рамках других секций.

В результате работы Конгресса была выработана концептуальная часть устава будущего Союза православных журналистов, и собраны заявки всех желающих вступить в него. На заключительном заседании архиепископ Тихон сказал, что итоговые документы Конгресса будут представлены на рассмотрение и утверждение Святейшему Патриарху. Таким образом решающий шаг на пути создания профессионального Союза православных журналистов сделан.

Впрочем, главным результатом работы форума стало, пожалуй, то, что впервые представители православных средств массовой информации смогли встретиться, познакомиться и вместе обсудить наиболее проблемные.

*Владимир Бурега,
4 курс МДС*

6 и 21 марта в Троице-Сергиевой Лавре состоялось прощание с погибшими в Чечне бойцами Сергиево-Посадского Отряда милиции Особого Назначения. Духовенством были совершены панихиды и чин отпевания, во время которых пели студенты Московских Духовных школ. Проститься с павшими воинами пришли их сослуживцы, родные и жители Сергиева Посада. Лавра с трудом вместила всех желавших помолиться о упокоении душ погибших.

На отпевании присутствовал министр внутренних дел России В.Д. Рушайло, губернатор Московской области Б.В. Громов и другие руководители областной и районной администрации. Наместник Троице-Сергиевой Лавры архимандрит Феогност в проповеди, произнесенной после отпевания, отметил, что ратный подвиг всегда считался на Руси особым жертвенным служением, поэтому Православная Церковь особо чтит и молится о упокоении тех, кто отдал свою жизнь за веру и Отечество.

Все погибшие омовцы, в соответствии с желанием родственников, были похоронены на различных кладбищах Сергиево-Посадского района.

*Алексей Долгов,
4 курс МДС*

В первых числах мая, накануне дня славянской культуры и письменности в Алматы была проведена первая Кирилло-Мефодиевская олимпиада. В конкурсе, организованном Алматинской епархией, приняли участие студенты Алматинского Духовного Училища и богословского факультета при Алматинском Епархиальном Духовном Училище, воспитанники церковноприходских школ Никольского собора и Петропавловского храма столицы Казахстана.

Олимпиада помогла выявить знания учащихся, их умение литературно и точно переводить тексты с церковно-славянского на русский.

К творческому соревнованию готовились все участники, но уровень подготовки оказался различ-

ным. Победителями стали: учащаяся регентского класса Алматинского Епархиального Духовного Училища Беккалиева Марина и студентки богословского факультета Вялкова Ольга и Вдовина Александра.

Олимпиада не только помогла проверить знания учащихся, но и открыла перед организаторами проблему отсутствия достаточного количества хороших учебников и словарей церковно-славянского языка, что сильно осложняет преподавание.

Сегодня мы часто скорбим, что у наших современников притупляется чувство патриотизма и любви к своему Отечеству. Но как может стать ребенок настоящим гражданином своей страны без знания родной истории, истоков родного языка?

«И рады были славяне, что услышали о величии Божиим на своем родном языке...»

Роман Миронов, 2 курс АЕДУ

2, 3 и 5 мая на Светлой седмице, в стенах Московских Духовных школ проходили детские пасхальные концерты, организованные по инициативе Педагогического кабинета Московской Духовной Академии. Их подготовили и провели студенты четвертого — выпускного — курса Московской Духовной Семинарии.

В праздничных концертах принимали участие детские творческие коллективы — победители конкурса литературно-музыкальных композиций и инсценировок «Пасха Красная», проводившегося среди воскресных школ Москвы и Подмосковья. Перед многочисленными гостями выступили дети из Москвы, Сергиева-Посада, Ликино-Дулево, Богородска (Ногинска), Красногорска, Рузы и других городов.

На заключительном концерте присутствовал Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II. Его Святейшество поздравил детей со Светлым Христовым Воскресением и вручил лауреатам конкурса памятные грамоты.

*Николай Стаднюк,
4 курс МДС*

7 мая в Московском Кремле состоялась инаугурация второго президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина.

После инаугурации В.В. Путин принял участие в молебне, который совершил Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II в Архангельском соборе Московского Кремля.

На торжественном молебне пел хор студентов Московской Духовной Академии и Семинарии под управлением преподавателя Московских Духовных школ игумена Никифора (Кирзина).

В знак своего Первосвятительского благословения Его Святейшество подарил В.В. Путину икону святого благоверного князя Александра Невского и пасхальное яйцо, а также передал мозаичные иконы Спасителя и святителя Николая для Спасской и Никольской башен Московского Кремля.

*Сергей Правдолюбов,
2 курс МДС*

5 июня в Московской Духовной Академии был открыт интернет-класс и официальный сервер Московской Духовной Академии.

На презентации присутствовали Управляющий делами Московской Патриархии митрополит Солнечногорский Сергей, ректор Московской Духовной Академии и Семинарии архиепископ Верейский Евгений, Джордж Сорос и президент Института «Открытое общество» Екатерина Гениева.

Интернет-класс открыт при финансовой поддержке Института «Открытое общество».

Архиепископ Верейский Евгений особо подчеркнул важность православного воспитания для пользователей Интернета: «Надо научить человека противостоять злу, и тогда он из любого потока информации возьмет только то, что ему нужно, что не повредит его душе».

Теперь о жизни Московских Духовных школ вы можете узнать через Интернет-сайт www.mpda.ru.

*Сергей Правдолюбов,
2 курс МДС*